

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПОВОЛЖСКИЙ РЕГИОН

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 4 (56)

2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВО

<i>Гуляков А. Д.</i> Федерализм как основа государственно-правовой безопасности	5
<i>Гошуляк В. В.</i> Факторы, влияющие на закрепление правового статуса субъектов Российской Федерации	17
<i>Емелин М. Ю., Николаев Б. В.</i> Свобода религии как средство защиты права на аборт в судебной практике США	26
<i>Гук П. А.</i> Толкование и конкретизация норм и принципов права судебными органами	34
<i>Пузенцова Ю. А., Сеидов Ш. Г.</i> Конституционно-правовое регулирование институтов экономической и политической активности граждан	43
<i>Рыжова А. А.</i> Политико-правовые учения Нового времени как основа британского пенсионного законодательства	55

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Гуськова Н. Д., Ерастова А. В.</i> Субкультура и ее роль в формировании общей организационной культуры вуза	64
<i>Кошевой О. С., Лузгина О. А., Некрылова Н. В., Супиков В. Н.</i> Удовлетворенность выбранным профилем обучения студентов-экономистов (региональный аспект)	74
<i>Скворцова А. А., Скворцов А. О.</i> Нарушения процесса коммуникации между преподавателем и студентами как фактор невосприятия дистанционной формы обучения	86
<i>Розенберг Н. В., Карпова М. К.</i> Социальная мобильность в условиях современного российского общества	99

ЭКОНОМИКА

<i>Синявин В. Ю., Скворцова В. А., Тактарова С. В.</i> Инвестиции в человеческий капитал многонациональной организации	109
--	-----

Лапин А. Е., Лапин Я. А. Оценка уровня социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа	117
Барсукова С. А., Рожнова А. Р. Актуальные проблемы российской системы управления служебно-профессиональным продвижением персонала в организации	136
Володин В. М., Надькина Н. А. Системная трансформация предприятий аграрно-промышленного комплекса в условиях цифровизации рыночных отношений.....	144
Сальникова О. В., Рожкова Л. В. Основные направления развития агропромышленного комплекса стран БРИКС	159
Володин В. М., Бондаренко В. В., Танина М. А., Юдина В. А. Анализ влияния интегративной деятельности высших учебных заведений на экономику предприятий региона.....	169

**UNIVERSITY PROCEEDINGS
VOLGA REGION
SOCIAL SCIENCES**

№ 4 (56)

2020

CONTENTS

LAW

<i>Gulyakov A. D.</i> Federalism as the basis of state and legal security	5
<i>Goshulyak V. V.</i> Factors influencing the subjects' legal status of the Russian Federation	17
<i>Emelin M. Yu., Nikolaev B. V.</i> Religious freedom as a means for abortion rights in the US judicial practice	26
<i>Guk P. A.</i> Interpretation and specification of law standards and principles by the judicial bodies	34
<i>Puzentsova Yu. A., Seidov Sh. G.</i> Constitutional and legal regulation of economic and political activity of citizens	43
<i>Ryzhova A. A.</i> A New time political and legal doctrines as the basis of British pension legislation	55

SOCIOLOGY

<i>Gus'kova N. D., Erastova A. V.</i> Subculture and its role in forming a general organizational culture of university	64
<i>Koshevoy O. S., Luzgina O. A., Nekrylova N. V., Supikov V. N.</i> Economics students' satisfaction with the chosen academic major (a regional aspect)	74
<i>Skvortsova A. A., Skvortsov A. O.</i> A disturbance of the communication process between the teacher and students as a factor of non-acceptance of the distance learning	86
<i>Rozenberg N. V., Karpova M. K.</i> Social mobility in the context of the modern Russian society	99

ECONOMICS

<i>Sinyavin V. Yu., Skvortsova V. A., Taktarova S. V.</i> Investment in human capital of a multinational organization	109
--	-----

Lapin A. E., Lapin Ya. A. Assessment of the socio-economic development's level in regions of the Volga Federal District	117
Barsukova S. A., Rozhnova A. R. Actual problems of the Russian system of personnel career management in organizations	136
Volodin V. M., Nad'kina N. A. System transformation of the agriculture enterprises within digitalization of market relations	144
Sal'nikova O. V., Rozhkova L. V. The main directions of agro-industrial complex development of the BRICS countries	159
Volodin V. M., Bondarenko V. V., Tanina M. A., Yudina V. A. The analysis of universities' integrative activities on the economy of regional enterprises	169

ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ОСНОВА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Современные глобализационные вызовы все чаще подталкивают государства к сохранению своей государственно-правовой безопасности. Понятие государственно-правовой безопасности охвачено современной литературой в достаточно узком ключе. Авторы ограничиваются рассмотрением вопросов анализа состояния оборонной политики и сферы права, не включая основные защитно-стабилизирующие направления деятельности государственного механизма. Однако и государство, и право являются двумя важными компонентами данного понятия. Федеративные государства как более сложные по своему устройству обладают значительными преимуществами для поддержания государственно-правовой безопасности в условиях глобализации. Цель работы – проанализировать, какова роль федерализма в поддержании государственно-правовой безопасности в условиях глобальной нестабильности.

Материалы и методы. Статья основана на публикациях отечественных ученых по теме государственно-правовой безопасности. Проведен анализ широкого спектра источников, освещающих политическую ситуацию в федеративных государствах, в том числе и во время эпидемии коронавируса. Среди используемых в статье методов центральное место занимает сравнительно-государствоведческий и сравнительно-правовой методы.

Результаты. Выдвинута новаторская трактовка понятия государственно-правовой безопасности. Проведен анализ противодействия федеративных государств глобальным угрозам государственно-правовой безопасности, в том числе проанализированы события весны 2020 г., когда развернулась пандемия коронавируса.

Выводы. Автор констатирует, что борьбу с основными вызовами глобализации и сохранение своей государственно-правовой безопасности каждое государство осуществляет своими силами и методами, о чем свидетельствует эпидемиологическая ситуация, сложившаяся весной 2020 г. Согласно трактовке автора, помимо государственного механизма, понятие государственно-правовой безопасности должно включать в себя политический и правовой инструментарий, равно как состояние политической и правовой системы. По сравнению с унитарной федеративная форма является более гибкой. Федеративные государственные конструкции выражают не только позицию центра, но и региональные интересы.

Ключевые слова: государственно-правовая безопасность, федерализм, глобализация, федеративное государство, глобализационные вызовы, федерализация, пандемия.

A. D. Gulyakov

FEDERALISM AS THE BASIS OF STATE AND LEGAL SECURITY

Abstract.

Background. Modern globalization challenges are increasingly pushing states to preserve their state and legal security. The concept of state-legal security is covered by modern literature in a rather narrow way. The authors do not include the legal basis in this concept, focusing on the state. However, both, the state and the law, are important components of this concept. Federated states, as more complex in their structure, have significant advantages for maintaining state and legal security in the context of globalization. The purpose of the work is to analyze the role of federalism in maintaining state and legal security in the context of global instability.

Materials and methods. The methodological basis of the article is the publications of domestic scientists on the topic of state and legal security. An analysis of a wide range of sources covering the political situation during the height of the coronavirus epidemic in federal states was carried out.

Results. An innovative interpretation of the concept of state and legal security has been put forward. An analysis of the counteraction of the federal states to global threats to state and legal security was carried out, including the events of the spring of 2020, when the coronavirus pandemic unfolded.

Conclusions. The author states that each state is fighting the main challenges of globalization and maintaining its state and legal security by its own forces and methods, as evidenced by the epidemiological situation that developed in the spring of 2020. According to the author's innovative interpretation, in addition to the state mechanism, the concept of state and legal security should also include a legal mechanism. Compared to the unitary form, the federal form is more flexible. In the face of threats to state and legal security, federal state structures support not only central, but also regional interests, as evidenced by the studies conducted below.

Keywords: state and legal security, federalism, globalization, federal state, globalization challenges, federalization, pandemic.

Современное государство и общество сталкивается с возрастающим числом вызовов — как долговременного, так и кратковременного характера (схема 1).

Эти проблемы, как показывает развернувшаяся с весны 2020 г. пандемия коронавируса, в силах решать только конкретное государство, а не международные организации или уж тем более не какая-то мифическая «общепланетарная общественность». События 2020 г. в очередной раз убедительно свидетельствуют об очевидных противоречиях между глобальными тенденциями общественного развития и чисто государственными способами решения проблем. **Только посредством отстаивания конкретной страной своей государственно-правовой безопасности наша цивилизация имеет шанс сохранить себя.**

Само понятие государственно-правовой безопасности неоднозначно. К сожалению, многие авторы трактуют его слишком узко, с позиций пре-

имущественно внешней защищенности страны и государственного суверенитета. Причем речь они ведут только о государственной безопасности.

Схема 1

Основные вызовы глобализации, стоящие перед человечеством [1]

Например, по мнению А. В. Опалева, под государственной безопасностью понимается «защищенность суверенитета, независимости, территориальной целостности и конституционного строя страны, ее экономического, научно-технического и оборонного потенциала, законных прав и свобод личности от разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб и организаций, а также от преступных посягательств отдельных групп или лиц» [2]. Д. Б. Ирошников полагает, что «государственная безопасность – это состояние государства, которое обеспечивает защиту государственного строя, государственных органов, территориальной целостности государства, а также его суверенитета» [3]. М. Р. Чарьев определяет государственную безопасность через «состояние государства, которое выражается в незыблемости его жизненно важных интересов» [4].

Между тем правильнее, с нашей точки зрения, говорить не о государственной, а о **государственно-правовой безопасности**, поскольку право без

государства не существует, а с другой стороны, в своей деятельности государство не может обойтись без правового инструментария. К сожалению, А. Н. Рыбалка в своей трактовке государственно-правовой безопасности не упоминает об этом правовом инструментарии. Он считает, что она лишь «характеризует уровень защищенности интересов общества, личности и верховной власти, влияющий на соотношение стратегических целей государства, его экономических, военных, политико-дипломатических и других возможностей с реальным воздействием на процессы обеспечения национального суверенитета и территориальной целостности в условиях глобализации» [5].

На самом деле в самом широком смысле **государственно-правовую безопасность** следует рассматривать как состояние текущей и перспективной стабильности государства в его противостоянии с внешними вызовами глобализации и потерей внутреннего равновесия политической и правовой системами. Эта стабильность государства и государственного строя поддерживается с помощью адекватно функционирующего государственного механизма, правового и политического инструментария, совместно генерируемого с политической и правовой системами (схема 2).

Схема 2

При этом вызовы глобализации, как мы уже отметили, многочисленны и всеохватывающи. Они носят как объективный (климатическая неустойчивость, медико-эпидемиологические угрозы), так и в большей степени руко-

творный характер (демографический рост, загрязненность природной среды, информационное манипулирование и т.д.).

Основой государственно-правовой безопасности выступает стабильность государственного строя при возможности его разумного саморегулирования. Конституционно-правовой опыт свидетельствует, что **федерализм гарантирует более гибкую форму государственного устройства по сравнению с унитаризмом и в условиях глобализации преимущества федерализма возрастают.**

Одним из часто упоминаемых преимуществ федеративных государств является то, что само по себе их более сложное устройство, чем у унитарных образований, выступает укрепляющим фактором. Распределение власти между несколькими уровнями управления помогает разным группам политических элит уравнивать друг друга. Еще одним преимуществом федеративных государственных конструкций является то, что они способствуют защите региональных интересов. Особенно красноречиво об этом свидетельствует ситуация с франкоязычной провинцией Квебек, факт существования которой гарантирует права франкоязычного меньшинства перед англоязычным большинством в рамках канадского государства. Наконец, нельзя сказать и о том, что федерализм содействует управлению большими территориями. Это имело особенное значение в прошлом, когда центральное правительство сталкивалось с серьезными коммуникационными проблемами [6]. Обратим внимание, что среди наиболее успешных федеративных государств такие страны-гиганты, как Россия, Канада, США, Индия, Бразилия. Впрочем, федерализм не противопоказан средним и малым странам: им он также помогает решать этно-конфессиональные, политические, экономические трудности. Не случайно, что к наиболее стабильным федерациям относятся Швейцария, Австрия.

Федерализм позволяет совершенствовать систему государственно-правовой безопасности как в ее «внутреннем» пользовании, так и вовне – в отношениях страны и субъектов федерации с другими странами и субъектами международных отношений [7]. Субъекты федерации получают властные полномочия согласно своим возможностям, которые они могли бы использовать для поднятия своего внутреннего потенциала и при этом оставаться в равных статусных положениях, что формирует единый и целостный вектор их развития, что оказывает благотворное влияние на процесс функционирования системы государственно-правовой безопасности.

Федеративное устройство государства в государственно-правовом отношении создает уникальную возможность организовать общественную жизнь так, чтобы в ней единичное (личностное), особенное (коллективное, региональное) и общее (общегосударственное) свободно сочетались, дополняли и усиливали друг друга, сохраняя и укрепляя многообразную целостность [8]. Федеративные государства существуют на протяжении более чем двух столетий, и ими накоплен значительный опыт реагирования на внешние и внутренние угрозы. Так, США в силу динамичного характера своей государственной модели не только отстаивали свою независимость от бывшей метрополии, но и быстро освоили континентальное пространство от Атлантического до Тихого океана, а затем обеспечили себе мировую гегемонию. Канада благодаря конституированию с благословения властей метрополии федера-

тивного доминиона преодолела потенциальную угрозу экспансии с юга, со стороны США, и добилась превращения западных провинций в аграрно-сырьевую житницу. Индия после обретения независимости от Великобритании отказалась от унитарной модели развития и обеспечила себе относительную стабильность в условиях мультиэтнической мозаичности. Наконец, наша страна, сформировавшаяся как многонациональная империя, логично перешла к советскому и постсоветскому федерализму, эффективно реагируя на внешние угрозы Запада.

На рубеже тысячелетий в условиях глобальной нестабильности закономерно возрастает значение федерализма как гибкой государственной конструкции. И это не случайно, поскольку он «одновременно относится к структуре и функционированию государственной власти; содействует сохранению как единства, так и разнообразия государственных и общественных структур; включает действие как политических, так и социальных факторов; связывает воедино как цели, так и средства их достижения; соединяет эти цели с развитием страны и глобальными проблемами мирового развития; постоянно меняет формы своей политической организации» [9].

Процессы федерализации все больше охватывают и страны Азии и Африки. Для многих из них переход от унитарной к федеративной конструкции связан с надеждой на внутреннюю стабилизацию. Так, в Мьянме (Бирме), где на долю администрирующего этноса – бирманцев – приходится 60 % населения, но где имели место затяжные этнические конфликты, провозглашение в Конституции 2008 г. федеративного характера государства дало известную надежду на будущее. В государстве, которое ныне состоит из семи административных областей, семи штатов и пяти самоуправляемых зон [10], причудливо сочетаются черты дуалистического и кооперативного федерализма, федеративной симметрии и ассиметрии [11].

Правда, после прихода к власти в 2011 г. гражданского правительства вновь подняли голову крайние националисты. Кровавые конфликты между буддистами и мусульманами бенгальского происхождения в национальном штате Аракан, мусульманские погромы в Центральной Мьянме в 2012–2013 гг. дискредитируют идею демократии. Военные, которые пока ушли с авансцены, опасаются раскола страны на семь независимых частей [12].

Таким же неустойчивым является положение в Непале: здесь в предгорьях Гималаев проживает около ста народностей и каст. Непальский язык признают родным только чуть менее половины (49 %) населения. Свыше 80 % жителей исповедуют индуизм, около 10 % – буддизм [13]. Идея федерализации впервые была выдвинута в середине XX в. народом, проживающим на южной границе, но условия для ее реализации сложились только после свержения монархии в 2008 г.

В ходе 10-летней гражданской войны оппозицией была выдвинута идея этнических штатов. После выборов в первую Конституционную ассамблею в 2007 г. развернулись длительные дискуссии, и весной 2015 г. четыре главных партии подписали соглашение из 16 пунктов, предполагавших учреждение шести штатов. При этом полного согласия в обществе по поводу численности и характера штатов выработано не было. Кто-то считал, что они долж-

ны быть сформированы по этническому, а кто-то – по религиозному признаку. Были и просто противники федерализма [14].

В проекте Конституции говорится о трех уровнях власти – федеральном, провинциальном и местном – и о возможности создания специальных автономных регионов. Проводится разграничение полномочий в соответствии со сложившейся в мире практикой на полномочия центра, субъектов и совпадающие полномочия. При этом все оставшиеся полномочия резервируются за центральной властью [15].

Пандемия коронавирусной инфекции, разразившаяся в начале 2020 г. и усугубившая очередной мировой циклический кризис, продемонстрировала, что федерализм при адекватности управленческих решений и отказе от межпартийной борьбы может обеспечить необходимую государственно-правовую безопасность. К сожалению, в США это удалось гарантировать далеко не в полной мере.

Первый заболевший в этой стране появился 20 января, и в конце января федеральный центр объявил об ограничительных мерах по внешнему контуру. Со 2 февраля вводится запрет на въезд иностранцев, если они были в Китае в течение двух предшествующих недель. Для американских граждан, возвращающихся из центра эпидемии в провинции Хубэй, вводился 14-дневный карантин. Но этих мер оказалось недостаточно, и они были запоздалыми. Во-первых еще до их введения, по подсчетам газеты Нью-Йорк Таймс, за январь 2020 г. из Китая прибыло 380 тыс. человек (включая 4 тыс. прибывших из Уханя). Во-вторых, уже после введения ограничений за февраль-март из Китая въехали почти 40 тыс. человек [16]. Внешние запреты ужесточались. 20 марта был запрещен въезд для иностранцев из стран Евросоюза. 19 марта Государственный департамент приостановил выдачу виз во всех посольствах США.

Внутри страны федеральный центр приобрел право введения мер социального дистанцирования штатам. «Большинство штатов – 42 – его ввели, 8 – отказались» [17]. Не обязывали население к ношению масок в публичных местах, проявив преступное благодушие, в 21 штате. Зато все штаты запретили скопление людей в тех или иных численных пределах, были закрыты школы, бары и рестораны (за исключением Южной Дакоты). Не закрывали второстепенные в плане жизнеобеспечения торговые точки только 3 менее населенных штата (Небраска, южная Дакота, Вайоминг) [18].

Законодательная власть срочно одобрила меры экономической поддержки. Прежде всего были ассигнованы средства на цели здравоохранения (400 млрд долл.), индивидуальную помощь потерявшим работу, а также всем американцам исходя из норматива 2400 долл. на семью из двух человек плюс 500 долл. на каждого ребенка (всего 500 млрд долл.), экономическую помощь на поддержку малого бизнеса (350 млрд долл.) и крупных корпораций (500 млрд долл.). Разумеется, этих средств оказалось недостаточно: например, штаты и муниципалитеты еще запросили 500 млрд долл. для компенсации налоговых поступлений, не поступивших от закрытого на карантин бизнеса.

Вместе с тем, к сожалению, вопрос о противодействии эпидемии изначально приобрел межпартийную ожесточенность. Президент-республиканец Д. Трамп публично был склонен недооценивать опасность инфекции – по крайней мере до начала апреля [19]. И даже признавая конституционное право властей штатов самим регулировать санитарные ограничения, он призывал губернаторов их отменить. 17 апреля после протестов определенных групп населения против режима изоляции он выступил с призывом к губернаторам-демократам: «Освободите Мичиган!», «Освободите Вирджинию!», «Освободите Миннесоту!» [20]. Пресса США, ориентированная преимущественно на демократическую партию, во всю обвиняет президента в некомпетентности и административном нажиме на подчиненные ему федеральные агентства и должностных лиц в целях сокрытия подлинных масштабов эпидемии [21]. Однако более чем безответственно ведут себя сами демократы, по сути дела инспирировавшие расовые и лево-анархистские волнения в городах под лозунгами «Черные жизни имеют значение», которые не только подрывают правопорядок, но и мешают необходимому социальному дистанцированию, усугубляя санитарную ситуацию [22].

Более рационально и организованно подошли к противодействию коронавирусной инфекции в другой федеративной стране – Германии. В процессе реализации указаний федеральным парламентом был принят специальный закон о защите от инфекции, который стал правовой основой для эффективных действий со стороны земельных властей. Таким образом, реализовывалась традиционная для Германии модель административно-кооперативного федерализма [23].

Сама эпидемия в ФРГ быстро пошла на спад: если в начале апреля заболело около 6 тыс. ежедневно, то в начале мая – около 1 тыс. Разумеется, завершилась только первая волна мировой эпидемии и статистика еще будет не раз меняться. Но уже сейчас ясно, что с точки зрения организации медицины и организации власти германское федеративное государство показало превосходство над американским.

В России развитие эпидемии коронавируса оказалось несколько отсроченным по сравнению со странами Западной Европы и США. Сказалась достаточно эффективная защита от проникновения зараженных из КНР. В то же время в целом, по словам председателя Счетной палаты А. Кудрина в интервью RT 28 сентября, Россия не хуже других стран встретила пандемию. Нашими преимуществами оказались централизованная медицина, большая финансовая материальная помощь субъектам на закупки медицинского оборудования и строительство медицинских объектов [24]. Управленческой новацией стало также то, что в условиях традиционно высокоцентрализованного российского федерализма регионам были предоставлены значительные полномочия. И это оправданно, поскольку «85 регионов России настолько разные, что Китай, при всем его климатическом и прочем разнообразии, несопоставим с Россией, где одно дело – это Сочи, и совсем другое – Якутия с Оймяконом, самой холодной точкой мира» [25].

Федеральные власти приняли важные меры по централизованной помощи экономике и населению. Что же касается мер социального дистанцирования, режима работы предприятий – то это прерогатива каждого субъекта. Другой вопрос, что в известной мере «управленческим маяком» для других

губернаторов стал мэр Москвы С. С. Собянин, который в силу мегаполисного характера столицы раньше столкнулся с эпидемией и технологически оказался лучше к ней подготовлен. При этом в будущем ситуация диктует дальнейшие шаги по децентрализации принятия решений – например, «целый ряд налоговых послаблений и льгот, которые касаются малого и среднего бизнеса, тоже вполне могут быть отданы на региональный уровень...» [25].

Таким образом, всем странам следует искать ответы на глобальные угрозы, но у федеративных государств эти ответы могут быть более эффективными, более гибкими, лишенными пут жесткой централизации и бюрократизации унитарных социумов.

Библиографический список

1. **Гуляков, А. Д.** Глобальные вызовы для федерализма / А. Д. Гуляков // Этнический федерализм: поиски, проблемы, решения : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 16 сентября 2020 г.) / под ред. чл.-корр. Междунар. академии сравнительного права А. Ю. Саломатина. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. – С. 5.
2. **Опалев, А. В.** О некоторых базовых категориях Закона Российской Федерации «О безопасности» и Концепции национальной безопасности Российской Федерации / А. В. Опалев // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: Научно-практический комментарий / под ред. В. Н. Ушакова, И. Л. Трунова. – Москва, 2006.
3. **Ирошников, Д. В.** Правовая политика Российской Федерации в сфере государственной безопасности: теоретический аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ирошников Д. В. – Тамбов, 2011. – 26 с.
4. **Чарьев, М. Р.** Судебная власть в системе обеспечения государственной безопасности Российской Федерации / М. Р. Чарьев // Российский судья. – 2006. – № 3. – С. 7–12.
5. **Рыбалка, А. Н.** Государственно-правовые технологии обеспечения национальной безопасности России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рыбалка А. Н. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 2.
6. **Makarenko, Jay.** Federalism in Canada: Structure and Action / Jay Makarenko. – URL: www.mapleleafweb.com/features/federalism-canada-basic-framework-and-operation (дата обращения: 10.09.2020).
7. **Умнова, И. А.** Конституционные основы современного российского федерализма / И. А. Умнова. – Москва : Дело, 2000. – С. 11.
8. **Королева, Ю. М.** Российский федерализм как фактор формирования системы национальной безопасности страны / Ю. М. Королева // Власть. – 2010. – № 3. – С. 54, 55.
9. **Кремянская, Е. А.** Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование : монография / Е. А. Кремянская. – Москва : МГИМО, 2015. – С. 39.
10. Мьянма // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мьянма> (дата обращения: 10.09.2020).
11. **Preecharush, D.** Democratization and Containing Ethnic Conflicts in Transitional Myanmar: A Study through Federalism Typologies and Models / D. Preecharush. – URL: http://www.burmalibrary.org/docs21/Transition/Preecharush-2015_Democratization_and_Containing_Ethnic_Conflicts_in_Transitional_Myanmar_A_Study_through_Federalism_Typologies_and_Models.pdf (дата обращения: 10.09.2020).
12. **Беленький, Е.** Новое руководство Мьянмы будет решать проблемы, «отложенные историей» / Е. Беленький // РИА Новости. – URL: [15.03.2016/ria.ru/201601390308617.html](https://ria.ru/201601390308617.html) (дата обращения: 10.09.2020).

13. Непал // Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Непал> (дата обращения: 10.09.2020).
14. **Mishra, A.** The Marginalized Groups and Federalism in Nepal / A. Mishra, D. Shah, P. Shah. – URL: <http://www.madhesiyouth.com/political/the-marginalized-groups-and-federalism-in-nepal/> (дата обращения: 10.09.2020).
15. Nepal's Constitutions 2015. – P. 38, 39. – URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Nepal_2015.pdf (дата обращения: 01.10.2020).
16. 430,000 People Have Travelled from China to US Since Coronavirus Surface / S. Eder, H. Fountain, M. Keller, M. Xiao, A. Stevenson // New York Times. – 2020. – 15 april. – URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 01.10.2020).
17. **Супян, В. Б.** Экономическая ситуация в США: текущие и возможные долгосрочные последствия кризиса / В. Б. Супян // США. Канада. Экономика-Политика-Культура. – 2020. – № 5. – С. 58.
18. US state and local government responses to the COVID-19 pandemic. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/U.S._state_and-local_government_responses_to-COVID-19_pandemic (дата обращения: 23.09.2020).
19. **Stevens, H.** From “It’s going to disappear” to “We will win this war” (How the president’s response to the coronavirus has changed since January) / H. Stevens, S. Tan // Washington Post. – 2020. – 31 march. – URL: <https://www.washingtonpost.com/> (дата обращения: 01.10.2020).
20. **Forgey, F.** Trap breaks with his own guidelines to back conservative anti-quarantine protesters / F. Forgey // Politico. – 2020. – 17 april. – URL: <https://www.politico.com/> (дата обращения: 01.10.2020).
21. US Federal government response to the COVID-19 pandemic. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/U.S._federal_government_responses_to-COVID-19_pandemic (дата обращения: 23.09.2020).
22. Этнический федерализм : энцикл. ил. слов. / А. Ю. Саломатин, Н. В. Макеева, Е. В. Наквакина ; под ред. проф. А. Ю. Саломатина. – Москва : РИОР, 2020. – С. 63, 64.
23. **Saurer, J.** COVID-19 and Cooperative Administrative Federalism in Germany / J. Saurer // The Regulatory Review. – 2020. – 13 may. – URL: <https://www.theregview.org/2020/05/13/saurer-covid-19-cooperative-administrative-federalism-germany/> (дата обращения: 01.10.2020).
24. **Петренко, И.** «Научились быстрее реагировать»: глава Счетной палаты Алексей Кудрин о борьбе с пандемией и ее влиянии на экономику / И. Петренко. – URL: <https://russian.rt.com/business/article/787247-kudrin-intervyu-ekonomika> (дата обращения: 29.09.2020).
25. Сенатор от Татарстана о новых полномочиях регионов // Реальное время. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/171200-senator-of-tatarstana-o-polnomochiyah-regionov> (дата обращения: 28.09.2020).

References

1. Gulyakov A. D. *Etnicheskiy federalizm: poiski, problemy, resheniya: sb. st. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Penza, 16 sentyabrya 2020 g.)* [Ethnic federalism: searches, problems, solutions: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Penza, 16th of September, 2020)]. Penza: Izd-vo PGU, 2020, p. 5. [In Russian]
2. Opalev A. V. *FSB Rossii. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti federal'noy sluzhby bezopasnosti po obespecheniyu natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii: Nauchno-prakticheskiy kommentariy* [FSS of the Russian Federation. Legal regulation of the activities of the federal security service to ensure the national security of the Russian Federation. Scientific and practical commentary]. Moscow, 2006. [In Russian]

3. Iroshnikov D. V. *Pravovaya politika Rossiyskoy Federatsii v sfere gosudarstvennoy bezopasnosti: teoreticheskiy aspekt: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [Legal policy of the Russian Federation in the field of state security: theoretical aspect: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Tambov, 2011, 26 p. [In Russian]
4. Charyev M. R. *Rossiyskiy sud'ya* [Russian judge]. 2006, no. 3, pp. 7–12. [In Russian]
5. Rybalka A. N. *Gosudarstvenno-pravovye tekhnologii obespecheniya natsional'noy bezopasnosti Rossii: avtoref. dis. kand. yurid. nauk* [State legal technologies for ensuring the national security of Russia: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of juridical sciences]. Rostov-on-Don, 2005, p. 2. [In Russian]
6. Makarenko Jay. *Federalism in Canada: Structure and Action*. Available at: www.mapleleafweb.com/feaqtures/federalism-canada-basic-framework-and-operation (accessed 10.09.2020).
7. Umnova I. A. *Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiyskogo federalizma* [Constitutional foundations of modern Russian federalism]. Moscow: Delo, 2000, p. 11. [In Russian]
8. Koroleva Yu. M. *Vlast'* [Authority]. 2010, no. 3, pp. 54, 55. [In Russian]
9. Kremyanskaya E. A. *Teoriya i praktika federalizma: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya* [Theory and practice of federalism: comparative legal research: monograph]. Moscow: MGIMO, 2015, p. 39. [In Russian]
10. *M'yanma*. Wikipedia. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/M'yanma> (accessed 10.09.2020).
11. Preecharush D. *Democratization and Containing Ethnic Conflicts in Transitional Myanmar: A Study thought Federalism Typologies and Models*. Available at: http://www.burmalibrary.org/docs21/Transition/Preecharuch-2015_Democratization_and_Containing_Ethnic_Conflicts_in_Transitional_Myanmar,_A_Study_through_Federalism_Typologies_and_Models.pdf (accessed 10.09.2020).
12. Belen'kiy E. *Novoe rukovodstvo M'yanmy budet reshat' problemy, «otlozhennye istoriei»* [Myanmar's new leadership will tackle problems “delayed by history”]. RIA New. Available at: [15.03.2016/ria.ru/201603150308617.html](http://ria.ru/20160315/201603150308617.html) (accessed 10.09.2020). [In Russian]
13. *Nepal*. Wikipedia. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Nepal> (accessed 10.09.2020).
14. Mishra A., Shah D., Shah P. *The Marginalized Groups and Federalism in Nepal*. Available at: <http://www.madhesiyouth.com/political/the-marginalized-groups-and-federalism-in-nepal/> (accessed 10.09.2020).
15. *Nepal's Constitutions* 2015, p. 38, 39. Available at: https://www.constituteproject.org/constitution/Nepal_2015.pdf (accessed 01.10.2020).
16. Eder S., Fountain H., Keller M., Xiao M., Stevenson A. *430,000 People Have Travelled from China to US Since Coronavirus Suface*. New York Times. 2020, 15 April. Available at: <https://www.nytimes.com/> (accessed 01.10.2020).
17. Supyan V. B. *SShA. Kanada. Ekonomika-Politika-Kul'tura* [USA. Canada. Economics-Politics-Culture]. 2020, no. 5, p. 58. [In Russian]
18. *US state and local government responses to the COVID-19 pandemic*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/U.S._state_and-local_government_responses_to-COVID-19_pandemic (accessed 23.09.2020).
19. Stevens H., Tan S. *From “It's going to disappear” to “We will win this war” (How the president's response to the coronavirus has changed since January)*. Washington Post. 2020, 31 March. Available at: <https://www.washingtonpost.com/> (accessed 01.10.2020).
20. Forgey F. *Trap breaks with his own gruidelines to back conservative anti-quarantine protesters*. Politico. 2020, 17 April. Available at: <https://www.politico.com/> (accessed 01.10.2020).
21. *US Federal government response to the COVID-19 pandemic*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/U.S._federal_government_responses_to-COVID-19_pandemic (accessed 23.09.2020).

22. Salomatin A. Yu., Makeeva N. V., Nakvakina E. V. *Etnicheskiy federalizm: entsikl. il. slov*. [Ethnic Federalism: encyclopedia of words]. Moscow: RIOR, 2020, pp. 63, 64. [In Russian]
23. Saurer J. *COVID-19 and Cooperative Administrative Federalism in Germany*. The Regulatory Review. 2020, 13 May. Available at: <https://www.theregreview.org/2020/05/13/saurer-covid-19-cooperative-administrative-federalism-germany/> (accessed 01.10.2020).
24. Petrenko I. «*Nauchilis' bystree reagirovat'*»: glava Schetnoy palaty Aleksey Kudrin o bor'be s pandemiei i ee vliyani na ekonomiku [“We learned to react faster”: the head of the Accounts Chamber Alexei Kudrin on the fight against the pandemic and its impact on the economy]. Available at: <https://russian.rt.com/business/article/787247-kudrin-intervyu-ekonomika> (accessed 29.09.2020). [In Russian]
25. *Senator ot Tatarstana o novykh polnomochiyakh regionov* [Senator from Tatarstan on the new powers of the regions]. Real time. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/171200-senator-of-tatarstana-o-polnomochiyah-regionov> (accessed 28.09.2020). [In Russian]

Гуляков Александр Дмитриевич
кандидат юридических наук, доцент,
ректор Пензенского государственного
университета (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)
E-mail: rector@pnzgu.ru

Gulyakov Aleksandr Dmitrievich
Candidate of juridical sciences, associate
professor, rector of Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Гуляков, А. Д. Федерализм как основа государственно-правовой безопасности / А. Д. Гуляков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 5–16. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-1.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Поправки в Конституцию Российской Федерации затронули в том числе и вопросы федеративного устройства. Они оказали влияние на формирование правового статуса субъектов Российской Федерации. Это в значительной степени актуализировало проблему исследования. Статья ставит своей целью выявление факторов, влияющих на закрепление правового статуса субъектов Российской Федерации.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа Конституции РФ, конституционного законодательства РФ, уставов и конституций субъектов РФ. Методологический потенциал включает следующие методы исследования: сравнительно-правовой, логический, институциональный, формально-юридический, исторический.

Результаты. В статье рассмотрены типы федеративных государств, определено место России в данной типологии и влияние особенностей российского федерализма на правовой статус субъектов РФ.

Выводы. На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что основными факторами, которые влияют на определение конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации, являются принципы российского федерализма и правовые нормы, касающиеся российского федерализма, закрепленные в Конституции РФ, отнесение Российской Федерации к конституционным многонациональным федерациям централизованного типа, асимметричной моделью российского федерализма с ее корректировкой текущим законодательством в сторону симметричности.

Ключевые слова: федеративное устройство, федерализм, типология федеративных государств, конституционно-правовой статус.

V. V. Goshulyak

FACTORS INFLUENCING THE SUBJECTS' LEGAL STATUS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract.

Background. Amendments to the Constitution of the Russian Federation also touched upon issues of Federal structure. They influenced the formation of the legal status of the subjects of the Russian Federation. This is largely brought the problem of the study. The article aims to identify the factors that affect the consolidation of the legal status of the subjects of the Russian Federation.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved on the basis of analysis of the Constitution, the constitutional law of the Russian Federation.

ration, charters and constitutions of subjects of the Russian Federation. The methodological potential includes the following research methods: comparative legal, logical, institutional, formal legal, historical.

Results. The article considers the types of Federal States, determines the place of Russia in this typology, and the influence of the features of Russian federalism on the legal status of the subjects of the Russian Federation.

Conclusions. Based on the conducted research, it is concluded that the main factors that influence the determination of the constitutional and legal status of the subjects of the Russian Federation are the principles of Russian federalism and legal norms concerning Russian federalism enshrined in the Constitution of the Russian Federation, the classification of the Russian Federation as a constitutional multinational federations of a centralized type, an asymmetric model of Russian federalism with its adjustment by current legislation towards symmetry.

Keywords: federal structure, federalism, typology of Federal States, constitutional and legal status.

В Российской Федерации в соответствии с Конституцией РФ правовой статус субъектов РФ устанавливается Конституцией РФ, конституциями и уставами субъектов РФ. Мировой опыт федеративного устройства показывает, что статус субъектов федерации предопределяется тем, к какому виду федерации – централизованной или децентрализованной, конституционной, договорной – относится данное государство.

Решающую роль в определении правового статуса субъекта федерации в децентрализованных и договорных федерациях играют сами субъекты федерации, которые передают снизу ряд полномочий федеральному центру. В отличие от них в централизованных федерациях, наоборот, федеральный центр сверху передает ряд полномочий субъектам федерации.

Если взять за основу данную классификацию, то Российскую Федерацию можно отнести к конституционным централизованным федерациям, в которых главную роль играют федеральные органы государственной власти.

Следует отметить, что в России неоднократно предпринимались попытки реформирования федеративных отношений. Одной из последних стало заключение Федеративного договора 1992 г., что дало возможность некоторым исследователям сделать вывод о том, что Российская Федерация стала конституционно-договорной федерацией. «После заключения Федеративного договора изменилась модель российского федерализма; произошло преобразование федерации, построенной на принципах национальной автономии, в конституционно-договорную федерацию с охватом федеративными отношениями всех ее субъектов» [1, с. 17].

После принятия Конституции РФ 1993 г. модель современного российского федерализма была изменена. В ней была реализована идея конституционной федерации [2, с. 21]. Согласно ей правовой статус субъектов федерации закрепляется сверху, в федеральной конституции, которая является основным законом федеративного государства. Вместе с ней правовой статус на основе конституционных норм определяется и в учредительных актах субъектов федерации, в их конституциях и уставах. При этом субъекты федерации не могут выходить за рамки конституционно-правового статуса субъектов РФ. Это указывает на производный от федеральной конституции характер правового статуса субъектов РФ, закреплённого в их конституциях и уставах. Здесь мы не можем вести речь об учредительности данных правовых норм.

Слагаемые конституционно-правового статуса субъектов федерации в научной литературе определяются по-разному. Наибольшее их число указано в монографии «Основы теории и практики федерализма». Среди них:

«1. Состояние субъектов федерации в федеративном государстве как составных частей данного государства. Все они входят в состав единого государства.

2. Субъекты федерации не могут в одностороннем порядке устанавливать свой правовой статус и выходить за рамки норм основного закона.

3. Все субъекты федерации наделяются собственными предметами ведения и полномочиями. Конституция определяет способы разграничения предметов ведения.

4. Субъекты федерации имеют свои учредительные акты. В России это конституции и уставы субъектов федерации.

5. Каждый субъект федерации устанавливает свою систему органов государственной власти.

6. Субъект федерации имеет свою территорию. Территория субъекта федерации не может быть изменена без согласия данного субъекта.

7. Федеративное государство предпринимает меры для обеспечения единства экономического пространства на всей территории государства.

8. В федеративных государствах обеспечивается единый правовой статус личности, независимо от места ее проживания.

9. В федеративных государствах существует единый государственный общественный порядок и единое ведение всех государственных дел.

10. Общая для всех федеративных государств система обороны и безопасности.

11. Субъектам федерации предоставляется право иметь международные связи с субъектами других федеративных государств и территориальными единицами унитарных государств.

12. Субъекты федерации наделяются правом налаживать взаимное сотрудничество друг с другом.

13. Субъекты федерации могут создаваться с учетом как территориального, так и национально-территориального принципов.

14. Субъекты федерации могут устанавливать свои государственные символы» [3, с. 16–39].

Перечисленные слагаемые правового статуса субъектов федерации являются наиболее полными, и с ними следует согласиться, поскольку они практически полностью аккумулировали в себе правовую теорию федерализма.

Н. А. Богданова при рассмотрении конституционно-правового статуса субъектов федерации дает его определение как «совокупности закрепленных в Конституции РФ характеристик каждого вида субъекта федерации. При этом конституционный статус субъектов федерации является общим для всех субъектов РФ. Он не поправляется, а только дополняется и конкретизируется нормами конституций и уставов субъектов РФ. Отсюда правовой статус субъекта РФ – базовое, более широкое понятие, включающее в себя закрепленный в Конституции РФ правовой статус, и закрепленный в конституциях и уставах субъектов РФ правовой статус» [4, с. 17].

Следует отметить, что ученые-конституционалисты по-разному характеризуют правовой статус субъекта федерации. В коллективной монографии, изданной Институтом государства и права РАН, можно найти следующие признаки правового статуса субъекта федерации:

- «1) субъекты федерации есть системообразующие элементы федерации;
- 2) субъекты федерации образуют свои органы государственной власти;
- 3) субъекты федерации имеют свои предметы ведения и полномочия и обладают определенной степенью самостоятельности;
- 4) субъекты федерации участвуют в делах федеративного государства;
- 5) федеральный центр контролирует субъекты федерации и имеет право применить к ним федеральное принуждение;
- 6) субъекты федерации могут заключать договоры и соглашения с другими субъектами иностранных федераций или составными частями унитарных государств» [5, с. 72–77].

С. Н. Чернов выделяет такие элементы правового статуса субъектов федерации, как:

- «1) статическая составляющая правового статуса, выражающая положение субъекта федерации как субъекта публичного права;
- 2) функциональная составляющая статуса субъекта федерации, характеризующаяся его предметами ведения и полномочиями;
- 3) юрисдикционная составляющая статуса, определяющаяся подконтрольностью субъекта федерации федеральному центру» [6, с. 157].

И. А. Умнова содержание статуса субъектов федерации видит в следующих его элементах: «принципы правового статуса, основные признаки государственности, права, обязанности и ответственность субъектов федерации» [7, с. 118].

Краткий анализ научных работ показывает, что в науке конституционного права существуют различные точки зрения по исследуемым вопросам. Это можно объяснить отсутствием определения субъекта федерации и его конституционно-правового статуса. Вместе с тем формулировку данного понятия можно вывести из общего смысла конституционных норм, которые закрепили основные слагаемые правового статуса субъектов федерации.

В этой связи необходимо четко разграничить термины «правовой статус субъекта федерации» и «конституционно-правовой статус субъекта федерации». Следует отметить, что оба эти термина употребляются в Конституции РФ. Так в ч. 1 и 2 ст. 66 Конституции РФ закреплено положение о том, что статус республики определяется Конституцией РФ и конституцией республики; статус края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа определяется Конституцией РФ и уставом края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа. В ст. 137 Конституции РФ устанавливается, что изменения в ст. 65 Конституции РФ, определяющую состав Российской Федерации, вносятся на основании федерального конституционного закона о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе нового субъекта Российской Федерации, об изменении конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации.

На основе анализа указанных статей Конституции РФ в их взаимосвязи можно сделать вывод о том, что, употребляя термин «правовой статус», Конституция РФ отнесла его закрепление к Конституции РФ, а также к конституции (уставу) субъекта федерации. Употребляя термин «конституционно-правовой статус», Конституция РФ закрепила положение о том, что он устанавливается только в самой Конституции РФ. Следовательно, понятие «правовой статус субъекта федерации» является общим, более широким. Таким образом, под правовым статусом субъекта федерации следует понимать те основы его правового положения, которые урегулированы на федеральном уровне и уровне субъекта федерации, в то время как конституционно-правовой статус субъекта федерации регулируется только на федеральном уровне одним источником права – Конституцией РФ. Отсюда конституционно-правовой статус субъекта федерации является составной частью правового статуса субъекта федерации.

Категория «статус субъекта права» является предметом исследования и в теории права. Под ним понимается «совокупность, система, комплекс основных прав и обязанностей, которые принадлежат субъектам права, независимо от их участия в конкретных правоотношениях» [8, с. 86].

Руководствуясь данным определением, можно сделать следующий вывод. Конституционно-правовой статус субъекта федерации есть установленные нормами Конституции РФ и конституционным законодательством права, обязанности и ответственность субъекта федерации. Под правовым статусом субъекта федерации следует понимать совокупность установленных Конституцией РФ, учредительными актами субъекта федерации прав, обязанностей и ответственности субъекта федерации.

Различные точки зрения ученых по вопросам правового статуса субъекта федерации есть не что иное, как слагаемые правового статуса субъекта федерации, выражающие содержание, а не определение данного термина.

На правовое положение субъекта федерации также оказывает влияние фактор симметричности или асимметричности федерации. В федерациях симметричного типа все ее субъекты имеют одинаковый правовой статус. Как правило, в таких федерациях все субъекты являются субъектами федерации одного вида. В ассиметричных федерациях, напротив, субъекты федерации имеют разный правовой статус и могут быть представлены их различными видами. Используя такой подход, Российскую Федерацию можно отнести к федерациям ассиметричного типа. Часть 1 ст. 5 Конституции РФ установила шесть видов субъектов РФ – республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа. В свою очередь их можно объединить в три группы субъектов федерации: республики, не обладающие государственным суверенитетом; национально-территориальные образования (автономные округа, автономная область); государственно-территориальные образования (края, области, города федерального значения).

Вместе с тем следует подчеркнуть и тот факт, что анализируемая статья Конституции РФ провозгласила равноправие субъектов РФ, независимо от их видов. Однако это не означает, что правовой статус различных видов субъектов РФ равный. Здесь равноправие не распространяется на правовое положение субъекта федерации, а только указывает на равенство субъектов РФ во взаимоотношениях с федеральным центром. Отсюда равноправие субъектов

федерации – это только одна из составляющих правового статуса субъекта РФ наряду с другими составляющими. К сожалению, как отмечается в научной литературе, «асимметрия автоматически порождает не всегда обоснованную дифференциацию правового регулирования разных видов субъектов РФ, что противоречит конституционному принципу равноправия субъектов РФ» [4, с. 69]. Кроме того, «соблюдение принципа равноправия субъектов РФ становится проблематичным при наличии шести их видов» [9, с. 22].

Следовательно, равноправие субъектов РФ в реальности не столь очевидно. Республики в соответствии с Конституцией РФ являются государствами, обладающими всей полнотой государственной власти вне пределов предметов ведения Российской Федерации и компетенции Российской Федерации по предметам совместного ведения. Республики в составе федерации есть форма национальной государственности, воплощающая самоопределение соответствующих наций. Автономные округа и автономная область также являются субъектами федерации, созданными по национальному признаку. Однако их конституционно-правовой статус отличается от конституционно-правового статуса республик гораздо меньшим объемом прав. Свой особый статус имеют и автономные округа, которые находятся в составе края или области. В то же время Чукотский автономный округ не входит в состав другого субъекта федерации, а следовательно, обладает практически тем же статусом, что и другие субъекты РФ. Еврейская автономная область также существует самостоятельно, вне другого субъекта федерации [10, с. 21].

По критерию содержания полномочий регионального и национального сообществ в научной литературе все федерации мира классифицируются на многонациональные и территориальные [11, с. 51]. «Многонациональным федерациям приходится выполнять функцию решения национального вопроса. Российский федерализм здесь не представляет собой исключения, поскольку в своем государственном строительстве он вынужден учитывать национальный фактор при определении правового статуса субъектов федерации» [2, с. 7]. Отсюда «задачей российского государства необходимо считать сохранение этничности всех народов, его населяющих, развитие самобытности национальных культур, что соответствует историческим традициям русского народа» [12, с. 61].

На определение правового статуса субъектов РФ решающее влияние оказывают основы конституционного строя Российской Федерации и закрепленные в них принципы российского федерализма, а именно: государственная целостность Российской Федерации; единство системы государственной власти; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; равноправие и самоопределение народов России; равноправие субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с органами государственной власти Российской Федерации.

Указанные принципы российского федерализма в их взаимосвязи со статьями Конституции РФ относительно российского федерализма влияют и на другие слагаемые правового статуса субъектов РФ. Среди них следующие:

- 1) отсутствие государственного суверенитета у субъектов РФ (ч. 1 ст. 4 Конституции РФ);
- 2) наличие территории субъекта РФ (ч. 1 ст. 67 Конституции РФ);

3) самостоятельное образование субъектами РФ собственных органов государственной власти (ч. 2 ст. 11 Конституции РФ);

4) наличие конституции (устава) субъекта РФ и собственного законодательства, принятого по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и по предметам собственного ведения (ст. 5, 72, 73, 76 Конституции РФ);

5) наличие компетенции субъектов РФ в предметах совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72 Конституции РФ);

6) наличие собственных предметов ведения субъектов РФ (ст. 73 Конституции РФ);

7) ответственность субъектов РФ за нарушение Конституции РФ и федерального законодательства (ст. 15).

Приведенные выше слагаемые конституционно-правового статуса субъектов федерации распространяются в равной степени на все субъекты РФ независимо от их видов. Следует отметить, что конституционно-правовой статус краев, областей, городов федерального значения ограничивается только этими слагаемыми правового статуса. Все они являются государственно-территориальными образованиями Российской Федерации.

В отличие от них республики дополнительно являются государствами, имеют свои конституции (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ) и государственные языки (ч. 2 ст. Конституции РФ).

Особенность конституционно-правового статуса автономных округов состоит в том, что они могут входить в состав края (области) (ч. 4 ст. 66 Конституции РФ). Этим воспользовалась Еврейская автономная область, которая ранее входила в состав Хабаровского края, но вышла из его состава и вошла непосредственно в состав Российской Федерации. В соответствии с ч. 3 ст. 66 Конституции РФ может быть принят федеральный закон об автономной области, автономном округе. Относительно других видов субъектов федерации принятие федерального закона не предусматривается.

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что конституционная модель современного российского федерализма является ассиметричной. Однако в последующем посредством принятия федеральных законов законодатель с учетом конституционного принципа равноправия субъектов РФ скорректировал модель российского федерализма в сторону ее симметричности. Подтверждением этого вывода может служить федеральный закон от 4 января 1999 г. «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» [13]. В нем определена международная правосубъектность субъектов РФ независимо от их видов.

Другие федеральные законы, принятые в соответствии со ст. 72 Конституции РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, также определяют равную компетенцию субъектов РФ по каждому предмету совместного ведения. Следовательно, конституционная ассиметричная модель российского федерализма скорректирована в сторону симметричности.

Таким образом, основными факторами, которые влияют на определение конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации, являются принципы российского федерализма и правовые нормы, касающие-

ся российского федерализма, закрепленные в Конституции РФ, отнесение Российской Федерации к конституционным многонациональным федерациям централизованного типа, асимметричной моделью российского федерализма с ее корректировкой текущим законодательством в сторону симметричности.

Библиографический список

1. **Чертков, А. Н.** Договорный аспект разграничения полномочий в Российской Федерации: история и современность / А. Н. Чертков, О. В. Кистринова // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 16–24.
2. **Степанова, А. А.** Национальный принцип и федеративное устройство России / А. А. Степанова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 8. – С. 3–8.
3. Основы теории и практики федерализма. – Лейвен, 1999. – 233 с.
4. **Богданова, Н. А.** Равноправие субъектов Российской Федерации: некоторые проблемы и решения / Н. А. Богданова // Правовой статус субъектов современной федерации: российский и зарубежный опыт. – Барнаул, 1997. – С. 67–71.
5. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – Москва, 2001. – 374 с.
6. **Чернов, С. Н.** Конституционно-правовой статус Республики Карелия / С. Н. Чернов. – Санкт-Петербург, 2003. – 377 с.
7. Конституционное право субъектов Российской Федерации. – Москва, 2002. – 864 с.
8. **Алексеев, С. С.** Государство и право: Начальный курс / С. С. Алексеев. – Москва, 1993. – 175 с.
9. **Данько, А. А.** Коллизионный федерализм в России: проблемы симметрии и асимметрии / А. А. Данько // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 22–26.
10. **Калиничева, А. С.** Симметричная и ассиметричная модели федеративных отношений / А. С. Калиничева // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 14. – С. 21–24.
11. **Ирхин, И. В.** Концепция федерализма и практика ее воплощения в современном мире / И. В. Ирхин // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 3. – С. 51–55.
12. **Нарутто, С. В.** Единство и многообразие российского федерализма / С. В. Нарутто // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9. – С. 56–67.
13. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 2. – Ст. 231.

References

1. Chertkov A. N., Kistrinova O. V. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2014, no. 8, pp. 16–24. [In Russian]
2. Stepanova A. A. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State power and local government]. 2014, no. 8, pp. 3–8. [In Russian]
3. *Osnovy teorii i praktiki federalizma* [Fundamentals of theory and practice of federalism]. Leyven, 1999, 233 p. [In Russian]
4. Bogdanova N. A. *Pravovoy status sub"ektov sovremennoy federatsii: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt* [The legal status of the subjects of the contemporary federation: Russian and foreign experience]. Barnaul, 1997, pp. 67–71. [In Russian]
5. *Federalizm: teoriya, instituty, otnosheniya (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Federalism: theory, institutions, relations (comparative legal study)]. Execut. ed. B. N. Topornin. Moscow, 2001, 374 p. [In Russian]
6. Chernov S. N. *Konstitutsionno-pravovoy status Respubliki Kareliya* [Constitutional and legal status of the Republic of Karelia]. Saint-Petersburg, 2003, 377 p. [In Russian]
7. *Konstitutsionnoe pravo sub"ektov Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional law of the subjects of the Russian Federation]. Moscow, 2002, 864 p. [In Russian]

8. Alekseev S. S. *Gosudarstvo i pravo: Nachal'nyy kurs* [State and law: Basic course]. Moscow, 1993, 175 p. [In Russian]
9. Dan'ko A. A. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2015, no. 10, pp. 22–26. [In Russian]
10. Kalinicheva A. S. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2008, no. 14, pp. 21–24. [In Russian]
11. Irkhin I. V. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2013, no. 3, pp. 51–55. [In Russian]
12. Narutto S. V. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2017, no. 9, pp. 56–67. [In Russian]
13. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collected laws of the Russian Federation]. 1999, no. 2, art. 231. [In Russian]

Гошуляк Виталий Владимирович

доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vvgoshulyak@rambler.ru

Goshulyak Vitaliy Vladimirovich

Doctor of juridical sciences, doctor of historical sciences, professor, dean of the faculty of law, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Гошуляк, В. В. Факторы, влияющие на закрепление правового статуса субъектов Российской Федерации / В. В. Гошуляк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 17–25. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-2.

СВОБОДА РЕЛИГИИ КАК СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ПРАВА НА АБОРТ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ США¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Свобода осуществления религии в современном правовой системе сохраняет свое значение в различных сферах деятельности индивида и общества. Актуальными в настоящее время являются проблемы обеспечения гарантий религиозной свободы в таких значимых сферах, как образование, трудовые отношения, военная служба, здравоохранение. Судебная система США имеет значительный опыт по разрешению подобных споров. Предметом настоящего исследования выступает конституционный принцип свободы религии в аспекте средства защиты права на аборт. Цель работы – проанализировать возможности использования положений Первой поправки к Конституции США в качестве конституционного обоснования прав женщин на прерывание беременности.

Материалы и методы. Реализация исследовательской задачи осуществлена на основе анализа решений Верховного Суда США, а также Верховного Суда штата Миссури, в котором свобода религии использована в качестве средства защиты права на аборт. Методологический потенциал включает методы сравнительно-правового и историко-правового анализа.

Результаты. Исследован доминирующий в судебной практике США подход к обоснованию права женщины на аборт, а также на конкретном примере проанализирована возможность использования конституционных и прецедентных установлений о свободе религии.

Выводы. Несмотря на слабость технико-юридического и доказательственного обоснования подобного подхода, он имеет значительный потенциал, способный оказать влияние на изменение прецедентной практики.

Ключевые слова: свобода религии, аборт, Верховный Суд США.

М. Yu. Emelin, B. V. Nikolaev

RELIGIOUS FREEDOM AS A MEANS FOR ABORTION RIGHTS IN THE US JUDICIAL PRACTICE

Abstract.

Background. In the modern legal system, freedom of religion retains its importance in various aspects of the activities of both an individual and society. The problem of ensuring guarantees of religious freedom in such important areas as education, labor relations, military service, and health care is currently relevant. The US judicial system has significant experience in resolving such disputes. The subject of this research is the constitutional principle of freedom of religion as a means of pro-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант «Государство, право и религия в США: законодательство и правоприменительная практика» 19-011-00559 А.

© Емелин М. Ю., Николаев Б. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

protecting the right to abortion. The purpose of this work is to analyze the possibilities of using the provisions of the First Amendment to the US Constitution as a constitutional justification for women's rights to terminate pregnancy.

Materials and methods. The implementation of the research task was carried out on the basis of an analysis of the decisions of the US Supreme Court, as well as the Missouri Supreme Court, in which freedom of religion is used as a means of protecting the right to abortion. The methodological aspect includes methods of comparative legal and historical and legal analysis.

Results. The approach to substantiating a woman's right to an abortion, which is dominant in US judicial practice, is investigated. A specific example analyzed the possibility of using constitutional and case law on freedom of religion.

Conclusions. Despite the weakness of the technical, legal and evidence base, this approach has significant potential to influence the change in case law.

Keywords: freedom of religion, abortion, US Supreme Court.

Введение

Взаимодействие принципа религиозной свободы как одного из основ современного правопорядка с другими публичными интересами является одной из наиболее актуальных проблем для современного общества и правовой системы. США имеют значительный опыт решения подобных вопросов, в том числе и высшими судебными инстанциями [1, с. 29].

Первая поправка к Конституции США в ее общепринятой интерпретации устанавливает два принципа, касающиеся религии, – положение о запрете установления религии и положение о свободном исповедании. Положение об установлении провозглашает запрет законодательно устанавливать преимущества одной религии перед другой, а положение о свободном вероисповедании запрещает ограничивать свободное исповедание религии. Именно эти в некоторой степени противоречивые принципы укладываются в понятие «свобода религии» в США. Конституционное закрепление принципа свободы религии осуществляется и на уровне штатов, при этом положения конституций штатов являются более развернутыми по своему содержанию [2, с. 59–64]. В современных США значительную актуальность приобрели проблемы гарантий религиозной свободы в системе образования [3, с. 36–39; 4, с. 126–129], трудовых отношениях [5, с. 31–33], в сфере военной службы [6, с. 63–67], уголовной политики [7, с. 147–155]. В последние годы одной из областей наиболее ожесточенных споров в связи с необходимостью согласования религиозных и иных общественно значимых интересов стала система здравоохранения. «Культурные войны» между сторонниками религиозных ценностей и защитниками радикального прочтения принципа равноправия охватили такие вопросы, как признание однополых браков, трудоустройство представителей сексуальных меньшинств, семейное воспитание, государственное финансирование религиозных организаций [8, с. 1417, 1418].

Одним из принципиальных предметов столкновений между двумя группами стал вопрос о праве женщин на прерывание беременности. Религиозные организации традиционно выступают с требованием ограничения права на аборт и исключения по крайней мере религиозных институтов и медицинских учреждений из сферы действия законов об обязательных услугах в этой сфере. Особенно «последовательную и ясную позицию против абортов, основанную на официальном учении» имеет (не только в США) католи-

ческая церковь [9, с. 1239]. Однако, как показывает исследуемое в настоящей статье судебное решение, доктрина свободного вероисповедания может послужить средством защиты права на аборт.

В условиях фактического отказа Конгресса США от исчерпывающего, точного и сбалансированного законодательного урегулирования соответствующих вопросов, делегирования соответствующих полномочий президентской администрации с меняющимися партийными и доктринальными интересами [10, с. 229, 230] особое значение в этой сфере приобретает судебная практика и, в частности, решения Верховного Суда США.

1. Подход к защите права на прерывание беременности в современной практике Верховного Суда США

В деле *Роу против Уэйда* беременная одинокая женщина (Роу) подала иск, оспаривая конституционность уголовных законов штата Техас об абортах, которые запрещали совершение аборта или попытку аборта, за исключением медицинских рекомендаций с целью спасения жизни матери.

Верховный Суд США в данном деле постановил, что законы штатов об уголовной ответственности за аборт, которые исключают из своего действия только случаи спасения жизни матери без учета стадии ее беременности и других интересов, нарушают положение о надлежащей правовой процедуре, содержащееся в Четырнадцатой поправке к Конституции США, которое защищает от посягательств право на неприкосновенность частной жизни, включая право женщины на прерывание беременности. Суд вместе с тем заключил, что хотя штат не может отвергать это право, он имеет законные интересы в защите как здоровья беременной женщины, так и потенциальной человеческой жизни, каждый из этих интересов возрастает и достигает «непреодолимой» точки на различных этапах приближения женщины к родам:

- на этапе, предшествующем примерно концу первого триместра беременности, решение об аборте и его выполнение должны оставаться на усмотрение лечащего врача беременной женщины;

- на стадии, следующей примерно за концом первого триместра, штат, преследуя свою заинтересованность в здоровье матери, может, если он того пожелает, регулировать процедуру аборта способами, которые в разумной степени связаны со здоровьем матери;

- на стадии, следующей за жизнеспособностью, штат, преследуя свой интерес к защите человеческой жизни, может регулировать и даже запретить аборт кроме случаев, когда это необходимо в соответствии с медицинским заключением для сохранения жизни или здоровья матери [11].

Таким образом, согласно выводам Верховного Суда, в первом триместре беременности лечащий врач, консультируясь со своей пациенткой, вправе определять, что беременность пациентки следует прервать. И это решение может быть исполнено без какого-либо вмешательства [11].

Дело Роу против Уэйда установило основные принципы, действующие до настоящего времени. Несмотря на регулярные попытки пересмотреть подход к данному вопросу, прецедент продолжает сохранять свою силу. Практика Верховного Суда США в целом движется в направлении, заданном в 1973 г.

В 2016 г. Верховный Суд США рассмотрел другое дело. Согласно закону штата Техас врач, производящий или провоцирующий аборт, на день

оказания услуги должен иметь действующее право приема в больницу не далее чем в 30 милях от учреждения. А само учреждение должно отвечать минимальным стандартам штата для амбулаторных хирургических центров.

Верховный Суд США установил, что и требование о наличии права на прием в больницу, и требование о наличии хирургического центра образуют существенное препятствие на пути женщин, стремящихся к преждевременному прерыванию беременности, создают чрезмерное бремя для доступа к прерыванию беременности и, таким образом, нарушают Конституцию [12].

В другом деле в 2020 г. рассматривалась конституционность Закона штата Луизианы, который требовал, чтобы любой врач, делающий аборт, имел право приема в больницу, расположенную не дальше, чем в тридцати милях от места, в котором производится аборт.

Верховный Суд определил, что показания и другие доказательства подтверждают окончательный вывод окружного суда о том, что даже если предположить, что закон способствует укреплению здоровья женщин, бремя, которое он налагает, намного превышает любую выгоду, т.е. закон налагает неконституционное, чрезмерное бремя.

С учетом установленных фактов суд поддержал соответствующие фактические и правовые определения окружного суда. А именно: что закон Луизианы создает существенное препятствие для женщин, желающих сделать аборт; что закон не создает существенных преимуществ для здоровья; что закон, следовательно, налагает чрезмерное бремя на конституционное право женщины сделать выбор в пользу аборта [13].

2. Использование свободы религии для обоснования права на аборт

Несмотря на сложившуюся правовую концепцию, многократно подтвержденную практикой судебных инстанций, в юридическом сообществе использование права на неприкосновенность частной жизни как конституционной основы права на аборт подвергается осязательной критике. Это провоцирует правоведов и правозащитников на поиск новых средств защиты.

В 2019 г. Верховный Суд штата Миссури подтвердил решение окружного суда, отклонившего заявление Мэри Доу, требовавшей запретить исполнение части Закона об информированном согласии штата Миссури, который, как она утверждала, требовал от нее прочитать буклет, сделать УЗИ и подождать 72 ч до аборта.

В своем заявлении Доу утверждала, что требование к ней прочесть буклет нарушило ее права в соответствии с Положением об установлении религии, а чтение буклета и требование пройти УЗИ нарушило ее права в соответствии с Законом о восстановлении религиозной свободы штата Миссури.

В соответствии с Законом об информированном согласии штата Миссури врач, который должен произвести или спровоцировать аборт, или квалифицированный специалист должен предоставить женщине возможность просмотреть как минимум за семьдесят два часа до аборта ультразвуковое исследование будущего ребенка и услышать сердцебиение будущего ребенка, если сердцебиение слышно. Закон также требовал, чтобы врач также лично представил женщине буклет, в котором на видном месте было два заявления.

Первое – «Жизнь каждого человека начинается с момента зачатия». Второе – «Аборт положит конец жизни отдельного уникального живого человека». Женщина, желающая сделать аборт, должна подтвердить, что получила необходимую информацию и соответствующие возможности [14].

В подтверждение своих заявлений Доу также утверждала, что она является членом Сатанинского Храма и согласно его принципам ее тело неприкосновенно и подчиняется только ее воле; она должна принимать решения, связанные со здоровьем, на основе наилучшего научного понимания мира, даже если наука не согласуется с религиозными или политическими убеждениями других; плод является частью ее тела, а не отдельным уникальным живым человеком; она имеет исключительное право решать, когда и как осуществлять прерывание беременности; она может с чистой совестью сделать аборт независимо от текущего или будущего состояния ее плода; и она не должна поддерживать «религиозные, философские или политические убеждения», которые 1) «наполняют ее плод существом, отдельным или уникальным от ее тела», 2) «уступают контроль третьей стороне над процедурой прерывания беременности», 3) продвигают «идею, что плод является человеческим существом или обладает индивидуальностью, отдельной и уникальной от ее тела» [14].

Верховный Суд штата постановил, что 1) закон об информированном согласии не принимает никаких религиозных догм, но требует, чтобы тем, кто хочет сделать аборт, предлагался буклет; 2) закон об информированном согласии не требует, чтобы беременная женщина читала буклет или проходила ультразвуковое исследование; и 3) Доу не подтвердила, что период ожидания в семьдесят два часа противоречит ее религии или что это было чрезмерным обременением [14].

Заключение

По утверждению отдельных исследователей, любая попытка разобраться в вопросах абортов должна начинаться с отделения юридических разногласий от этических, а также признания их взаимосвязи. Юридические разногласия по поводу абортов, как правило, сосредоточены на точке зрения, высказанной в деле Роу против Уэйда, о том, что Конституция гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, что в свою очередь обосновывает право женщины выбирать, какие медицинские процедуры она хочет сделать, без государственного вмешательства. Этические противоречия в основном касаются вопроса о том, обладает ли плод человека такими же правами – особенно «правом на жизнь», – что и другие лица. Среди правоведов, выступающих противниками абортов, распространено мнение, что не существует фундаментальных конституционных оснований для права на неприкосновенность частной жизни, и, таким образом, законодательные органы каждого штата могут свободно регулировать вопрос абортов, если не нарушаются другие конституционные права. Среди противников абортов распространено предположение, что плод – это человек, имеющий право на жизнь, и поэтому правовая система должна уважать это право, ограничивая аборты [15].

Проблематика этических и юридических оснований, как и любая другая проблематика, рано или поздно становится предметом судебных разбира-

тельств. Несмотря на неоднозначность защиты права на аборт через конституционные положения о свободе религии, такой подход в последнее время находит свою реализацию в судебной практике. Вместе с тем подобные попытки пока не имеют своего надлежащего и эффективного оформления, несмотря на исторически тесную взаимосвязь вопросов прерывания беременности и религиозных установок. В рассмотренном решении использован принцип свободы религии как средство защиты права на аборт. В условиях доминирования подхода, заложенного в деле Роу против Уэйда, едва ли имелись сомнения в исходе дела. Однако стоит обратить внимание на доказательственную и технико-юридическую слабость выстроенной позиции. Само по себе использование религиозной составляющей в делах данного рода является довольно перспективным инструментом и при определенных обстоятельствах способно содействовать пересмотру концепции защиты права на аборт посредством положений о неприкосновенности частной жизни.

Библиографический список

1. **Емелин, М. Ю.** Свобода вероисповедания в решении Верховного Суда США Рейнольдс против Соединенных Штатов / М. Ю. Емелин // Региональные особенности рыночных социально-экономических систем (структур) и их правовое обеспечение : сб. материалов Юбилейной X Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения С. Ю. Витте / под ред. О. С. Кошевого. – Пенза, 2019. – С. 29–33.
2. **Николаев, Б. В.** Конституции штатов и гарантии религиозной свободы в США / Б. В. Николаев, Е. Н. Хазов // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 1. – С. 59–64.
3. **Николаев, Б. В.** Религия и высшее образование в США: Особенности конституционно-правового регулирования / Б. В. Николаев // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 2. – С. 36–39.
4. **Николаев, Б. В.** Конституционно-правовое регулирование финансирования религиозных образовательных институтов и программ / Б. В. Николаев, Е. Н. Хазов // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 11. – С. 126–129.
5. **Николаев, Б. В.** Свобода вероисповедания и обеспечение равных прав в сфере государственной службы и трудоустройства / Б. В. Николаев, М. Ю. Емелин // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 12. – С. 31–33.
6. **Емелин, М. Ю.** Отказ от военной службы на основании религиозных убеждений в практике Верховного Суда США / М. Ю. Емелин, Б. В. Николаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 4 (52). – С. 63–69.
7. **Николаев, Б. В.** Свобода вероисповедания и практика применения уголовного законодательства в решениях Верховного Суда США / Б. В. Николаев // Государство и право. – 2020. – № 4. – С. 147–155.
8. **Wilson, Robin Fretwell.** The Calculus of Accommodation: Contraception, Abortion, Same-Sex Marriage, and Other Clashes Between Religion and the State / Robin Fretwell Wilson // Boston College Law Review. – 2012. – Vol. 53. – P. 1417–1513.
9. **Quinlan, Michael.** When the State Requires Doctors to Act Against their Conscience: The Religious Freedom Implications of the Referral and the Direction Obligations of Health Practitioners in Victoria and New South Wales / Michael Quinlan // Brigham Young University Law Review. – 2017. – № 4. – P. 1237–1288.
10. **Bean, Tanner.** The Administrative State as a New Front in the Culture War: Little Sisters of the Poor Saints Peter and Paul Home v. Pennsylvania / Tanner Bean, Robin

- Fretwell Wilson // 2019–2020 Cato Supreme Court Review (2020), University of Illinois College of Law Legal Studies Research Paper. – 2020. – № 20–24. – P. 229–261. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3686186>
11. Roe v. Wade, 410 U.S. 113. – 1973. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/> (дата обращения: 25.09.2020).
12. Whole Woman's Health v. Hellerstedt, 579 U.S. – 2016. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/579/15-274/> (дата обращения: 25.09.2020).
13. June Medical Services L.L.C. v. Russo, 591 U.S. – 2020. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/591/18-1323/> (дата обращения: 25.09.2020).
14. Doe v. Parson. – 2019. – № SC96751. – URL: <https://law.justia.com/cases/missouri/supreme-court/2019/sc96751.html> (дата обращения: 05.09.2020).
15. Bube, P. C. Abortion: law, religion and society / P. C. Bube. – URL: https://www.researchgate.net/publication/11699480_Abortion_law_religion_and_society (дата обращения: 14.09.2020).

References

1. Emelin M. Yu. *Regional'nye osobennosti rynochnykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem (struktur) i ikh pravovoe obespechenie: sb. materialov Yubileynoy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 170-letiyu so dnya rozhdeniya S. Yu. Vitte* [Regional features of market socio-economic systems (structures) and their legal support: proceedings of the 10th Anniversary of International scientific and practical conference dedicated 170th anniversary of the birth of S. Yu. Witte]. Penza, 2019, pp. 29–33. [In Russian]
2. Nikolaev B. V., Khazov E. N. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of economic security]. 2020, no. 1, pp. 59–64. [In Russian]
3. Nikolaev B. V. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2008, no. 2, pp. 36–39. [In Russian]
4. Nikolaev B. V., Khazov E. N. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2008, no. 11, pp. 126–129. [In Russian]
5. Nikolaev B. V., Emelin M. Yu. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and state: theory and practice]. 2019, no. 12, pp. 31–33. [In Russian]
6. Emelin M. Yu., Nikolaev B. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2019, no. 4 (52), pp. 63–69. [In Russian]
7. Nikolaev B. V. *Gosudarstvo i pravo* [State and law]. 2020, no. 4, pp. 147–155. [In Russian]
8. Wilson Robin Fretwell. *Boston College Law Review*. 2012, vol. 53, pp. 1417–1513.
9. Quinlan Michael. *Brigham Young University Law Review*. 2017, no. 4, pp. 1237–1288.
10. Bean Tanner, Wilson Robin Fretwell. *2019–2020 Cato Supreme Court Review (2020), University of Illinois College of Law Legal Studies Research Paper*. 2020, no. 20–24, pp. 229–261. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3686186>
11. Roe v. Wade, 410 U.S. 113. 1973. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/410/113/> (accessed 25.09.2020).
12. Whole Woman's Health v. Hellerstedt, 579 U.S. 2016. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/579/15-274/> (accessed 25.09.2020).
13. June Medical Services L.L.C. v. Russo, 591 U.S. 2020. Available at: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/591/18-1323/> (accessed 25.09.2020).
14. Doe v. Parson. 2019, no. SC96751. Available at: <https://law.justia.com/cases/missouri/supreme-court/2019/sc96751.html> (accessed 05.09.2020).
15. Bube P. C. *Abortion: law, religion and society*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/11699480_Abortion_law_religion_and_society (accessed 14.09.2020).

Емелин Михаил Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра юриспруденции, филиал
Московского университета
имени С. Ю. Витте в г. Пензе (Россия,
г. Пенза, ул. Вяземского, 25 Б)

E-mail: mikhemelin@yandex.ru

Emelin Mikhail Yur'evich

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of jurisprudence,
Branch of the Moscow University
named after S. Yu. Witte in Penza
(25 B Vyazemskogo street, Penza, Russia)

Николаев Борис Викторович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра уголовного права, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: nikolboris@yandex.ru

Nikolaev Boris Viktorovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of criminal law,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Образец цитирования:

Емелин, М. Ю. Свобода религии как средство защиты права на аборт в судебной практике США / М. Ю. Емелин, Б. В. Николаев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 26–33. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-3.

ТОЛКОВАНИЕ И КОНКРЕТИЗАЦИЯ НОРМ И ПРИНЦИПОВ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Судебное толкование и конкретизация норм и принципов права имеет разные точки зрения в теории и практике, но это не исключает возможности их применения в судебном производстве как средств обеспечения последовательности и предсказуемости правосудия. Судебное толкование и конкретизация норм и принципов права высшими судебными органами формирует для нижестоящих судебных инстанций правовые позиции, обеспечивающие определенность и единство применения норм и принципов права в конкретных спорах. В настоящее время деятельность высшей судебной инстанции по толкованию и конкретизации норм и принципов права актуальна для правоприменителя и требует теоретико-правового обоснования. Предложения о выработке единой концепции судебного толкования и конкретизации норм и принципов права судебными органами обусловили цель данной работы, а поставленные задачи позволили раскрыть особенности судебного толкования и конкретизации, необходимость применения правовых позиций высших судебных органов о толковании и конкретизации принципов и норм права нижестоящими инстанциями.

Материалы и методы. Поставленная цель была достигнута посредством реализации задач: обобщения научных взглядов о данных правовых явлениях, анализа действующего федерального законодательства, судебной практики высших судебных инстанций, содержащих правовые позиции толкования и конкретизации норм и принципов права. Методологический потенциал включает методы исследования: диалектический, сравнительно-правовой, системный, формально-юридический.

Результаты. Научное обоснование единого подхода к судебному толкованию и конкретизации позволило выявить необходимость использования правовых позиций о толковании и конкретизации норм и принципов права судьями при осуществлении правосудия.

Выводы. Судебное толкование и судебная конкретизация норм и принципов права имеет специфику формирования и реализации судебными органами, что способствует определенности и последовательности в судебном правоприменении.

Ключевые слова: высший судебный орган, судебная конкретизация, судебное толкование, правовая позиция, применение норм и принципов права, единство судебной практики, определенность судебного правоприменения.

Р. А. Гук

INTERPRETATION AND SPECIFICATION OF LAW STANDARDS AND PRINCIPLES BY THE JUDICIAL BODIES

Abstract.

Background. Judicial interpretation and concretization of the norms and principles of law have different points of view in theory and practice, but this does not

exclude the possibility of their application in judicial proceedings as a means of ensuring the consistency and predictability of justice. Judicial interpretation and concretization of the norms and principles of law by the highest judicial bodies form legal positions for the lower courts, ensuring the certainty and unity of the application of the norms and principles of law in specific disputes. At present, the activities of the highest court on the interpretation and concretization of the norms and principles of law are relevant for the law enforcement officer and require theoretical and legal substantiation. Suggestion for the development of a unified concept of judicial interpretation and concretization of the norms and principles of law by the judicial authorities determined the purpose of this work, and the tasks set made it possible to reveal the features of judicial interpretation and concretization, the need to apply the legal positions of the higher judicial authorities on the interpretation and concretization of the principles and norms of law by lower instances.

Materials and methods. This goal was achieved through the implementation of tasks: generalization of scientific views on these legal phenomena, analysis of the current federal legislation, judicial practice of higher courts, containing the legal positions of interpretation and concretization of the norms and principles of law. The methodological potential includes research methods: dialectical, comparative legal, systemic, formal legal.

Results. The scientific substantiation of a unified approach to judicial interpretation and concretization made it possible to identify the need to use legal positions on the interpretation and concretization of the norms and principles of law by judges in the administration of justice.

Conclusions. Judicial interpretation and judicial concretization of the norms and principles of law has the specifics of the formation and implementation of the judicial authorities, which contributes to certainty and consistency in judicial enforcement.

Keywords: the highest judicial body, judicial concretization, judicial interpretation, legal position, application of the norms and principles of law, the unity of judicial practice, certainty of judicial enforcement.

Толкование и конкретизация норм и принципов права осуществляются в юридической деятельности и не утратили своего значения для современного применения норм и принципов права судебными органами, поскольку являются регулятором общественных отношений. Правовое регулирование толкования норм права судебными органами закреплено в процессуальных кодексах. При рассмотрении споров суд дает толкование норм права к спорному случаю, отражая свою позицию в судебном акте. Конкретизация норм и принципов права свойственна законодателю, но фактически применяется высшим судебным органом и связана с выработкой дополнительных нормативных правил к действующим нормам и принципам права. Поэтому эти правовые явления следует различать как в теории права, так и в практике их создания, функционирования и применения.

Рассматривая проблематику конкретизации в праве, профессор Н. А. Влащенко отмечает, что «конкретизация – объективное свойство правового регулирования, заключающееся в переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности, а также неопределенности нормы права в связи с появлением юридического факта к его качеству определенного правового (индивидуального) регулятора» [1, с. 63].

Следовательно, конкретизация, по мнению автора статьи, «рассматривается как определенное действие, средство, способствующее переходу пра-

вовой материи (нормы права, принципа) от ее общей неопределенности к определенности конкретной, детально сформулированной правовой материи, к конкретной ситуации, требующей регулирования. При этом конкретизация основывается на принципах и нормах права, уже созданных и закрепленных в нормативных правовых актах, но требующих более конкретных, детальных пояснений (разъяснений) для их дальнейшего применения» [2, с. 341, 342].

Проблема толкования – это соотношение буквы и духа закона, между которыми существуют несовпадение, недосказанность, неясность, неполнота, требующие устранения, если норма и принципы права применяются в судебном производстве. Разрешение данной проблематики ложиться на судебные органы, и в первую очередь на высшие, которые формируют судебную практику в целях обеспечения единства применения норм и принципов права, поскольку «для обеспечения и поддержания единообразия в применении норм права немаловажную роль играет принцип единства судебной практики. Содержание данного принципа – это вопрос о толковании норм права высшим судебным органом и реализация актов судебного толкования нижестоящими судебными инстанциями» [3, с. 84].

Судебное толкование заключается в установлении воли законодателя, выраженной в принципах и нормах права, и правильном их применении судьей (судом) к спорному случаю. Понимание и применение норм и принципов права зависят от правильного их уяснения, разъяснения, закрепления результата толкования в судебном акте и дальнейшего использования, применения полученного результата толкования уполномоченными органами для единообразного регулирования спорных отношений, тогда как конкретизация норм и принципов права получает свое развитие посредством толкования, раскрытия смысла нормы и принципа права и формирует уже дополнительные правила к норме и принципам права, тем самым развивая и адаптируя их к общественным отношениям.

В результате конкретизации, отмечают Н. А. Власенко и М. В. Залоило, в регулирование той или иной сферы общественных отношений вносятся определенные элементы новизны, а толкование права не выходит за рамки содержания толкуемой нормы. Конкретизация представляет объективное свойство правового регулирования, заключающееся в переходе от неопределенности юридического предписания к его определенности, а также от неопределенности нормы права в связи появлением юридического факта к его качеству определенного правового (индивидуального) регулятора. Толкование юридической нормы необходимо предшествует ее дальнейшей конкретизации [4, с. 45].

Но всегда ли бывает точное применение норм и принципов права, исключаящих ошибки их судебного применения? Во многом это зависит от уровня правосознания, профессионализма судьи, его умения владеть правилами, способами толкования, его моральных качеств, способности объективно рассмотреть дело, выявить подлинный смысл законодателя в установленной норме права, дать наиболее точное и справедливое суждение норме права и изложить результат толкования в судебном акте [5, с. 74].

Толкование норм и принципов права при рассмотрении дела судьей всегда вызывает определенные сложности, если отсутствует судебная практика высшей судебной инстанции о толковании и применении норм и прин-

ципов права, а сам случай неоднозначный, что требует определенного судебного опыта применения норм и принципов права, учета сложившейся судебной практики о толковании и конкретизации норм и принципов права.

Действие судьи при выборе нормативного акта позволяет ему выявить смысл нормы и принципа права и применить их в конкретном случае при рассмотрении дела и составлении мотивированного решения. «В каждом виде судопроизводства судья сталкивается с необходимостью осуществить толкование, проверить уже истолкованную норму права, дать свое толкование норме права в случае ошибочного толкования или подтвердить правильность толкования нормы права. Толкование нормы права, подтвержденное высшей судебной инстанцией, или если ею дано новое толкование норме права, можно отнести к прецеденту толкования, который в целях обеспечения единства судебной практики в применении норм права применим к аналогичным случаям» [6, с. 37].

В судебном производстве при рассмотрении дел (первая, апелляционная, кассационная, надзорная инстанции) имеются свои особенности толкования норм права как примененных, так и подлежащих применению, или формулирования нового понимания смысла примененной (применяемой) нормы права. Судья, рассматривая дело по первой инстанции, дает толкование норме права, подлежащей применению, и применяет ее к спорным отношениям с учетом судебной практики высшей инстанции. Апелляционная, кассационная и надзорная судебные инстанции проверяют правильность применения норм права, их истолкование к спорным отношениям и в случае выявления несоответствия дают свое толкование, при этом учитываются правовые позиции постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам разъяснения судебной практики [5, с. 74, 75].

30 июня 2020 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» и постановление № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» [7]. В п. 27 постановления № 12 и п. 28 постановления № 13 впервые закрепляются полномочия апелляционной и кассационной инстанции применительно к ч. 4 ст. 170 АПК РФ проверять выводы нижестоящей инстанции на соответствие практике применения правовых норм, определенной постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики, постановлениями Президиума Верховного Суда РФ, сохранившими силу постановлениями Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также содержащейся в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ. Фактически Пленум Верховного Суда РФ закрепил принцип обязательности применения норм и принципов права, содержащихся в судебных актах высшей судебной инстанции о толковании и конкретизации норм и принципов права, судебными органами при рассмотрении дел.

Содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ правовые позиции – это продукт коллективного суждения по проблемным вопросам правоприменения в конкретной отрасли права, основанного на обобщен-

ных материалах, рассмотренных делах (уголовных, гражданских, административных), позволившего судьям (с учетом мнения других участников Пленума) сформулировать толкование и конкретизировать нормы и принципы права для единообразного их применения судьями.

Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ не содержит положений об обязательном применении постановлений Пленума Верховного Суда, поэтому иногда судьи «вольно» толкуют нормы и принципы права вопреки разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, не учитывают их при рассмотрении дела, это приводит к нарушению в применении норм и принципов права по конкретному делу, их ошибочному истолкованию, несоблюдению принципа единства судебной практики и, как правило, вынесению незаконных решений.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. сформулирована правовая позиция о поддержании единообразия в применении норм права. Так, нижестоящие судебные инстанции не всегда учитывают постановление Пленума Верховного Суда РФ, который в своем разъяснении по вопросам применения оспоренной нормы указывал на недопустимость пересмотра решений в случае ухудшения положения слабой стороны в публичном правоотношении. Оспоренная норма, отметил Суд, не предполагает отмены судебных решений в связи с изменением в определении судебной коллегии Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы. Пересмотр вступивших в силу решений может быть обусловлен изменением практики применения нормы только такими актами Верховного Суда РФ, которые обладают свойствами окончательности и исходят от такого органа Верховного Суда РФ, который с точки зрения его состава предназначен для формирования и отображения единой правовой позиции данного судебного органа, судебные коллегии Верховного Суда РФ к таковым не относятся [8]. Данное постановление Конституционного Суда может послужить отправной точкой в поддержании доктрины единообразия судебной практики по толкованию, разъяснению норм права, их конкретизации, содержащихся в постановлениях Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, и ограничить право судебных коллегий Верховного Суда РФ изменять практику применения норм права выработанных Пленумом или Президиумом.

В современный период перед Верховным Судом РФ как высшим субъектом толкования и конкретизации норм и принципов права стоит сложная задача поддержания единства судебной практики во всех отраслях российского законодательства, применяемых нижестоящими судебными инстанциями.

Президент России В. В. Путин, выступая на юбилее Верховного Суда РФ, подчеркнул особую функцию высшего суда, и в частности отметил, что, «обобщая судебную практику, Верховный Суд обеспечивает единообразное понимание и применение правовых норм, фактически осуществляет официальное толкование нормативных актов. Большое значение имеет правотворческая деятельность Верховного Суда. Она позволяет восполнять пробелы в законодательстве, устранять противоречия, придает многим нормам большую четкость и ясность» [9, с. 1].

Судебное толкование представляет собой мыслительный процесс судьи (судей) по выявлению, раскрытию воли законодателя в принятом им законе, содержащем нормы и принципы права и формулировку наиболее точного их смысла с закреплением результата толкования в судебном акте.

Судебная конкретизация норм и принципов права – определенное действие, следующее за толкованием и способствующее переходу правовой материи (нормы права, принципа) от ее общей неопределенности к определенности конкретной, детально сформулированной правовой материи к конкретной ситуации, требующей регулирования. Нормативная конкретизация формируется судом и основывается на принципах и нормах права, ранее созданных и закрепленных в нормативных актах.

Судебная деятельность в каждой инстанции непосредственно связана как с толкованием, так и с конкретизацией норм и принципов права, требующих более точных разъяснений, конкретных правил применения норм и принципов права. Выработка нормативных положений, которые «завершают конкретизацию правовой нормы и доводят ее до логического конца, создавая правоконкретизирующие положения», на основе анализа и обобщения судебной практики осуществляется Пленумом Верховного Суда РФ [10, с. 27].

В ч. 2 ст. 23 Конституции РФ закреплено, что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Статья 25 Конституции РФ гарантирует неприкосновенность жилища, поэтому никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

Для преодоления неопределенности применения указанных норм Конституции РФ Пленум Верховного Суда РФ принял 24 декабря 1993 г. постановление № 13 «О некоторых вопросах, связанных с применением ст. ст. 23 и 25 Конституции Российской Федерации», которым конкретизировал порядок рассмотрения таких материалов, сформулировал алгоритм действия судьи при поступлении к нему материалов на ограничение прав и вынесенное в итоге решение [11].

При рассмотрении таких материалов судьи непосредственно руководствовались этим постановлением и выработанной Пленумом судебной процедурой с учетом того, что в этой части законодатель так и не внес изменения в Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР. Данная процедура была законодательно закреплена только в новом УПК РФ, принятом в 2001 г.

Классическим примером конкретизации норм права в уголовном судопроизводстве может служить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» [12].

В постановлении Пленумом конкретизированы положения о том, как должен действовать судья при рассмотрении жалоб и какие должен принимать решения. В ст. 125 УПК РФ не предусмотрены такие действия и решения, и судьи обязаны при рассмотрении таких жалоб учитывать данное постановление Пленума во избежание принятия незаконного судебного акта. До настоящего времени законодательных изменений в данную статью не вне-

сено, поэтому выработанная судебная конкретизация высшей инстанцией сохраняет силу и обеспечивает определенность при рассмотрении таких материалов судьями.

Определенность судебной практики следует рассматривать через применение норм и принципов права, поскольку правоприменитель (судья, прокурор, следователь, дознаватель и др.) применяет нормы и принципы права, которые должны быть определенными к конкретному случаю, факту. Если в процессе судебной деятельности встречается неопределенность норм и принципов права, то посредством толкования, конкретизации норм и принципов права судебная практика высшего судебного органа приближает их к максимально определенному состоянию (качеству) для урегулирования спорных отношений, снимает их неопределенность [13, с. 38].

По нашему мнению, применение норм и принципов права в сочетании с постановлениями высших судебных органов, «конкретизировавших их, в полной мере отражает реалии судебных органов в осуществлении конкретизации, способствует разрешению правового спора, совершенствует законодательство» [2, с. 345]. Конкретизация и толкование норм и принципов права высшими судебными органами – это способы, средства поддержания единства судебной практики, ее определенности и предсказуемости правосудия.

Следует разграничивать судебное толкование и судебную конкретизацию норм и принципов права. В отличие от судебного толкования, судебная конкретизация позволяет на основе норм и принципов права раскрыть и сформулировать наиболее точные, детально проработанные нормативные правила, предписания к конкретным правоотношениям с фиксацией их в судебном акте. При этом судебной конкретизации всегда предшествует толкование норм и принципов права.

В заключение отметим, что судебное толкование норм и принципов права – это объективная необходимость судебных органов в разрешении правовых споров, которая имеет законодательное подтверждение, тогда как судебная конкретизация норм и принципов права имеет только доктринальное обоснование (научное и судебное) и «фактически осуществляется Верховным Судом РФ в форме постановлений Пленума, в которых содержатся как толкование, так и конкретизация норм и принципов права» [14, с. 242], обеспечивающих определенность и последовательность судебного правоприменения.

Библиографический список

1. **Власенко, Н. А.** Конкретизация в праве: методологические основы исследования / Н. А. Власенко // Журнал российского права. – 2014. – № 7. – С. 60–75.
2. **Гук, П. А.** Конкретизация принципов и норм права судебными органами / П. А. Гук // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы / отв. ред.: В. М. Сырых, В. Н. Власенко. – Москва : РАП, 2015. – С. 341–345.
3. **Гук, П. А.** Принцип единства судебной практики в российском судопроизводстве / П. А. Гук, Е. П. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 3 (39). – С. 83–90.
4. **Власенко, Н. А.** Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики / Н. А. Власенко, М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 43–57.

5. Гук, П. А. Судебное толкование норм права / П. А. Гук // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 72–78.
6. Гук, П. А. Судебное толкование и применение норм законодательства / П. А. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 35–43.
7. Российская газета. – 2020. – 17 июля.
8. Российская газета. – 2017. – 9 ноября.
9. Путин, В. В. Выступление на торжественном заседании, посвященном 95-летию Верховному суду России, 23 января 2018 / В. В. Путин // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2. – С. 1–3.
10. Безина, А. К. Правоконкретизирующая деятельность судов и ее роль в развитии советского права / А. К. Безина // Избранное : в 5 т. – Москва : РАП, 2012. – Т. 1. – 292 с.
11. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 3.
12. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 4.
13. Гук, П. А. Судебная практика как средство обеспечения определенности правоприменения / П. А. Гук // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 35–38.
14. Гук, П. А. Основы судебного нормотворчества: избранные труды / П. А. Гук. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2019. – 248 с.

References

1. Vlasenko N. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of the Russian Law]. 2014, no. 7, pp. 60–75. [In Russian]
2. Guk P. A. *Konkretizatsiya prava: teoreticheskie i prakticheskie problemy* [Law concretization: theoretical and practical issues]. Moscow: RAP, 2015, pp. 341–345. [In Russian]
3. Guk P. A., Guk E. P. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2016, no. 3 (39), pp. 83–90. [In Russian]
4. Vlasenko N. A., Zaloilo M. V. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of the Russian Law]. 2016, no. 8, pp. 43–57. [In Russian]
5. Guk P. A. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of the Russian Law]. 2016, no. 8, pp. 72–78. [In Russian]
6. Guk P. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2016, no. 2 (38), pp. 35–43. [In Russian]
7. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2020, 17 July. [In Russian]
8. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2017, 9 November. [In Russian]
9. Putin V. V. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Russian Supreme Court]. 2018, no. 2, pp. 1–3. [In Russian]
10. Bezina A. K. *Izbrannoe: v 5 t.* [Selected works: in 5 volumes]. Moscow: RAP, 2012, vol. 1, 292 p. [In Russian]
11. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Russian Supreme Court]. 1994, no. 3. [In Russian]
12. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Russian Supreme Court]. 2009, no. 4. [In Russian]
13. Guk P. A. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian justice]. 2020, no. 9, pp. 35–38. [In Russian]
14. Guk P. A. *Osnovy sudebnogo normotvorchestva: izbrannye trudy* [Fundamentals of judicial rule-making: selected works]. Penza: Izd-vo PGU, 2019, 248 p. [In Russian]

Гук Павел Александрович

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры правосудия,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: Gukpola@mail.ru

Guk Pavel Aleksandrovich

Doctor of juridical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of justice, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Гук, П. А. Толкование и конкретизация норм и принципов права судебными органами / П. А. Гук // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 34–42. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-4.

Ю. А. Пузенцова, Ш. Г. Сеидов

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ГРАЖДАН

Аннотация.

Актуальность и цели. Осуществляя правовое регулирование институтов гражданского общества, государство оказывает значительное влияние на развитие самого гражданского общества. Очевидно, что недостаточное правовое регулирование институтов гражданского общества негативно сказывается на государственном обеспечении и защите прав человека, а также на поддержании правопорядка. Вместе с тем избыточное регулирование сковывает инициативу и свободу деятельности граждан, что приводит к подавлению развития гражданского общества. Из этого следует необходимость поиска оптимальной модели соответствующего правового регулирования институтов. Гражданское общество, являясь самоорганизующейся системой, с принятием дополнительных законов не станет сильнее и эффективнее автоматически. Наблюдаемое в последние годы усиление правового регулирования институтов гражданского общества посредством принятия большого количества законов, расширяющих такое регулирование, привело к появлению ряда дополнительных запретов, обявываний, ограничений, затрагивающих все институты гражданского общества, а также ужесточению ответственности за их нарушения. В этой связи оправданность и соразмерность конституционно значимым целям установленных запретов и ограничений нуждаются в рассмотрении с точек зрения как конституционной теории, так и практического применения.

Материалы и методы. При исследовании использовалась совокупность методов научного юридического исследования: метод анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический, логический.

Результаты. Исследования показали, что на данный момент вопросы развития и функционирования гражданского общества не изучены до конца.

Выводы. Таким образом, автор указывает на отсутствие единого взгляда на природу и круг институтов гражданского общества, спорность предложений многих правоведов в сфере регулирования гражданского общества, а также существующий на данный момент объем и характер правового регулирования его институтов. Проанализировав законодательство и практику регулирования экономической и политической сфер, отметим сложившееся сейчас чрезмерное законодательное регулирование, а также излишний государственный, по мнению автора, контроль экономической деятельности с предоставлением правоприменителю широких дискреционных полномочий.

Ключевые слова: конституция, гражданское общество, граждане, регулирование, природа гражданского общества.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC AND POLITICAL ACTIVITY OF CITIZENS

Abstract.

Background. By implementing legal regulation of civil society institutions, the state has a significant impact on the development of civil society itself. It is obvious that insufficient legal regulation of civil society institutions negatively affects the state provision and protection of human rights, as well as the maintenance of law and order. At the same time, excessive regulation restricts the initiative and freedom of activity of citizens, which leads to suppression of the development of civil society. This implies the need to find an optimal model for the appropriate legal regulation of institutions. Civil society, being a self-organizing system, will not automatically become stronger and more effective with the adoption of additional laws. The strengthening of legal regulation of civil society institutions observed in recent years, through the adoption of a large number of laws that expand such regulation, has led to a number of additional prohibitions, obligations, restrictions, as well as increased responsibility for their violations, affecting all civil society institutions. In this regard, the justification and proportionality of the established prohibitions, obligations and restrictions to the constitutionally significant goals need to be considered from the point of view of both constitutional theory and practical application.

Materials and methods. The research used a set of methods of scientific legal research: the method of analysis and synthesis, comparative legal formal legal, logical.

Results. The research has shown that the development and functioning of civil society are not fully understood at the moment.

Conclusions. Thus, the author points out the lack of a unified view on the nature and range of civil society institutions, the controversial proposals of many legal experts in the field of civil society regulation, as well as the current scope and nature of legal regulation of its institutions. Having analyzed the legislation and practice of regulating the economic and political spheres, we note the current excessive legislative regulation, as well as excessive state control of economic activity, in the author's opinion, with the provision of broad discretionary powers to the law enforcement officer.

Keywords: constitution, civil society, citizens, regulation, nature of civil society.

Костяк гражданского общества составляют граждане, обладающие определенной экономической свободой, среди которых много предпринимателей, самостоятельно на свой риск зарабатывающих средства к существованию, создающих рабочие места, имеющих собственность и платящих государству налоги. Именно эти люди проявляют наибольшую политическую активность, так как им есть что терять. Они заинтересованы в сохранении своего имущества, а значит в независимом правосудии, защищающем их собственность от противоправных посягательств, в отсутствии произвола со стороны исполнительной власти, а также в ясных и справедливых законах, принимаемых парламентом, т.е. в контроле государства, что и обуславливает их политическую активность [1].

Существует универсальная, характерная для всех обществ закономерность: чем активнее и независимее люди в экономическом отношении, тем активнее они участвуют в публичной, политической сфере и тем они более

требовательны к государственным институтам. И наоборот, пассивные получатели благ, имеющие низкий уровень дохода, политически менее самостоятельны и менее активны. Стоит отметить, что такая закономерность коррелирует с соотношением политического режима и типа экономики самого государства [1]. Демократии с присущими им политическими свободами характеризуются рыночной экономикой и свободой предпринимательства, в то время как авторитарные и тоталитарные государства склоняются к командно-административной экономике. Таким образом, налицо взаимозависимость экономической и политической субъектности людей. В этой связи, по мнению автора, рассмотрение экономической и политической активности граждан целесообразнее объединить в одном ключе. Следует отметить, что действующее законодательство не содержит легальной дефиниции экономической деятельности, в то время как это словосочетание неоднократно упоминается в Федеральном законе «О защите конкуренции» (ст. 4 и 11), Уголовном кодексе (гл. 22), Налоговом кодексе (ст. 3) и других законах. Согласимся с И. В. Ершовой в том, что отсутствие легальной дефиниции затрудняет не только определение того, какая деятельность является экономической, но и признание споров экономическими [2, с. 47].

В основе экономической деятельности, как и других институтов гражданского общества, лежат конституционные права и свободы человека. Часть 1 ст. 8 Конституции гарантирует свободу экономической деятельности, а ч. 1 ст. 34 Конституции закрепляет право каждого на свободное использование своего имущества и способностей для любой не противоречащей закону экономической деятельности. Однако любая экономическая активность немыслима без права частной собственности, так как если человеку не будут принадлежать результаты его труда, то исчезнет и заинтересованность в таком труде. По этой причине ч. 2 ст. 8 и ч. 2 ст. 9 Конституции наравне с государственной и муниципальной собственностью признают частную собственность и закрепляют их равную защиту, а ч. 2 ст. 35 Конституции устанавливает, что каждый вправе иметь имущество, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими. Важнейшая гарантия права собственности содержится в ч. 3 ст. 35 Конституции, согласно которой никто не может быть лишен собственности без судебного решения. Принудительное изъятие имущества для государственных нужд возможно только после равноценного возмещения.

Так как собственность является фундаментом личной свободы и смыслообразующей категорией всей экономической активности людей, рассмотрим ее немного подробнее. Как указывает В. С. Нерсисянц, «право собственности и право в целом, с присущим ему формальным равенством и свободой, имеют смысл только тогда, когда признается и действует индивидуально-человеческое начало в социальной жизни, где каждый индивид признается в качестве независимого и самостоятельного лица – субъекта собственности и права, т.е. экономически и юридически свободной личности. Только из таких субъектов складывается особый тип социальной жизни – гражданское общество» [3, с. 131].

На основе ч. 2 ст. 35 Конституции, ч. 1 ст. 209 Гражданского кодекса за собственником признается правомочие владения, пользования и распоряжения своим имуществом. При этом законодатель в определении содержания

права собственности применил достаточно широкое понятие объекта права собственности – имущество собственника. Отсутствие законодательной конкретизации объекта права собственности породило разные подходы к его определению. Мы не можем согласиться с ограничительным пониманием объекта права собственности. Во-первых, норма ст. 128 Гражданского кодекса включает в понятие вещи помимо прочего и результаты работ, имущественные права, нематериальные блага [4]. Такой перечень объектов гражданских прав явно шире границ материальных предметов, существующих в натуре. Во-вторых, Конституционный суд в своих постановлениях от 17 декабря 1996 г. и от 16 мая 2000 г. сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой использованное в ст. 35 Конституции понятие «имущество» в его конституционно-правовом смысле охватывает не только вещные права, но и права требования, которые также выходят за пределы существующих только в натуре. В-третьих, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) расширительно истолковал понятие «имущество», закрепленное Протоколом № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, включая в него любое имущественное право, а также права и законные интересы, являющиеся активами (патенты, право на взыскание арендной платы и др.). Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что объектом права собственности может быть как материальное, так и нематериальное благо, при этом не обязательно существующее в натуре.

Получение, сохранение и приумножение собственности, являющейся основой материального существования людей, возможно на основе права на занятие экономической деятельностью. Закрепленная ст. 34 Конституции свобода предпринимательской деятельности имеет не только частноправовое, но и публично-правовое значение, так как она не допускает государственную монополию в экономической сфере, которая стала бы серьезным препятствием для развития гражданского общества. Конституция не учреждает никакого экономического строя, закрепляя лишь базовые положения, направленные на обеспечение самостоятельности и саморегуляции экономики. На основе этих положений выстроилось гражданское законодательство, дополняемое большим массивом отдельных законодательных актов, регулирующих конкретные аспекты экономической деятельности, что направлено на защиту прав потребителей и обеспечение экономической безопасности государства. В то же время сложившееся сейчас чрезмерное законодательное регулирование, а также излишний государственный контроль экономической деятельности с предоставлением правоприменителю широких дискреционных полномочий сковывают экономическую инициативу граждан и препятствуют развитию частнопредпринимательской активности [5]. При этом согласимся с Л. А. Шарпиной в том, что если возможность судебных усмотрений вполне допустима (так как рассмотрение споров в суде основывается на оценке судьей доказательств и обстоятельств дела), то административные усмотрения порождают злоупотребления властными полномочиями [6, с. 36].

Законодательство в сфере экономической деятельности в настоящее время не в полной мере способствует предпринимательской активности, так как включает в себя излишне большой объем законодательных актов, имеющих крайнюю нестабильность ввиду частого внесения поправок, что приводит к их противоречивости. Также можно отметить усиление таких тенден-

ций, как усложнение административных процедур, увеличение роли охранительных норм и введение дополнительных платежей, связанных с имущественными и финансовыми отношениями. Частое внесение изменений и поправок в законодательство препятствует долгосрочному планированию, а также вынуждает постоянно отслеживать изменения в правилах и переделывать документацию, отчетность, а иногда и менять порядок своей деятельности в соответствии с новыми требованиями. Усиление роли охранительных норм в совокупности с усложненным и запутанным налоговым, земельным, водным и другим законодательством нередко приводит к привлечению предпринимателей к административной и уголовной ответственности [7].

Неконституционным представляется взимание платы в системе «Платон» за провоз грузов транспортными средствами массой свыше двенадцати тонн, введенной Постановлением Правительства Российской Федерации. При этом полномочия по сбору платы предоставлены оператору, не являющемуся органом публичной власти, чья ответственность законодательно не урегулирована. Конституционность взимания таких платежей проверялась Конституционным судом, который признал их не противоречащими Конституции, поскольку данные платежи направлены на компенсацию расходов, связанных с поддержанием нормального состояния дорог, не являются налогом, что дает право вводить их органам исполнительной власти и не может рассматриваться как двойное налогообложение. Во-первых, предоставление права взимать платежи оператору, не входящему в систему органов государственной власти, не согласуется с принципом свободы экономической деятельности и поддержки конкуренции, согласно которому государство должно быть равноудалено от субъектов предпринимательства, не предоставляя никому полномочий такого характера. Само по себе возложение на лиц частного права функций публично-правового характера возможно, на что указывал Конституционный суд. Однако не все свои полномочия государство может делегировать (к примеру, непередаваемыми являются применение насилия, сбор налогов, принятие законов, отправление правосудия и др.). Платежи собираются за использование дорог федерального значения, т.е. предназначаются государству. Как указывает В. И. Крусс, объем платежей государству складывается не только из налогов, но и из сборов, социальных взносов, таможенных платежей, а также иных специфических номинаций [8, с. 53]. Следовательно, ввиду того что плата, вносимая за использование федеральных дорог, относится к фискальным платежам, должен применяться общий порядок направления собранных средств в бюджет, что исключает возможность привлечения посредников – лиц частного права.

Во-вторых, взимаемые платежи не согласуются с ч. 1 ст. 74 Конституции, запрещающей установление пошлин, сборов и иных препятствий для свободного перемещения товаров, а также с ч. 2 этой статьи, устанавливающей, что ограничения перемещения товаров возможно только в соответствии с федеральным законом (а не Постановлением Правительства) и только для обеспечения безопасности, защиты здоровья и жизни граждан, охраны природы и культурных ценностей (а не для компенсации расходов, связанных с содержанием дорог). Таким образом, конституционно-правовое регулирование экономической активности граждан имеет ряд недостатков его воплощения в текущем законодательстве, что затрудняет вовлечение максимально-

го числа представителей общества в предпринимательство, а следовательно, созданию сильной базы развития иных институтов гражданского общества, в том числе и политической активности граждан.

Политическая активность выражается в занятии политической деятельностью, при этом законодательное определение такой деятельности, содержащееся в рассматриваемой нами ранее ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях», неоправданно широко и позволяет включать в нее практически любую общественно значимую активность. При этом некоторые ограничения прав человека ставятся в зависимость именно от того, связана их реализация с политической деятельностью или нет (к примеру, находиться в общественном объединении могут все люди, но быть членом политической партии иностранные граждане и апатриды не могут). Следовательно, чем шире понимается политическая деятельность, тем в больших сферах общественной жизни будут применяться ограничения прав, связанные с политикой. Чрезмерно же узкое понимание политической деятельности, напротив, позволит иностранным и международным субъектам беспрепятственно вмешиваться в дела государства, что может нести угрозу государственной безопасности. В этой связи представляется необходимым уточнение понятийного аппарата для определения характера и обоснованности ограничений на участие в том или ином виде общественной деятельности [5].

В научной литературе нет единого подхода к понятию политической деятельности граждан. Одни авторы под политической деятельностью понимают включение людей в общественно-политические отношения (в политику) с определенными целями и использованием различных средств для их достижения [8, с. 39]. Другие авторы под политической деятельностью понимают прежде всего участие в выборах.

Очевидно, что политическая деятельность не сводится только к электро-ральным процедурам, а охватывает и иные сферы деятельности, в то же время понимание политической деятельности как включение граждан в политику представляется слишком неопределенным ввиду неоднозначности понимания самого термина «политика».

Если рассматривать политику в контексте конституционно-правового регулирования институтов гражданского общества, то, по мнению автора статьи, не следует применять широкое значение этого термина, так как публично-правовые отношения государства с институтами гражданского общества объективно сводятся к их непосредственному взаимовлиянию [4]. В этом смысле, к примеру, экономическая политика хозяйствующего субъекта не может рассматриваться как политическая деятельность, так как не предполагает его целенаправленного влияния на государственно-властные решения (даже если она впоследствии может иметь политическое значение). То есть во взаимоотношениях государства и общества политикой являются отношения по поводу государственной власти, а политической деятельностью, соответственно, – принятие властных решений либо попытки оказания целенаправленного влияния на них [9].

Исходя из этого, предлагается авторское определение политической деятельности граждан. Политическая деятельность граждан – это деятельность по участию в принятии государственно-властных решений, имеющих

публично-правовое значение, либо деятельность, направленная на оказание непосредственного, целенаправленного влияния на принятие таких решений.

То есть политическая деятельность – это не любая социальная активность, а вовлечение граждан в процесс именно государственного управления. При этом не любое участие в управлении делами государства является политической деятельностью. Реализуя конституционное право на участие в отправлении правосудия, граждане не участвуют в политике, а следовательно, не занимаются политической деятельностью. Соответственно, не всегда реализация политических прав является политической деятельностью. Если, реализуя политические права, граждане пытаются целенаправленно влиять на государственно-властные решения (к примеру, обращаясь в органы власти по публично-значимому вопросу или собираясь мирно без оружия на митинг, выражая недовольство тем или иным властным решением), то граждане проявляют политическую активность. Если же граждане обращаются в органы власти по личному вопросу или собираются мирно без оружия на демонстрацию, где не обсуждаются действия властей, то такая реализация политических прав не может нами рассматриваться как политическая деятельность. То есть сами по себе публичные манифестации или обращения граждан не являются автоматическим участием в политике. Это формы активности, которые могут использоваться для достижения различных (в том числе и неполитических) целей. В то же время отметим, что на практике чаще всего они все же используются именно для оказания влияния на принятие властных решений [10].

Таким образом, исходя из понимания автора политической деятельности граждан, мы можем отнести к формам такой деятельности участие в выборах и референдумах, обращение к органам публичной власти, реализацию права собираться мирно без оружия, а также ряд иных действий. Для целей статьи сосредоточим наше внимание на таких формах, как участие в публичных манифестациях, выборах и референдумах.

Публичные манифестации позволяют проявлять гражданам политическую активность как при участии, так и без образования долгосрочных структур (к примеру, политических партий), что полностью соответствует сути гражданского общества, функционирующего без бюрократических процедур.

Допустимость протестных мирных собраний предполагает обязанность нейтрального отношения государства к таким собраниям граждан вне зависимости от политических и иных взглядов их организаторов и участников. При этом в силу своей природы массовые манифестации граждан могут затрагивать права неограниченного круга лиц, что предопределяет возможность законодательного регулирования проведения этих публичных мероприятий.

На законодательном уровне такое регулирование осуществляется Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Как указывалось ранее, публичные манифестации могут проводиться с различными целями, в связи с чем их правовое регулирование может осуществляться разными законами. Так, собрания в целях предвыборной агитации помимо названного закона регулируются законодательством о выборах, а религиозные церемонии (к примеру, крестный ход, внешне схожий с шествием) регулируются Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях».

Анализ действующего законодательства показывает, что, как и в отношении иных институтов гражданского общества, имеет место излишняя урегулированность проведения публичных мероприятий, выражающаяся в предъявлении избыточных требований к организаторам этих мероприятий, открывающих широту произвольных усмотрений правоприменителя, а также в конституционно неоправданной степени ответственности их организаторов и участников.

Так, п. 5 ч. 4 ст. 5 и п. 6 ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» возлагают на организаторов собрания граждан в уведомлении о его проведении обязанность указания на формы и методы обеспечения правопорядка, а также медицинской помощи. При этом законодатель не раскрыл критерии определения исполнения этого требования. В этой связи отметим что, во-первых, в отсутствие должной правовой определенности данного требования уведомляемые органы власти могут отказать в согласовании публичного мероприятия, произвольно сославшись на недостаточность обеспечения заявителем выполнения предъявляемых требований. Во-вторых, как указал Конституционный суд в приведенных нами Постановлениях от 14 февраля 2013 г. и от 13 мая 2014 г., а также в Постановлении от 18 июня 2019 г., органы государственной власти на основе ст. 2 Конституции, обязывающей государство признавать, соблюдать и защищать права человека и во исполнение ст. 18 Конституции, согласно которой смысл и содержание деятельности органов публичной власти определяются правами человека, обязаны нести бремя ответственности за содействие людям в проведении мирных собраний, в том числе в отношении обеспечения правопорядка и медицинской помощи.

То, что обеспечение правопорядка и оказания медицинской помощи является обязанностью государства (а не организаторов публичных мероприятий), вытекает также и из объективного отсутствия у организаторов соответствующих ресурсов и полномочий, что делает рассматриваемое требование по сути невыполнимым. Организаторы, равно как и участники публичных мероприятий, обязаны сохранять правопорядок, содействовать его обеспечению, но само обеспечение правопорядка, как и медицинской помощи, является обязанностью органов публичной власти. Иначе утрачивается смысл заблаговременного уведомления органов власти о предстоящем мероприятии (которое необходимо именно для своевременной подготовки органов власти к обеспечению общественной безопасности и оказанию медицинской помощи).

В соответствии с ч. 2.2 ст. 8 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» субъектам Российской Федерации делегировано право самостоятельно определять места, в которых запрещено проводить публичные мероприятия (включая места движения пешеходов и транспортных средств). Учитывая то, что пешеходы находятся в любом общественном месте, органы публичной власти с ссылкой на то, что публичное мероприятие создаст препятствия их проходу, могут не согласовывать фактически любое публичное мероприятие, что ставит реализацию права собираться мирно без оружия в зависимость от решения органов публичной власти.

Таким образом, содержащиеся законодательные требования к организаторам публичных мероприятий, в совокупности с неопределенно широкими полномочиями уведомляемых органов власти, несут в себе угрозу превращения уведомительного характера таких мероприятий в разрешительный, что не согласуется с конституционными положениями о свободе публичного выражения гражданами своих мнений посредством мирных собраний.

За нарушения общественного порядка во время проведения публичных мероприятий законодательством предусматривается как административная, так и уголовная ответственность, что является необходимой мерой государственного принуждения в рамках исполнения органами публичной власти обязанности по обеспечению правопорядка. Однако степень и мера такой ответственности должны быть соразмерны тяжести правонарушений и степени их общественной опасности, а также обусловлены конституционно значимыми целями [5].

Помимо усиления административной ответственности ужесточению подверглось и уголовное наказание в исследуемой сфере. Еще в 2014 г. Уголовный кодекс был дополнен ст. 212.1, предусматривающей уголовное наказание за неоднократное нарушение порядка организации или проведения публичных мероприятий. Текстуальное содержание данной уголовной нормы явно не соответствует Конституции, поскольку предполагает лишение свободы за действия, не повлекшие причинения кому-либо вреда, не создавшие угрозу общественной безопасности, а только лишь за неоднократность участия в публичных мероприятиях, в том числе имевших мирный характер, т.е. не устанавливает дифференцированный подход к назначению наказания и не учитывает степень общественной опасности и негативные последствия правонарушения.

Еще один аспект политической активности граждан – это участие в выборах и референдуме. Являясь властеобразующим явлением, выборы представляют собой самый действенный инструмент влияния граждан на публичную власть, посредством которого они могут как непосредственно формировать органы публичного управления, так и сами избираться в эти органы. Конституция не содержит специальных статей, посвященных выборам, закрепляя лишь общие принципы народовластия, всеобщего, равного, прямого избирательного права, которые раскрываются в Федеральном законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и специальных законах, посвященных выборам Президента, депутатов Государственной думы, представительных органов и глав субъектов Российской Федерации, а также в органы местного самоуправления.

Существующая система избирательного законодательства достаточно громоздка, в связи с чем звучат предложения по ее кодификации [11, с. 33]. В целом соглашаясь с необходимостью упорядочения избирательного законодательства, можно отметить недопустимость включения в новый избирательный кодекс (о необходимости которого говорится уже много лет) существующих в действующих законах необоснованных препятствий для реализации избирательных прав. При этом, если проблема недопуска до выборов лиц, находящихся в местах лишения свободы, на данный момент является неразрешимой (с одной стороны, ЕСПЧ признал такой недопуск противоре-

чащим Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с другой – он закреплен ст. 32 Конституции, в которую нельзя вносить поправки, а следовательно, устранить это противоречие), то другие препятствия вполне могут быть сняты без ущерба конституционно значимым ценностям.

Анализ избирательного законодательства показывает, что такими препятствиями являются повышенные требования к кандидатам, усложнение процедуры регистрации кандидатов (особенно это касается сбора подписей от муниципальных депутатов, кандидатов на должность главы субъекта Российской Федерации), целый ряд ограничений для участия наблюдателей на выборах, а также их освящения в СМИ. Последнее положение непосредственно связано с рассмотренным автором ранее признанием общественных объединений и СМИ иностранными агентами, которым запрещается участвовать в мониторинге избирательного процесса, что делает выборы менее прозрачными, и, как следствие, их результат может вызывать недоверие граждан, понижая в итоге их электоральную активность. При этом не вызывает сомнения утверждение Д. А. Крылова о том, что снижение избирательной активности граждан напрямую связано с понижением их общей политической активности.

Так как ключевую роль в электоральных процедурах играют политические партии, то правовая регламентация их деятельности также имеет существенное значение для всего законодательного регулирования избирательной активности граждан. В этой связи в корректировке нуждается и закон «О политических партиях» в той части, на которую автор статьи обращал внимание при рассмотрении этого закона [12].

Несомненна корреляция и взаимозависимость между экономической и политической активностью граждан. С одной стороны, чем активнее и независимее граждане в экономическом смысле, тем активнее они участвуют в политической деятельности. С другой стороны, политическая активность является инструментом защиты и расширения экономических свобод. Сама по себе реализация политических прав не повышает благосостояние людей напрямую, но является способом мирного, ненасильственного отстаивания иных прав (в том числе и экономических). То есть политическая активность не улучшает материальное положение граждан, но она не позволяет его ухудшать. Следовательно, барьеры на пути политической активности ослабят активность экономическую. Сокращение и угасание экономической активности в свою очередь неблагоприятно скажутся на развитии всех остальных институтов гражданского общества, так как именно граждане, обладающие экономической свободой, составляют костяк гражданского общества.

Это ставит политическую деятельность граждан, наравне с экономической активностью, в основу развития всего гражданского общества. Политически и экономически активные граждане сами разовьют общественные объединения, СМИ и другие институты гражданского общества, если законодатель не будет устанавливать конституционно неоправданные препятствия, в то время как чрезмерная правовая зарегулированность порождает пассивность людей, затрудняющую развитие всех структур гражданского общества.

Рассмотрение правового регулирования экономической и политической активности граждан показывает существование ряда избыточных законоположений, препятствующих развитию гражданской активности путем наложе-

ния чрезмерных ограничений, обязываний, не всегда обоснованной и несо-размерно суровой ответственности за их нарушения, а также нормативного закрепления недопустимой широты усмотрений правоприменителя. По отдельности каждое законодательное препятствие (в виде ограничений, дополнительных обязанностей либо мер ответственности) могут показаться несущественными для целого института гражданского общества, но все вместе они представляются достаточно серьезной проблемой, при которой совокупное ограничение прав превышает объем оставшихся не затронутыми прав и свобод, тем самым нарушая баланс конституционно значимых ценностей.

Библиографический список

1. **Аракелян, Э. Р.** Понятие и принципы гражданского общества / Э. Р. Аракелян // Философия права. – 2014. – № 3. – С. 102–104.
2. **Ершова, И. В.** Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями / И. В. Ершова // Lex Russica. – 2016. – № 9 (118). – С. 46–61.
3. **Нерсисянц, В. С.** Философия права : учеб. для вузов / В. С. Нерсисянц. – Москва : Норма, 2005. – 656 с.
4. **Аверкина, Ю. Б.** Некоторые вопросы правового положения некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента / Ю. Б. Аверкина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 3 (98). – С. 137–141.
5. **Висханова, П. Г.** Особенности формирования гражданского общества в России / П. Г. Висханова // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 3 (159). – С. 82–93.
6. **Шарнина, Л. А.** Административное усмотрение в сфере экономики: допустимость и условия использования / Л. А. Шарнина // Юридическое образование и наука. – 2019. – № 1. – С. 36–41.
7. **Авакьян, С. А.** Конституционное право России: учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян ; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Юридический факультет. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : Инфра-М, 2019. – Т. 1. – 864 с.
8. **Крусс, В. И.** Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации : монография / В. И. Крусс. – Москва : Норма : Инфра-М, 2017. – 304 с.
9. **Демичев, А. А.** Пути формирования гражданского общества в России: история и современность / А. А. Демичев // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 10. – С. 22–26.
10. **Болховитина, Т. С.** Электоральная культура и политическое участие граждан: российское измерение проблемы / Т. С. Болховитина // Научные ведомости БелГУ. Сер.: История. Политология. – 2015. – № 7 (204), вып. 34. – С. 179–182.
11. **Черепанов, В. А.** Аналитическая записка «Некоторые соображения по поводу проблем, возникших в российской избирательной практике» / В. А. Черепанов // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 2. – С. 33–37.
12. **Валиев, Р. В.** Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в сфере защиты прав общественных объединений / Р. В. Валиев // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 2. – С. 43–46.

References

1. Arakelyan E. R. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. 2014, no. 3, pp. 102–104. [In Russian]
2. Ershova I. V. *Lex Russica*. 2016, no. 9 (118), pp. 46–61.

3. Nersesyants V. S. *Filosofiya prava: ucheb. dlya vuzov* [Philosophy of law: university textbook]. Moscow: Norma, 2005, 656 p. [In Russian]
4. Averkina Yu. B. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy]. 2014, no. 3 (98), pp. 137–141. [In Russian]
5. Viskhanova P. G. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: theory and practice]. 2018, no. 3 (159), pp. 82–93. [In Russian]
6. Sharnina L. A. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka* [Legal education and science]. 2019, no. 1, pp. 36–41. [In Russian]
7. Avak'yan S. A. *Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnyy kurs: ucheb. posobie: v 2 t.* [Constitutional law of Russia: training course: textbook: in 2 volumes]. 6th ed., rev. and suppl. Moscow: Norma: Infra-M, 2019, vol. 1, 864 p. [In Russian]
8. Kruss V. I. *Konstitutsionalizatsiya fiskal'no-ekonomicheskikh obyazannostey v Rossiyskoy Federatsii: monografiya* [Constitutionalization of fiscal and economic Obligations in the Russian Federation: monograph]. Moscow: Norma: Infra-M, 2017, 304 p. [In Russian]
9. Demichev A. A. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad]. 2018, no. 10, pp. 22–26. [In Russian]
10. Bolkhovitina T. S. *Nauchnye vedomosti BelGU. Ser.: Istoriya. Politologiya* [Proceedings of Belgorod State University]. 2015, no. 7 (204), iss. 34, pp. 179–182. [In Russian]
11. Cherepanov V. A. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law]. 2019, no. 2, pp. 33–37. [In Russian]
12. Valiev R. V. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii* [Bulletin of economics, law and sociology]. 2019, no. 2, pp. 43–46. [In Russian]

Пузенцова Юлия Андреевна

старший преподаватель, документовед,
кафедра государственно-правовых
дисциплин, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: julalvi@mail.ru

Puzentsova Yuliya Andreevna

Senior lecturer, record keeper,
sub-department of state and legal
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Сеидов Шахрутдин Гаджиалиевич

доктор политических наук, профессор,
кафедра государственно-правовых
дисциплин, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: pgu-gpd@yandex.ru

Seidov Shakhrutdin Gadzhialievich

Doctor of political sciences, professor,
sub-department of state and legal
disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Пузенцова, Ю. А. Конституционно-правовое регулирование институтов экономической и политической активности граждан / Ю. А. Пузенцова, Ш. Г. Сеидов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 43–54. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-5.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ КАК ОСНОВА БРИТАНСКОГО ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Аннотация.

Актуальность и цели. Пенсионное законодательство Великобритании в своем развитии проходит несколько этапов. Каждый из них формируется с учетом политико-правовых учений времени. Необходимость изучения пенсионного законодательства обусловлена стремительно развивающимися общественными отношениями, общественно-политическими явлениями. Все эти факторы влияют на изменение социальных условий жизни населения, что в свою очередь влечет необходимость внесения конкретных изменений в законодательство. Цель работы – исследовать политико-правовые учения Нового времени и их влияние на формирование и дальнейшее развитие пенсионного законодательства.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа правовых учений Иеремия Бентама, Джона Стюарта Милля, Роберта Оуэна с целью выявления социальных проблем населения Великобритании и предложений по их решению. В качестве методов исследования были использованы метод историко-правового анализа, сравнительно-правовой, которые позволили сопоставить положения правовых учений, их значение для развития теории британского пенсионного обеспечения, с учетом конкретных исторических обстоятельств.

Результаты. Выделены особенности социального положения населения в эпоху Нового времени, а также определены направления социальной политики государства. Выявлены политико-правовые учения, положенные в основу пенсионного законодательства Великобритании.

Выводы. Развитие пенсионного законодательства Великобритании основывалось на политико-правовых учениях, в основе которых были идеи о создании наилучшего общества, об идеальном экономически эффективном общественном строе, обеспечивающем счастье всех людей. Возникшие идеи об улучшении положения населения были обусловлены необходимостью решения проблемы бедности трудящегося населения.

Ключевые слова: личность, право, государство, социализм, утилитаризм, социальное обеспечение, пенсия.

А. А. Ryzhova

A NEW TIME POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES AS THE BASIS OF BRITISH PENSION LEGISLATION

Abstract.

Background. The UK pension legislation goes through several stages in its development. Each of them is formed on the basis of political and legal doctrines.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00252.

© Рыжова А. А., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

The need to study pension legislation is caused by rapidly developing social relations and socio-political phenomena. All these factors influence changes in the social conditions of the population, which in turn leads to the need to make specific changes to the legislation. The purpose of the work is to study the political and legal doctrines of the New time and their influence on the formation and further development of pension legislation.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved based on the analysis of the legal teachings of Jeremiah Bentham, John Stuart Mill, Robert Owen, in order to identify social problems of the British population and proposals for their solution. As research methods, we used the method of historical and legal analysis, comparative legal methods that allowed us to compare the provisions of legal doctrines, their significance for the development of the theory of British pension provision, taking into account specific historical circumstances.

Results. The features of the social situation of the population in The modern era are highlighted, as well as the directions of social policy of the state are determined. The political and legal doctrines that form the basis of the UK pension legislation are revealed.

Conclusions. The development of pension legislation in the UK was based on political and legal doctrines based on the idea of creating the best society, an ideal cost-effective social system that ensures the happiness of all people. The ideas that emerged about improving the situation of the population were due to the need to solve the problem of poverty of the working population.

Keywords: personality, law, state, socialism, utilitarianism, social security, pension.

Эпоха Нового времени представлена относительно непродолжительным периодом – это XVII–XIX вв. С позиции современного представления о перспективах исторического развития она стала важнейшей в мировой истории государственных укладов и правовых институтов. «Основным социально-политическим процессом Нового времени стало укрепление новой системы общественных отношений, взаимосвязанных с капиталистической экономикой, частным предпринимательством и вообще совершенно новым уровнем хозяйственного и технического развития подавляющего большинства стран» [1, с. 3]. Затрагивая историю становления правовых отношений в период Нового времени, необходимо сказать о всеобъемлющей кодификации права. «Кодифицированное право практически повсеместно возобладало над иными его формами, и кодификация стала главным путем реализации государственной политики, реформ и обновлений правовой системы» [1, с. 5] Для изучения становления британского пенсионного законодательства необходимо обратиться к видным представителям политико-правовой мысли эпохи государственных преобразований в Европе и Великобритании.

«В начале XVII в. Англия вступила в историческую полосу кризиса прежнего государственного уклада. Кризис был во многом исторически объективным: в результате значительных сдвигов в хозяйственной жизни и аграрном строе страны за предыдущее столетие сложилась новая социально-политическая ситуация, а английский абсолютизм не обнаруживал стремлений модернизировать ни своей системы, ни проводимой правовой политики» [1, с. 14]. Однако уже в течение XVIII в. сложилось законченное государственное единство Великобритании. Такое положение внутри страны способствовало проведению новых политических преобразований, что в свою очередь

уже было необходимым. Потребность в преобразованиях и установлении стабильных взаимоотношений между государством, обществом и определенными социальными слоями населения обусловила стремительное развитие социальной политики государства в период XVIII–XIX вв. Великобритания в определенной степени является родоначальником данных преобразований, свидетельством этого выступает эволюция британского законодательства о бедных; создание организаций, занимающихся страхованием жизни и здоровья населения от несчастных случаев на производстве, в случаях утраты трудоспособности и др.; система пенсионного обеспечения определенных слоев населения и другие аспекты развития социальной политики рассматриваемого периода.

К началу XVIII в. на территории государства был принят и вступил в действие «закон о бедных». Положения, закрепленные в данном акте, устанавливали, что приходское начальство напрямую управляло социальной помощью. Это выражалось в обеспечении работой трудоспособного населения, а также выплате пособий по безработице и других видах помощи в зависимости от социального положения гражданина. Данный закон впервые определил категорию неимущих. Под ними понимались лица, которые нуждаются в социальной помощи. Еще одним важным положением можно определить обязательные отчисления в пользу бедных.

Следующим этапом в попытке оказания помощи бедным слоям населения считается принятие поправок к действующему законодательству. Их инициатором выступил Томас Гилберт. «Акт о помощи бедным», принятый в 1782 г., был попыткой преодолеть бессистемность в оказании помощи бедным. Впервые данным законом было предусмотрено оказание социальной помощи на дому; обеспечение работой, соответствующей способностям, знаниям и физическим силам.

Ухудшение экономического положения Англии на рубеже XVIII–XIX вв. сподвигло к принятию законодательных актов. Принятый в 1795 г. «Акт о помощи бедным» создал прецедент – «Спинхемлендскую систему». Данная система представляла собой выделение дотаций на выплаты трудящимся беднякам в годы неурожая. Жалование компенсировалось им до определенного прожиточного минимума. Существовали различные методы определения суммы дотаций, в том числе и с учетом определенной местности.

Начало XIX в. ознаменовано критикой действующей системы оказания социальной помощи населению Великобритании и необходимостью проведения реформ. Англия становилась страной с развитыми капиталистическими отношениями. Промышленные перевороты и изменение социальной структуры общества, экономические кризисы – все это нанесло удар по отраслям британской экономики. Такая ситуация сложилась из-за двух аспектов. Первый заключался в том, что рост населения значительно опережал рост средств к существованию; и второй – призвание бедняка к моральной ответственности за свое положение.

После 1815 г. наступает послевоенный период в Англии. В этот период британские законодатели вновь начинают вплотную заниматься внутренними проблемами, так как изнурительная война с Францией не позволяла уделять должного внимания социальному положению граждан страны.

Первоочередной проблемой называют положение рабочего класса. Многочисленные стачки, акции протеста связаны прежде всего с необходимостью придания рабочим определенных правовых гарантий. Требования выражались в сокращении рабочего времени; повышении заработной платы; гарантированном доходе (обеспечении) в пределах прожиточного минимума в случае утраты трудоспособности и др.

Правительство в 1830-х гг. приняло ряд законов, которые имели «немажорное значение для дальнейшего развития страны; был взят курс на умеренные преобразования» [2, с. 30].

Процессы становления капитализма и грядущих преобразований в области реализации предоставления социальных гарантий определенным классам населения привели к смене ценностных ориентиров в обществе. Это и формирует в XIX в. новое философское течение – утилитаризм (от лат. *Utilitas* – польза). Основателем данного течения считается английский философ, социолог, юрист Иеремия Бентам.

Правовые учения Иеремии Бентама с момента их появления и по настоящее время представляют интерес для исследователей в области развития законодательства Великобритании. Это связано с тем, что его творческое наследие в определенной степени предопределило развитие таких отраслей права, как конституционное, гражданское, уголовное; многие высказанные мысли относительно развития законодательств, проведения реформ в области права не потеряли своей актуальности и в наше время. Вопросы, которые затрагивал И. Бентам в своих учениях, актуальны и исследуются учеными-юристами в настоящее время. К таковым можно отнести правовую природу права и его социального назначения; цели законодательства; имущественное равенство; определение положения индивидуума и порядок его защиты.

Основным трудом Иеремии Бентама в области права и законодательства является философско-правовое исследование «Введение в основание нравственности и законодательства». В работе он провозглашает принципы законодательства: принцип пользы, принцип аскетизма, произвольный принцип или принцип симпатии и антипатии. Обратимся к принципу пользы и его толкованию самим автором. Термин «польза» Бентам определяет свойством или способностью какого-либо предмета предохранить от какого-нибудь зла или доставить какое-нибудь благо отдельному индивиду или обществу в целом. Необходимо понимать интересы отдельных лиц, чтобы понять интерес общества. «Предметом законодательства должно быть общественное благо: общая польза должна быть основой всякого рассуждения в области законодательства. Наука состоит в том, чтобы знать, в чем заключается благо данного общества, искусство в том, чтобы найти средства для осуществления этого блага» [3, с. 1], – в этом суждении говорится о непосредственном влиянии принципа пользы на организацию деятельности верховной государственной власти в государстве и деятельности государственных органов. Ведь непосредственно органы государственной власти изучают мнения, взгляды населения на те или иные события, формируя представление о пользе или об отсутствии таковой в связи с изменениями правового положения отдельных категорий населения. Вывод, который делает И. Бентам, заключается в том, что счастье одного лица формирует счастье всего общества в целом. Для этого необходимо детально изучать экономические, социальные и другие аспек-

ты в развитии государства, так как они в свою очередь ведут к положительному либо отрицательному взгляду на происходящие события в стране и их влияние на жизнь населения в целом и определенных слоев населения в частности.

«Наибольшее счастье как можно большего числа общества – вот единственная цель, которую должно иметь правительство» [4, с. 321]. Данное выражение Бентама выступает своего рода стандартом в формировании политики взаимодействия государства и общества. «Принцип величайшего счастья признает подчинение и берет его в основу системы, цель которой возвести здание счастья руками разума и закона» [5, с. 8]. Трудоспособное население страны наибольшим счастьем признает возможность осуществлять трудовую функцию; отсутствие дискриминации при приеме на работу; достойную оплату за выполненную работу; предоставление гарантий в случаях временной или постоянной утраты трудоспособности. Наибольшее счастье нетрудоспособного населения – достойная жизнь, при которой возможно удовлетворение возникающих, необходимых для нормальной жизнедеятельности человека потребностей.

Правовая доктрина Бентама оказала влияние на развитие юридической науки и практики как в Англии, так и во всем мире. Его теория распространила свое влияние на специалистов в области права и политики в европейском сообществе. Однако до сих пор существует неоднозначная оценка его учения. Есть работы, подтверждающие и полностью опровергающие принципы в его теории. И несмотря на это, правовое учение Бентама считается недостаточно изученным со стороны юридической науки.

Положения, изложенные в его правовом учении, непосредственно связывают с развитием социального законодательства, в частности и пенсионного обеспечения определенного круга лиц в Англии. Реформы права, проведенные в период XVIII–XIX вв., отразили многие из его предложенных идей. В частности, при принятии «закона о бедных» 1834 г. немаловажное существенное влияние оказали воззрения И. Бентама. В его представлении, под бедными необходимо представлять нуждающихся в необходимом. Однозначно, что бедность является социальной проблемой, преодоление которой является обязанностью государства. Развитие капитализма в XIX в. озаменовано бедностью как неизбежностью. Бентам же указывает на недопустимость данного явления в обществе, так как это путь к социальной деградации. Бентам полагал: «Положить конец этому злу существуют только два средства помимо законов: бережливость и добровольное приношение» [2, с. 31]. Бедность нельзя уничтожить, но возможно смягчить и сделать более приемлемыми ее последствия для данных слоев общества. Необходимо обеспечивать все стандарты качества жизни, питания и потребления. Механизм предоставления гарантий обеспечения прав человека и государственной защиты населения должен строиться исходя из реального положения населения.

Таким образом, изучив основные идеи и положения, содержащиеся в политико-правовом учении И. Бентама, необходимо сделать вывод. Правительство при осуществлении своих полномочий должно непосредственно ориентироваться на улучшение качества жизни каждого отдельного человека с учетом его социального положения.

Позднее правовые учения И. Бентама, А. Смита, Д. Рикардо о связи индивида с государством, свободы и принуждения нуждались в усовершенствовании.

В это время другой английский философ, государственный деятель Джон Стюарт Милль также обращается к системе ценностей, меняющейся в условиях развития государства. Об этом свидетельствуют его труды. Основные положения представлены в следующих известных трудах: «Основы политической экономии» (Principles of Political Economy, 1848); «О свободе» (On Liberty, 1859); «Размышления о представительном правлении» (1861) и др. Политико-правовые учения Дж. С. Милля внесли значительный вклад в развитие либерально-демократической мысли и развитие законодательства указанного периода [6, с. 13].

Социализм становился все более популярным, он охватывал широкие слои населения. В трудах Дж. С. Милля нашли свое отражение идеи об обновлении общества, строительства экономики нового типа с учетом положения отдельных категорий населения. Для организации эффективно функционирующей государственной власти, полагал он, необходимо достижение следующих целей: «защита собственности и интересов человека; рост благосостояния народа; воспитание положительных социальных установок в людях» [6, с. 14]. В основе таких рассуждений – критика положений И. Бентама об основаниях нравственности. В частности, Милль утверждал о том, что нельзя основывать нравственность человека целиком на принципе полезности, так как считал, что удовлетворение частных экономических интересов не ведет напрямую к всеобщему благу. Интересы отдельных людей и общезначимые социальные интересы способствуют в конечном итоге достижению счастья каждого индивидуума.

Реформирование распределительных отношений в капиталистическом обществе XIX в. позволяет Дж. С. Миллю сделать значимый вывод, что «посредством изменения системы распределения можно сделать общество более социально справедливым» [7, с. 16]. В работе «Основы политической экономии» указывает: «Общество может подчинить распределение богатства любым правилам, какие оно считает наилучшими» [5, с. 8]. В сфере социальной направленности развития государства Дж. С. Милль предлагает программу реализации социальных преобразований в государстве. Они заключались «в необходимости уничтожения наемного труда; организации кооперативных производительных ассоциаций» [7, с. 13]; ограничений неравенства богатства при помощи введения ограничения права наследования (ограничение права наследника приобретать имущество свыше определенной суммы) и др.

В рамках предложений по совершенствованию социальной системы Великобритании в первое десятилетие XIX в. необходимо обратиться к теории и трудам известного английского философа, социального реформатора Роберта Оуэна, который одним из первых на данном этапе развития государства выступал за реформаторские идеи с исторически сложившимися конкретными реалиями того времени. Прежде всего, это вновь возникшее фабрично-заводское производство. В 1799 г. Р. Оуэн становится совладельцем крупной текстильной фабрики в г. Нью-Ланарке. В период осуществления своей деятельности принимает решение о необходимости проведения реформы. Она непосредственно затрагивает производственные отношения, планируется проведение промышленного социального эксперимента. Проведением

реформы на своей фабрике он хотел показать, что обязанность заботиться о наемных рабочих в интересах работодателя. Р. Оуэн, решая социальные проблемы в условиях фабрично-заводской организации, располагал существенными материальными и организационным ресурсами. Таким образом, для фабричных рабочих он возвел благоустроенные дома и всю необходимую инфраструктуру (столовую, сберкассу, детский сад и др.). Установленный трудовой распорядок на фабрике отличался от других производств и опережал действующее фабричное законодательство. В частности, «были применены сокращенные нормы трудового дня (с 17 до 10 часов); отказ от пользования трудом детей в возрасте менее 10 лет; и другие изменения в сфере организации труда» [8, с. 174]. Фактически Р. Оуэн был одним из первых фабрикантов, уделивших внимание социальным проблемам, состоянию нравственного и физического здоровья рабочих, прежде всего детей [8, с. 173].

На основании проведенного социального эксперимента была выработана система, которую впоследствии он теоретически обосновал и развил в сочинении «Опыты о формировании человеческого характера» (*Essay on the Formation of Character*, опубликовано в 1813 г.). Формирование характера зависит от правильности воспитания, благоприятных условий, указывал Р. Оуэн. По его мнению, это и есть верный путь к созданию нравственного, а как следствие, рационального общества. Правильность воспитания выражается в необходимости уделять внимание нравственности. «Каждый ребенок должен усвоить с детства, что его счастье может быть достигнуто только при условии и его активного содействия счастью всего общества» [9, с. 45]. Р. Оуэн пытался создать «так называемую идеальную промышленную общину, гарантирующую, по его убеждению, как благополучие трудящихся и высокую производительность, так и высокие прибыли» [8, с. 174]. Экономический кризис 1815–1816 гг. не позволил реализовать все идеи и вызвал у владельцев фабрики сопротивление необходимым социальным переменам, так как на первом месте по-прежнему была прибыль.

Одним из важных положений в учении Р. Оуэна является установление взаимосвязи сущности человеческой природы и социальных бедствий. Характер человека он определял как результат взаимодействия его природной организации и социальных условий существования. Отсюда и делается «критический вывод относительно того, что «если человек – продукт среды, то в недостатках и пороках людей и во всех социальных бедствиях повинны условия жизни» [10, с. 88]. Таким образом, необходимо создание новых условий, которые будут способствовать улучшению качества жизни населения. Исходя из этого будут устранены социальные бедствия.

В свою очередь многое из проектов Р. Оуэна реализовано и вошло в жизнь человечества во всем мире: справочные бюро, которые предоставляли возможность узнать информацию (о заработной плате, спросе на труд и т.д.); организация системы взаимного страхования по старости; определение государством перечня общественных работ на определенных территориях с оказанием помощи нуждающемуся населению в заработке.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Развитие пенсионного законодательства Великобритании формировалось с учетом политико-правовых учений нового времени, в основе кото-

рых была идея о создании наилучшего общества, об идеальном экономически эффективном общественном строе, обеспечивающем счастье всех людей.

2. Социальный аспект, рассматриваемый в правовых учениях, был обусловлен необходимостью решения проблемы бедности трудящегося населения.

3. И. Бентам в своем учении о праве указывал на необходимость реформ, которым присущ социально-политический характер.

4. В истории развития социального (пенсионного) обеспечения Англии XVIII в. был ознаменован принятием ряда законов. Впервые закреплялись такие положения, как оказание социальной помощи на дому; обеспечение работой, соответствующей способностям, знаниям и физической силе. Также было предусмотрено выделение дотаций на выплаты трудящимся, их компенсировали до определенного прожиточного минимума.

Библиографический список

1. **Омельченко, О. А.** Всеобщая история государства и права : учебник : в 2 т. / О. А. Омельченко. – Москва : Остожье, 1998. – Т. 2. – 448 с.
2. **Савюк, Л. К.** Портреты ученых-юристов: Иеремия Бентам / Л. К. Савюк // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 4. – С. 19–38.
3. **Бентам, И.** Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. Руководство по политической экономии / И. Бентам. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2018. – 144 с.
4. **Бентам, И.** Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – Москва : РОССПЭН, 1998. – 414 с.
5. **Асташов, Д. С.** Принцип полезности в воззрениях И. Бентама / Д. С. Асташов, А. В. Петров // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 7–11.
6. **Азнагулова, Г. М.** Идея полезности как государственно-правовой идеал английского либерализма XVIII века / Г. М. Азнагулова // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 3 (53). – С. 12–17.
7. **Мамонтов, В. Д.** Экономический либерализм Джона Стюарта Милля как проект формирования социального государства / В. Д. Мамонтов // Вестник ТГУ. – 2013. – Вып. 8 (124). – С. 9–17.
8. **Осипова, М. С.** Положение детей-работников на текстильных фабриках Англии (по материалам выступления Р. Оуэна в парламенте в 1816 г.) / М. С. Осипова // Вестник КГУ имени Н. А. Некрасова. – 2012. – № 2. – С. 173–176.
9. **Воскресенская, Н. О.** Реформаторские программы и футурологические идеи европейских социалистов-утопистов Нового времени / Н. О. Воскресенская // Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (8). – С. 43–52.
10. **Павлов, В. А.** Критический утопический социализм К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна: создание социальной науки / В. А. Павлов, Т. В. Растимешина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 3 (11). – С. 80–91.

References

1. Omel'chenko O. A. *Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava: uchebnik: v 2 t.* [General history of state and law: textbook: in 2 volumes]. Moscow: Ostozh'e, 1998, vol. 2, 448 p. [In Russian]
2. Savyuk L. K. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. 2012, no. 4, pp. 19–38. [In Russian]
3. Bentam I. *Printsipy zakonodatel'stva. O vliyaniy usloviy vremeni i mesta na zakonodatel'stvo. Rukovodstvo po politicheskoy ekonomii* [Principles of legislation. On the influ-

- ence of the conditions of time and place on legislation. Guide to Political Economy]. Moscow: LIBROKOM, 2018, 144 p. [In Russian]
4. Bentam I. *Vvedenie v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva* [Introduction to the foundations of morality and legislation]. Moscow: ROSSPEN, 1998, 414 p. [In Russian]
 5. Astashov D. S., Petrov A. V. *Vestnik YuUrGU. Ser.: Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Law]. 2016, vol. 16, no. 1, pp. 7–11. [In Russian]
 6. Aznagulova G. M. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The legal state: theory and practice]. 2018, no. 3 (53), pp. 12–17. [In Russian]
 7. Mamontov V. D. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU]. 2013, iss. 8 (124), pp. 9–17. [In Russian]
 8. Osipova M. S. *Vestnik KGU imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of Nekrasov Kostroma State University]. 2012, no. 2, pp. 173–176. [In Russian]
 9. Voskresenskaya N. O. *Gumanitarnye nauki* [Humanities]. 2012, no. 4 (8), pp. 43–52. [In Russian]
 10. Pavlov V. A., Rastimeshina T. V. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* [Economic and social and humanitarian studies]. 2016, no. 3 (11), pp. 80–91. [In Russian]

Рыжова Анастасия Андреевна

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра государственно-правовых
дисциплин, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: 17593r@mail.ru

Ryzhova Anastasiya Andreevna

Candidate of juridical sciences, associate
professor, sub-department of state and
legal disciplines, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Рыжова, А. А. Политико-правовые учения Нового времени как основа британского пенсионного законодательства / А. А. Рыжова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 55–63. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-6.

УДК 316.35:378

DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-7

Н. Д. Гуськова, А. В. Ерастова

СУБКУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВУЗА

Аннотация.

Актуальность и цели. Многочисленные исследования, связанные с изучением организационной культуры, доказывают ее влияние на результативность деятельности организации. Культура организации не является единой, она складывается из субкультур отдельных подразделений, которые могут быть поддерживающими или противопоставлять себя общим ценностям. Целью исследования является определение взаимосвязей и взаимовлияний субкультур подразделений вуза на его базовую культуру.

Материалы и методы. В статье приводятся и анализируются результаты исследования субкультур подразделений ФГБОУ ВО «МГУ имени Н. П. Огарева» на основе методики ОСАИ К. Камерона и Р. Куина. Данная методика позволяет сопоставить существующую и предпочтительную культуры, определить культурный разрыв между ними и тем самым определить направления совершенствования культуры.

Результаты. Исследование субкультуры 16 факультетов и институтов Мордовского государственного университета позволило выявить доминирующий клановый тип культуры во многих подразделениях. Наряду с данным типом достаточно высокие баллы имеют бюрократическая и рыночная культуры. Исследование, направленное на выявление предпочитаемого типа культуры, показало необходимость дальнейшего развития клановой и адхократической культур с одновременным снижением влияния бюрократического и рыночного типов.

Выводы. Несмотря на то что каждое подразделение имеет свою уникальную организационную культуру с уникальным набором ценностей, однако в большинстве своем все эти ценности в большей или меньшей степени отражают и поддерживают базовую культуру ФГБОУ «МГУ имени Н. П. Огарева». Это свидетельствует о грамотно выстроенной политике управления организационной культурой университета.

Ключевые слова: организационная культура, субкультура, культура вуза, ценности, классификационные признаки.

© Гуськова Н. Д., Ерастова А. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

SUBCULTURE AND ITS ROLE IN FORMING A GENERAL ORGANIZATIONAL CULTURE OF UNIVERSITY

Abstract.

Background. Numerous researches related to the study of organizational culture prove its influence on the organization's effectiveness. The organization's culture is not unified, it consists of subcultures of individual units that can be supporting or opposing themselves to common values. The aim of the study is to determine the relationships and mutual influences of the subcultures of the university departments on its basic culture.

Materials and methods. The article presents and analyzes the results of a study of subcultures of the subdivisions in Ogarev Mordovia State University based on the OCAI methodology of K. Cameron and P. Quinn. This technique allows us to compare existing and preferred cultures, to determine the cultural gap between them, and thereby determine the direction of improvement of culture.

Results. A study of the subculture in 16 faculties and institutes of Ogarev Mordovia State University revealed the dominant clan type of culture in many departments. Along with this type, bureaucratic and market cultures have fairly high scores. A study aimed at identifying the preferred type of culture showed the need for further development of clan and adhocratic cultures while reducing the influence of bureaucratic and market types.

Conclusions. Despite the fact that each unit has its own unique organizational culture, with a unique set of values, for the most part, all these values to a greater or lesser extent reflect and support the basic culture of Ogarev Mordovia State University. This indicates a well-built policy for managing the organizational culture of the university.

Keywords: organizational culture, subculture, university culture, values, classification features.

Введение

В условиях высокой конкуренции в современном быстро меняющемся мире возрастает роль организационной культуры и ее влияния на результативность работы организации любой сферы деятельности. В связи с этим проводимые в настоящее время исследования в данной области необходимы и актуальны. Одним из существенных их результатов является формирование единой (общей) культуры организации. Как правило, в организации наряду с единой организационной культурой стихийно формируются самостоятельные субкультуры. Их появление связано с общими интересами отдельных групп людей, кроме того, они могут возникать благодаря их общей профессиональной принадлежности. Необходимо отметить, что интересы и ценности отдельных групп людей в организации могут и не совпадать с ценностями организации в целом. Это может привести к появлению конфликтных и стрессовых ситуаций и, как результат, к снижению эффективности деятельности организации в целом. То есть организационную культуру нельзя рассматривать как однородную и внутренне единую сущность, любая организация должна стремиться к ее созданию.

Литературный обзор

Американский социолог Дэвид Райзмен в 50-х гг. XX в. был одним из первых, кто дал определение субкультуры как группы людей, преднамеренно избирающих стиль и ценности, предпочитаемые меньшинством [1]. Культуролог Дик Хэбдидж чуть позднее в своей книге «Субкультура: значение стиля» отметил, что субкультуры привлекают людей со схожими вкусами, которых не удовлетворяют общепринятые стандарты и ценности [2].

В энциклопедии практической психологии понятие «субкультура» определяется как свод накопленных определенным мировоззрением ценностей и порядков группы людей, объединенных специфическими интересами, определяющими их мировоззрение» [3, с. 23].

Эллен Коссек, профессор Университета штата Мичиган, глубоко изучающий организационное поведение, характеризует субкультуру как подмножество членов организации, которые регулярно взаимодействуют между собой, идентифицируют себя с определенной группой внутри организации, действуют на основе коллективного понимания, единого для всей группы [4].

Таким образом, главное отличие базовой культуры и субкультуры заключается в том, что она едина, а субкультуры составляют многочисленные малые культуры, возникающие в филиалах крупной организации или сосуществующие в одной большой организации.

В связи с этим субкультуру крупной организации следует трактовать как совокупность ценностей, отличающих ту или иную подгруппу в рамках данной организации и оказывающих определенное влияние на поведение людей в существующих подразделениях.

Для того чтобы лучше понять роль субкультур в формировании базовой (объективной) организационной культуры, целесообразно различать их классификацию по признакам, представленным в табл. 1.

Организационная культура формируется и развивается под воздействием лидера организации. Уровень ее развития зависит от его личностных характеристик и установок, от ценностей, которые он культивирует в организации и которые определяют ориентиры поведения членов того или иного социума. Именно от лидера зависит наличие или отсутствие в организации субкультур, в том числе наличие контркультур. В работе Синека Саймона «Лидеры едят последними: как создать команду мечты» в главе «Урок лидерства № 2 – Какой лидер, такая и культура» автор также утверждает, что культура и лидер организации неотделимы друг от друга. Привнося свои личные ценности в организацию и подбирая людей, которые разделяют эти ценности, он формирует организацию, где персонал – единая команда, работа которой направлена на достижение поставленных целей организации и члены которой чувствуют себя внутри организации в безопасности, под защитой своего лидера (рис. 1) [5, с. 48].

И второй случай, когда в организации имеются субкультуры, наличие которых поощряется лидером. Это преданные ему структурные подразделения, которые его поддерживают (рис. 2).

Таблица 1

Классификация субкультур организации [6]

Классификационный признак	Тип субкультуры	Содержание типа субкультуры
1. Степень совпадения ценностей субкультуры с ценностями базовой культуры	Передовая	Субкультура руководящего состава (как правило, является доминирующей культурой), приверженность базовым ценностям проявляется сильнее, чем в других субкультурах
	Неконфликтующая	Базовые ценности доминирующей в организации культуры разделяются сотрудниками наряду с другими ценностями
	Контркультура	Носителями данной субкультуры являются подразделения, члены которых отвергают доминирующие ценности организации. Это своего рода скрытый конфликт в организации
2. По виду подразделения, являющегося в организации носителями той или иной субкультуры	Субкультура территориальных подразделений	Субкультуры национальных представительства международных компаний (во многом обусловленные необходимостью привлекать для работы местный персонал) или филиалы организаций в странах с большой территорией (что как нельзя больше применимо к России)
	Субкультура различных функциональных подразделений	Субкультура отдельного подразделения может определяться его спецификой деятельности и личностными особенностями данного коллектива
3. По степени вовлеченности носителей субкультуры	Субкультура топ-менеджмента компании	Является доминирующей и отражающей общие ценности развития организации
	Субкультура руководителей среднего звена	Представляет, как правило, комбинацию субкультур топ-менеджмента и рядовых сотрудников
	Субкультура рядовых сотрудников организации	Складывается из личных ценностей членов коллектива

Рис. 1. Организационная культура, разделяемая всеми членами организации

Рис. 2. Организация, в которой присутствуют контркультуры

Наличие субкультур в отдельных структурных подразделениях организации, ценности которых кардинально не отличаются от ценностей базовой культуры, существенно не отразятся на поведении сотрудников этих подразделений и результатах деятельности организации. В случае, когда в этих подразделениях сформированы контркультуры, ценности которых значительно отличаются от ценностей базовой организационной культуры, могут возникать конфликтные ситуации, устранение которых потребует определенных затрат времени, что в свою очередь снижает результативность организации.

Задача лидера заключается в формировании «команды мечты», которая разделяет ценности организации, ее поддерживает и защищает от внешних угроз лидер, а она поддерживает своего лидера.

Материалы и методы

Исследование влияния субкультур на общую организационную культуру было проведено на примере Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева – крупнейшего центра высшего образования, науки и культуры Республики Мордовия. Исследуя организационную культуру как нечто общее для вуза, мы пытаемся «создать общую картину, получить сжатое представление о взаимосвязях,

вписывающихся в контекст генерализирующего подхода к программному предмету» [7, с. 5], в данном случае исследование организационной культуры вуза и ее субкультур.

В состав Национального исследовательского Мордовского государственного университета входят семь институтов: историко-социологический (ИСИ), аграрный (АИ), механики и энергетики (ИМЭ), национальной культуры (ИНК), физики и химии (ИФХ), электроники и светотехники (ИЭС), медицинский (МИ) и десять факультетов: архитектурно-строительный (АСФ), географический (ГЕО), биотехнологии и биологии (БИО), иностранных языков (ФИЯ), довузовской подготовки и среднего профессионального образования (ФДП), математики и информационных технологий (ФМиИТ), дополнительного образования, филологический (ФФ), экономический (ЭФ), юридический (ЮФ). Каждый институт и факультет имеет свою историю и организационную культуру, являющуюся субкультурой университета.

Для сравнительного исследования и оценки субкультур факультетов и институтов был использован метод OSAI К. Камерона и Р. Куина. Данный метод представляет собой опросник с утверждениями, характеризующими тип организационной культуры. Респонденты распределяют 100 баллов между четырьмя утверждениями, присвоив большее количество баллов наиболее распространенному утверждению. Анкета позволяет определить как существующий, так и желаемый тип культуры и культурный разрыв [8].

Результаты

В опросе приняли участие как преподаватели (127 человек), так и студенты (673). В табл. 2 приведены средние значения результатов анкетирования студентов и преподавателей.

Исследование по методике К. Камерона и Р. Куина с целью изучения субкультуры институтов и факультетов вуза показало, что, по мнению большинства студентов и преподавателей, для МГУ имени Н. П. Огарева свойственна клановая культура (см. табл. 2). Университет представляется для них большой семьей, члены которых имеют много общего. Характеристиками, способствующими сплоченности и созданию благоприятного морального климата, являются преданность, традиции, высокая обязательность, взаимное доверие и поиск консенсуса. Однако следует отметить, что данный тип культуры является недостаточно сильным, поскольку наравне с ним широкое распространение получили ценности иерархической культуры.

При этом представители филологического, архитектурно-строительного факультетов и аграрного института считают, что для университета свойственен адхократический тип организационной культуры. Это означает, что они воспринимают вуз как динамичное и творческое место, суть которого заключается в преданности экспериментированию и новаторству. При этом поощряется личная инициатива и свобода как студентов, так и преподавателей.

По мнению респондентов юридического факультета и института национальной культуры, преобладающей в МГУ имени Н. П. Огарева является рыночная культура. Представители экономического факультета наряду с клановой также отметили рыночную культуру как преобладающую, главной характеристикой которой является ориентированность на результат и выполне-

ние поставленных задач. Члены организации – целеустремленные люди, соперничающие между собой. Лидеры – требовательные руководители с твердыми взглядами. Связующим организационным звеном является стремление конкурировать и побеждать.

Таблица 2

Средние значения результатов анкетирования представителей институтов и факультетов относительно существующего профиля организационной культуры МГУ имени Н. П. Огарева

Подразделение университета	Вид организационной культуры			
	Клан	Адхократия	Рынок	Бюрократия
АСФ	41	24	19	16
ГЕО	37	15	20	28
БИО	27	27	26	20
ФДП	37	22	17	22
ФИЯ	46	17	23	14
ФМиИТ	45	17	19	19
ФФ	41	23	13	23
ЭФ	30	20	29	21
ЮФ	19	16	33	32
АИ	23	32	22	23
ИЭС	16	12	26	46
ИМЭ	10	21	22	47
ИСИ	27	13	19	41
МИ	31	20	21	28
ИФХ	59	19	8	14
ИНК	21	18	33	28
В целом по вузу	33	19	23	25

Преподаватели и студенты институтов электроники и светотехники, историко-социологического, а также механики и энергетики полагают, что для Национального исследовательского Мордовского государственного университета свойственен иерархический тип культуры с характерной для него формализованностью, структурированностью и долгосрочной заботой об обеспечении стабильности показателей.

Сопоставительный анализ существующего и желаемого профиля организационной культуры Национального исследовательского Мордовского государственного университета показал, что практически на всех факультетах и институтах, за исключением факультета довузовской подготовки и среднего профессионального образования, существуют культурные разрывы (см. табл. 2 и 3). Наблюдается несовпадение восприятий респондентов существующего и желаемого типов организационной культуры вуза.

В большинстве своем респонденты высказывают мнение об усилении культурных парадигм кланового и адхократического типов при одновременном снижении влияния рыночной и иерархической культур (рис. 3).

Таблица 3

Средние значения результатов анкетирования представителей институтов
и факультетов относительно желаемого профиля
организационной культуры МГУ имени Н. П. Огарева

Подразделение университета	Вид организационной культуры			
	Клан	Адхократия	Рынок	Бюрократия
АСФ	42	28	18	12
ГЕО	55	22	13	10
БИО	55	18	17	10
ФДП	37	26	23	14
ФИЯ	62	18	12	8
ФМиИТ	55	21	18	6
ФФ	57	27	5	11
ЭФ	47	28	15	10
ЮФ	39	17	21	23
АИ	34	37	14	15
ИЭС	28	31	24	17
ИМЭ	22	34	21	23
ИСИ	26	32	24	18
МИ	50	24	13	13
ИФХ	65	18	8	9
ИНК	32	27	20	21
В целом по вузу	44	26	16	13

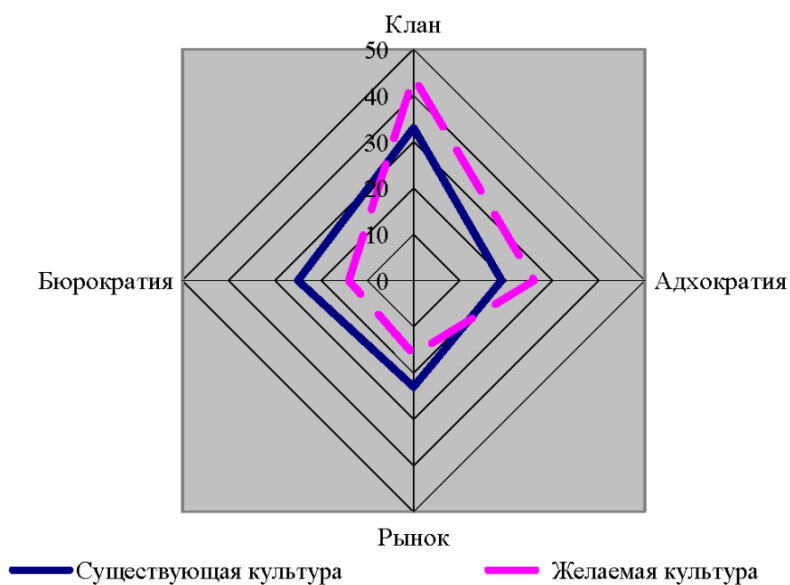

Рис. 3. Организационный профиль
организационной культуры МГУ имени Н. П. Огарева

Следует отметить, что анализ организационных профилей показал, что практически на всех факультетах и институтах, за исключением юридического факультета, институтов электроники и светотехники, механики и энергетики, национальной культуры и историко-социологического, респондентов устраивает сложившийся в вузе тип организационной культуры, о чем свидетельствует наличие небольших разрывов значений показателей для разрезов «Сейчас» и «Предпочтительно» (см. табл. 2 и 3).

Общей тенденцией является желание респондентов снизить бюрократизм и структурированность, нездоровую конкуренцию – влияние иерархического и рыночного типов, сохранив или увеличив влияние кланового и адхократического типов (личную инициативу и свободу, творчество, гибкость к изменениям).

Выводы

Таким образом, проведенный анализ показал, что в значительной степени субкультуры структурных подразделений вуза (факультетов и институтов) разделяют ценности базовой организационной культуры. Ряд подразделений, таких как юридический факультет, институты электроники и светотехники, механики и энергетики, национальной культуры и историко-социологический, наряду с другими ценностями, также разделяют ключевые ценности базовой культуры и их субкультура является неконфликтной (см. табл. 1).

Исследование субкультур подразделений университета показало, что каждое из них имеет свою уникальную культуру с доминированием тех или иных ценностей и убеждений. Однако все ценности, составляющие субкультуры, в большей или меньшей степени отражают и поддерживают базовую культуру МГУ имени Н. П. Огарева. Слабая степень «культурного разрыва» в существующей и желаемой культурах свидетельствует о том, что проводимая руководством вуза политика в формировании, поддержании и развитии культуры соответствует миссии и целям университета и поддерживается его сотрудниками и студентами.

Библиографический список

1. **Risman, D.** Lonely crowd. The study of American Character / D. Risman, N. Glaser, R. Danney. – New York, 1963. – 386 p.
2. **Hebdige, D.** Subculture: The Meaning of Stile / D. Hebdige. – London ; New York : Taylor and Francis, 2002. – 206 p.
3. **Козлов, Н. И.** Психологос. Энциклопедия практической психологии / Н. И. Козлов. – Москва : Эксмо, 2015. – 752 с.
4. **Kossek, E. E.** Work and Life Integration: Organizational, Cultural and Individual / E. E. Kossek, S. J. Lambert. – London : Lawrence Erlbaum Associates, 2005. – 572 p.
5. **Саймон, С.** Лидеры едят последними: как создать команду мечты / С. Саймон. – Москва : Эксмо, 2020. – 334 с.
6. **Мельник, И.** Субкультура в организациях / И. Мельник // Персонал-Микс. – 2004. – № 1 (20). – URL: <http://www.personal-mix.ru/english/archive.phtml> (дата обращения: 06.03.2020).
7. **Манхем, К.** Избранное: Диагностика нашего времени / К. Манхем. – Москва : Говорящая книга, 2010. – 744 с.
8. **Cameron, K.** Diagnosing and Changing Organizational Culture / K. Cameron, P. Quinn. – Boston : Addison-Wesley Publishing Company, 1999. – 320 p.

References

1. Risman D., Glaser N., Danney R. *Lonely crowd. The study of American Sharacter*. New York, 1963, 386 p.
2. Hebdige D. *Subculture: The Meaning of Stile*. London; New York: Taylor and Francis, 2002, 206 p.
3. Kozlov N. I. *Psikhologos. Entsiklopediya prakticheskoy psikhologii* [Psikhologos. Encyclopedia of practical psychology]. Moscow: Eksmo, 2015, 752 p. [In Russian]
4. Kossek E. E., Lambert S. J. *Work and Life Integration: Organizational, Cultural and Individual*. London: Lawrence Erlbaum Associates, 2005, 572 p.
5. Saymon S. *Lidery edyat poslednimi: kak sozdat' komandu mechty* [Leaders eat last: how to build a dream team]. Moscow: Eksmo, 2020, 334 p. [In Russian]
6. Mel'nik I. *Personal-Miks*. 2004, no. 1 (20). Available at: <http://www.personal-mix.ru/english/archive.phtml> (accessed 06.03.2020).
7. Mankhem K. *Izbrannoe: Diagnostika nashego vremeni* [Selected works: Diagnostics of our time]. Moscow: Govoryashchaya kniga, 2010, 744 p. [In Russian]
8. Cameron K., Quinn P. *Diagnosing and Changing Organizational Culture*. Boston: Addison-Wesley Publishing Company, 1999, 320 p.

Гуськова Надежда Дмитриевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента, Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет
имени Н. П. Огарёва (Россия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68)

E-mail: n.d.guskova@econom.mrsu.ru

Gus'kova Nadezhda Dmitrievna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management, Ogarev
Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk,
Russia)

Ерастова Александра Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра менеджмента, Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет
имени Н. П. Огарёва (Россия,
г. Саранск, ул. Большевикская, 68)

E-mail: erastova.74@inbox.ru

Erastova Aleksandra Valer'evna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of management,
Ogarev Mordovia State University
(68 Bolshevistskaya street, Saransk,
Russia)

Образец цитирования:

Гуськова, Н. Д. Субкультура и ее роль в формировании общей организационной культуры вуза / Н. Д. Гуськова, А. В. Ерастова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 64–73. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-7.

УДК 316

DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-8

О. С. Кошевой, О. А. Лузгина, Н. В. Некрылова, В. Н. Супиков

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ВЫБРАННЫМ ПРОФИЛЕМ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Региональный рынок образовательных услуг характеризуется жесткой конкурентной борьбой за потенциальных абитуриентов. Поддерживать высокие стандарты образовательного процесса в вузе можно, систематически анализируя внутреннюю и внешнюю среду вуза, выявляя и оперативно устраняя недостатки в его образовательной среде. Таким образом, актуальным является исследование удовлетворенности обучением студентов. Подобное исследование бакалавров экономического направления по профилям обучения в региональном вузе явилось целью настоящей работы.

Материалы и методы. В процессе исследования использовались анкетный опрос, функция желательности Е. С. Харрингтона, индекс структурных сдвигов В. М. Рябцева.

Результаты. Выявлены мнения студентов Пензенского государственного университета: о правильности выбора ими профессии и профиля обучения; о соответствии получаемой квалификации требованиям рынка; о заинтересованности бакалавров-экономистов учебой на профиле; о недостатках в построении учебного процесса в вузе. Оценена степень удовлетворенности студентов в этих вопросах и уровень различий их мнений в разрезе профилей обучения.

Выводы. Студенты-экономисты удовлетворены выбором профессии и набором компетенций по профилю обучения. Но бакалаврам не интересно учиться, что негативно отражается на качестве профессиональной подготовки и возможности дальнейшего трудоустройства. Причины такой ситуации кроются в недостатках организации учебного процесса в исследуемом вузе: сложный теоретический материал слабо связан с практическими аспектами профессиональной деятельности экономиста; много самостоятельной и мало контактной работы, что ограничивает возможность дискуссий с преподавателем по актуальным темам учебных дисциплин. Устранив данные обстоятельства, Пензенский государственный университет может повысить удовлетворенность бакалавров-экономистов учебой в вузе, а следовательно, и эффективность процесса обучения.

Ключевые слова: студент-экономист, профиль обучения, удовлетворенность, структура.

O. S. Koshevoy, O. A. Luzgina, N. V. Nekrylova, V. N. Supikov

ECONOMICS STUDENTS' SATISFACTION WITH THE CHOSEN ACADEMIC MAJOR (A REGIONAL ASPECT)

Abstract.

Background. The regional market of educational services is characterized by fierce competition for potential applicants. It is possible to maintain high standards

© Кошевой О. С., Лузгина О. А., Некрылова Н. В., Супиков В. Н., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

of the university educational process by systematically analyzing the internal and external environment of the university, identifying and quickly eliminating shortcomings in its educational environment. Thereby, the study of student satisfaction with learning is relevant. The purpose of this work is to study the bachelors of economics at a regional university.

Materials and methods. In the course of the research, we used a questionnaire, the desirability function of E. S. Harrington, the index of structural changes by V. M. Ryabtsev.

Results. The opinions of the students of Penza State University were revealed: on the correctness of their profession's choice and profile of education; on the compliance of the acquired qualifications with market requirements; on the interest of bachelors in economics studies; on the shortcomings in the construction of the educational process at the university. The degree of students' satisfaction in these issues and the level of differences in their opinions in the context of training profiles were assessed.

Conclusions. Students of economics are satisfied with the choice of a profession and a set of competencies in the field of study. But bachelors are not interested in studying, which negatively affects the quality of professional training and the possibility of further employment. The reasons for this situation lie in the shortcomings of the organization of the educational process in the studied university: complex theoretical material is weakly connected with the practical aspects of the professional activity of an economist; a lot of independent and little contact work, which limits the possibility of discussions with the teacher on topical topics of academic disciplines. By eliminating these circumstances, Penza State University can increase the satisfaction of bachelors in economics with studying at the university, and, consequently, the efficiency of the learning process.

Keywords: student of economics, educational profiles, satisfaction, structure.

«Профессия – это род занятий, требующий специализированного знания и часто длительной и интенсивной подготовки, которая включает в себя обучение определенным навыкам и академическим принципам», ее выбор является важнейшим решением в жизни каждого молодого человека [1]. Формирование специфических навыков и принципов у будущего профессионала обеспечивает высшее учебное заведение, предлагая обучение на специализированных профилях [2].

В условиях жесткой конкуренции региональные вузы проводят активную маркетинговую политику по привлечению абитуриентов. Особенно сложно в этом плане гуманитарным вузам в регионах с неблагоприятной демографической ситуацией, поскольку в последние годы в России идет перепроизводство таких специальностей, как экономисты, менеджеры и юристы. Так, по данным экспертно-аналитического центра РАНХиГС, только 20 % выпускников вузов пошли работать по специальности, из них более 50 % в первый же год поменяли сферу деятельности, а 30 % выпускников вообще не смогли трудоустроиться [3]. Причины такой ситуации, как считают многие ученые (А. П. Латкин, А. В. Кравец, Р. В. Фаттахов, Л. Р. Абдулов, О. Е. Береснева, Е. А. Сухобрус, Н. М. Глебова, Е. Е. Грязнова, А. А. Чернова, Е. Б. Маслов, А. А. Макаров, В. В. Уланов, А. Л. Фурсов и др.), кроются в том числе в недостаточно эффективной организации учебного процесса в вузе, снижающей удовлетворенность студента выбором профиля обучения [4].

Целью настоящего исследования явилась оценка удовлетворенности профилем обучения студентами-экономистами регионального вуза на основе ранее проведенного анализа их мотивов при выборе профиля [5].

Исследованию подверглись бакалавры второго курса Пензенского государственного университета. Был проведен сплошной анкетный опрос 100 % респондентов. Обработка результатов анкетирования осуществлялась в программной среде SPSS [6].

Вывод о мнении студентов по поставленным в анкете вопросам сформирован с использованием обобщенной функции желательности Е. С. Харрингтона [7]. Функция преобразует натуральные частные отклики в безразмерную психофизиологическую шкалу предпочтительности. Так можно установить соответствие между физическими (эстетическими, статистическими и т.д.) и психологическими (субъективными оценками предпочтительности того или иного значения отклика) параметрами. В табл. 1 показано соответствие между отношениями предпочтения в эмпирической и числовой психологической системах.

Таблица 1

Соответствие между количественными значениями шкалы предпочтительности и психологическим восприятием человека

Лингвистическая оценка удовлетворенности	Отметки на шкале предпочтительности, в процентах
Очень хорошо	80–100
Хорошо	63–80
Удовлетворительно	37–63
Плохо	20–37
Очень плохо	0–20

В настоящем исследовании также выполнен анализ структур анкетруемых показателей с использованием индекса структурных сдвигов В. М. Рябцева – I_{RR} . Индекс определяется «отношением фактической меры расхождений значений компонентов двух структур с их максимально возможным значением». I_{RR} не зависит от числа градаций статистической совокупности и рассчитывается по зависимости

$$I_{RR} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_2 - d_1)^2}{\sum_{i=1}^n (d_2 + d_1)^2}},$$

где d_2 и d_1 – удельные значения градаций двух структур [8].

Для интерпретации I_{RR} использована шкала оценки существенности различий структур, представленная в табл. 2.

Результаты суждений студентов-экономистов о правильности выбора профессии с оценкой степени их удовлетворенности в этом вопросе и уровня различий их мнений по профилям обучения представлены в табл. 3.

Таблица 2

Шкала оценки различий структур

Градации структур	I_R
Тождественность структур	0,000–0,030
Весьма низкий уровень различий структур	0,031–0,070
Низкий уровень различий структур	0,071–0,150
Существенный уровень различий структур	0,151–0,300
Значительный уровень различий структур	0,301–0,500
Весьма значительный уровень различий структур	0,501–0,700
Противоположный тип структур	0,701–0,900
Полная противоположность структур	0,901 и выше

Если усреднить результаты ответов, то можно прийти к следующим выводам: совсем не жалеют о выбранной профессии 58,8 % опрошенных; жалеют, но желают заниматься чем-то родственным 16 %; доучатся, но не будут работать по специальности 17,3 %; совершили ошибку при выборе профессии 8,6 % студентов. В отличие от студентов других профилей, полностью удовлетворены выбором профессии бакалавры профиля «Бизнес-информатика». При этом в данной области мнения студентов различных профилей существенно отличаются друг от друга в процентном соотношении.

Результаты суждений студентов-экономистов о соответствии получаемой в вузе квалификации требованиям рынка с оценкой степени их удовлетворенности в этом вопросе и уровня различий их мнений по профилям обучения представлены в табл. 4.

Если усреднить результаты ответов, то можно прийти к следующим выводам: знаний достаточно для устройства на работу у 33,3 % опрошенных; 64,2 % опрошенных заявили, что недостающие для работы знания они получают впоследствии самостоятельно; будут неконкурентоспособными на фоне выпускников других вузов 2,5 % студентов. Бакалавры всех профилей слабо удовлетворены уровнем знаний, которые они получают в вузе, при поступлении на работу по специальности. При этом в данной области мнения студентов различных профилей почти не отличаются друг от друга в процентном соотношении, чего нельзя сказать о бакалаврах профиля «Бизнес-информатика».

Результаты изменения суждений студентов-экономистов о выбранной профессии с оценкой степени их удовлетворенности в этом вопросе и уровня различий их мнений по профилям обучения представлены в табл. 5.

Если усреднить результаты ответов, то можно прийти к следующим выводам: мнение о профиле обучения в лучшую сторону изменилось у 11,5 % опрошенных; мнение о профиле не изменилось у 70 %; мнение о профиле изменилось в худшую сторону у 15 %; полностью разочарованы в профиле 3,5 % студентов. Бакалавры всех профилей весьма удовлетворены набором дисциплин в своих учебных планах. По этому поводу практически единодушны во мнениях студенты профилей «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и «Мировая экономика». Несколько иная структура суждений у студентов профилей «Финансы и кредит» и «Бизнес-информатика».

Таблица 3

Правильность выбора профессии студентами, в процентах

Правильность выбора профессии (удовлетворенность)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
Нисколько не жалею	45,0	45,0 (удовл.)	60,0	60,0 (удовл.)	45,5	45,5 (удовл.)	84,1	84,1 (оч. хор.)
Жалею, но хотелось бы заниматься чем-то родственным	30,0	55,0	30,0	40,0	0,0	54,5	5,3	15,9
Доучусь, но буду работать по другой профессии	15,0		5,0		40,9		5,3	
Жалею, совершенно не мое	10,0		5,0		13,6		5,3	
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
I_{RR} (уровень различий структур)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
Бухгалтерский учет, анализ и аудит	0		0,153 (существенный)		0,374 (значительный)		0,352 (значительный)	
Мировая экономика	–		0		0,420 (значительный)		0,232 (существенный)	
Финансы и кредит	–		–		0		0,407 (значительный)	
Бизнес-информатика	–		–		–		0	

Таблица 4

Соответствие квалификации по профилю обучения требованиям рынка, в процентах

Соответствие квалификации (удовлетворенность)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
	30,0	30,0 (плохо)	25,0	25,0 (плохо)	31,8	31,8 (плохо)	47,4	47,4 (удовл.)
Знаний хватит для устройства и работы по профессии								
Недостающие для работы знания получу потом сам(а)	65,0	70,0	70,0	75,0	68,2	68,2	52,6	52,6
	5,0		5,0		0,0		0,0	
Буду неконкурентным(ой) среди выпускников других вузов								
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
I_{RR} (уровень различий структур)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
Бухгалтерский учет, анализ и аудит	0		0,048 (весьма низкий)		0,042 (весьма низкий)		0,156 (существенный)	
Мировая экономика	–		0		0,058 (весьма низкий)		0,202 (существенный)	
Финансы и кредит	–		–		0		0,152 (существенный)	
Бизнес-информатика	–		–		–		0	

Таблица 5

Мнение студентов о выбранном профиле обучения, в процентах

Мнение о профиле обучения (удовлетворенность)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
В лучшую сторону	15,0	70,0 (хор.)	5,0	72,0 (хор.)	5,00	95,0 (оч. хор.)	21,0	89,0 (оч. хор.)
Не изменилось	55,0		67,0		90,0		68,0	
В худшую сторону	25,0	30,0	19,0	28,0	5,0	5,0	11,0	11,0
Разочарован(а)	5,0		9,0		0,0		0,0	
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
$I_{\text{жк}}$ (уровень различий структур)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
Бухгалтерский учет, анализ и аудит	0		0,137 (низкий)		0,285 (существенный)		0,160 (существенный)	
Мировая экономика	–		0		0,180 (существенный)		0,145 (низкий)	
Финансы и кредит	–		–		0		0,174 (существенный)	
Бизнес-информатика	–		–		–		0	

Таблица 6

Интерес студентов к учебе на выбранном профиле, в процентах

Интерес студентов к учебе (удовлетворенность)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
	35,0	35,0 (плохо)	23,8	23,8 (плохо)	27,3	27,3 (плохо)	63,2	63,2 (хор.)
Учусь с интересом, учеба нравится								
Трудно сказать	55,0	65,0	71,4	76,2	59,1	72,7	31,5	36,8
Учиться не интересно, учеба не нравится	10,0		4,8		13,6		5,3	
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
$I_{\text{дв}}$ (уровень различий структур)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
Бухгалтерский учет, анализ и аудит	0		0,147 (низкий)		0,072 (низкий)		0,283 (существенный)	
Мировая экономика	–		0		0,110 (низкий)		0,416 (значительный)	
Финансы и кредит	–		–		0		0,359 (значительный)	
Бизнес-информатика	–		–		–		0	

Таблица 7

Недостатки изложения учебного материала на занятиях

Изложение материала (приоритет)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
	процент	место	процент	место	процент	место	процент	место
Много излагают теории, нет связи с практикой	21,3	2	27,7	1	29,3	1	26,1	1
Материал сложный и его не понятно объясняют	14,8	4	17,0	3	14,6	2	17,4	2
Много задают на самостоятельное изучение	36,2	1	25,5	2	29,3	1	26,1	1
Много конспектируем, нужно больше дискуссий	14,9	3	12,8	4	14,6	2	13,0	3
Мало расчетных и прикладных задач на практиках	4,2	6	8,5	5	2,4	4	13,0	3
Отсутствуют компьютерные и мультимедийные средства обучения	4,3	5	6,4	6	4,9	3	4,3	4
Учебная информация устарела, недостаточно актуальна и современна	4,3	5	2,1	7	4,9	3	0,0	5
Итого	100,0	–	100,0	–	100,0	–	100,0	–
I_{ER} (уровень различий структур)	Бухгалтерский учет, анализ и аудит		Мировая экономика		Финансы и кредит		Бизнес-информатика	
Бухгалтерский учет, анализ и аудит	0		0,195 (существенный)		0,148 (низкий)		0,214 (существенный)	
Мировая экономика	–		0		0,110 (низкий)		0,073 (низкий)	
Финансы и кредит	–		–		0		0,170 (существенный)	
Бизнес-информатика	–		–		–		0	

Результаты суждений студентов-экономистов о заинтересованности в учебе с оценкой степени их удовлетворенности в этом вопросе и уровня различий их мнений по профилям обучения представлены в табл. 6.

Если усреднить результаты ответов, то можно прийти к следующим выводам: учатся с интересом 36,6 % опрошенных; затрудняются с ответом 54,9 %; учиться на профиле совершенно не интересно 8,5 % студентам. Бакалавры всех профилей, кроме студентов профиля «Бизнес-информатика», проявляют слабый интерес к учебе. При этом в данной области мнения студентов различных профилей почти не отличаются друг от друга в процентном соотношении, чего нельзя сказать о бакалаврах профиля «Бизнес-информатика».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что студенты-экономисты в большинстве своем, по их мнению, не ошиблись с выбором профессии и предметной областью профиля обучения, однако они слабо заинтересованы в учебе и считают, что знаний им не хватит при дальнейшем трудоустройстве и работе по специальности. Причины такой ситуации кроются в недостатках организации учебного процесса в вузе.

Результаты суждений студентов-экономистов о недостатках изложения материала на занятиях с оценкой степени их удовлетворенности в этом вопросе и уровня различий их мнений по профилям обучения представлены в табл. 7.

С точки зрения большинства студентов исследуемых профилей обучения, основными недостатками учебного процесса в вузе является слабая сопряженность излагаемого на занятиях теоретического материала с практическими аспектами профессиональной деятельности, сложность изложения этого материала, недостаток аудиторной работы с преподавателем и дискуссионных обсуждений актуальных тем.

Следовательно, удовлетворенность бакалавров-экономистов учебной работой в вузе можно повысить, вовлекая в учебный процесс преподавателей-практиков и увеличивая их время контактной работы со студентами.

Библиографический список

1. **Ангеловский, А. А.** Анализ понятия профессия, профессиональное сознание, профессиональная деятельность, профессионализм / А. А. Ангеловский // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2010. – Т. 12, № 5-2. – С. 306–315.
2. **Голенкова, З. Т.** Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда / З. Т. Голенкова, Г. Б. Кошарная, В. П. Кошарный // Интеграция образования. – 2018. – Т. 22, № 2 (91). – С. 262–273.
3. Выпускники вузов не работают по профилю // Мир новостей. – URL: <https://mirmov.ru/obshchestvo/obrazovanie/vypuskniki-vuzov-ne-rabotayut-po-profiluyu.html> (дата обращения: 20.02.2019).
4. **Мартышенко, Н. С.** Исследование процессов, влияющих на удовлетворенность студентов выбором специальности / Н. С. Мартышенко // Современное образование. – 2017. – № 4. – С. 131–142. – DOI 10.25136/2409-8736-2017.4.
5. **Кошевой, О. С.** Мотивы выбора профиля обучения студентами-экономистами (региональный аспект) / О. С. Кошевой, В. П. Воробьев, Н. В. Некрылова, А. Н. Опекунов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 3 (51). – С. 151–160. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-3-15.
6. **Наследов, А.** IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профильный статистический анализ данных / А. Наследов. – Санкт-Петербург : Питер, 2013. – 416 с.

7. **Литвак, Б. Г.** Разработка управленческого решения / Б. Г. Литвак. – Москва : Дело, 2006. – 440 с.
8. **Сивелькин, В. А.** Статистический анализ структуры социально-экономических процессов и явлений / В. А. Сивелькин, В. Е. Кузнецова. – Оренбург : Изд-во ОГУ, 2002. – 99 с.

References

1. Angelovskiy A. A. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Proceedings of Samara Research Center of the Russian Academy of Sciences. Humanities, social, medical and biological sciences]. 2010, vol. 12, no. 5-2, pp. 306–315. [In Russian]
2. Golenkova Z. T., Kosharnaya G. B., Kosharnyy V. P. *Integratsiya obrazovaniya* [Educational integration]. 2018, vol. 22, no. 2 (91), pp. 262–273. [In Russian]
3. *Mir novostey* [News world]. Available at: <https://mirnov.ru/obshchestvo/obrazovanie/vypuskniki-vuzov-ne-rabotayut-po-profilu.html> (accessed 20.02.2019). [In Russian]
4. Martysenko N. S. *Sovremennoe obrazovanie* [Contemporary education]. 2017, no. 4, pp. 131–142. DOI 10.25136/2409-8736-2017.4. [In Russian]
5. Koshevoy O. S., Vorob'ev V. P., Nekrylova N. V., Opekunov A. N. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2019, no. 3 (51), pp. 151–160. DOI 10.21685/2072-3016-2019-3-15. [In Russian]
6. Nasledov A. *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: profil'nyy statisticheskiy analiz dannykh* [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: profile statistical data analysis]. Saint-Petersburg: Piter, 2013, 416 p. [In Russian]
7. Litvak B. G. *Razrabotka upravlencheskogo resheniya* [Development of a management solution]. Moscow: Delo, 2006, 440 p. [In Russian]
8. Sivel'kin V. A., Kuznetsova V. E. *Statisticheskiy analiz struktury sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov i yavleniy* [Statistical analysis of the structure of social and economic processes and phenomena]. Orenburg: Izd-vo OGU, 2002, 99 p. [In Russian]

Кошевой Олег Сергеевич

доктор технических наук, профессор,
кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olaal@yandex.ru

Koshevoy Oleg Sergeevich

Doctor of engineering sciences, professor,
sub-department of economics and finances,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Лузгина Ольга Анатольевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olga.luzgina.54@mail.ru

Luzgina Ol'ga Anatol'evna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economics and finances,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Некрялова Нина Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики и финансов,
Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: nina-nekrylova@yandex.ru

Nekrylova Nina Valer'evna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economics and
finances, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Супиков Вадим Николаевич

доктор социологических наук, профессор,
кафедра государственного управления
и социологии региона, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gmu@pnzgu.ru

Supikov Vadim Nikolaevich

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of public administration
and region sociology, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Образец цитирования:

Кошевой, О. С. Удовлетворенность выбранным профилем обучения студентов-экономистов (региональный аспект) / О. С. Кошевой, О. А. Лузгина, Н. В. Некрылова, В. Н. Супиков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 74–85. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-8.

НАРУШЕНИЯ ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ПРЕПОДАВАТЕЛЕМ И СТУДЕНТАМИ КАК ФАКТОР НЕВОСПРИЯТИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сложившаяся сегодня ситуация с распространением новой коронавирусной инфекции затронула абсолютно все сферы общества, не стала исключением и сфера высшего образования. Студенты и преподаватели сегодня вынуждены работать в непривычном для себя формате – в условиях дистанционной формы обучения. Достаточно серьезное и внезапное изменение условий работы неизбежно ведет к возникновению сложностей, которые проявляются в первую очередь в процессе коммуникации между преподавателем и студентами. Цель исследования состоит в изучении нарушений коммуникационного процесса при передаче учебного материала в условиях дистанционной формы обучения.

Материалы и методы. Реализация задач достигается на основе анализа результатов проведенного авторами эмпирического исследования в форме анкетного опроса студенческого сообщества ($n = 370$). Также осуществлен анализ и синтез научных публикаций по теме социальной коммуникации в сфере образования.

Результаты. Проведено социологическое исследование, направленное на выявление сложностей, возникающих у студентов в условиях дистанционной формы обучения. Данное явление анализируется с точки зрения как вербализованных установок респондентов, так и анализа их реального поведения. В результате исследования выявлены сбои коммуникационного процесса и даны рекомендации по их устранению.

Выводы. В результате проведенного исследования было выявлено, что сбои коммуникационного процесса происходят на всех его этапах. Данные тенденции соответствуют условиям внезапности введения непривычного формата обучения. Предложенные рекомендации по регулированию проблем, возникающих в режиме удаленной работы (падение качества учебного материала, непринятие студентами некоторых форм удаленных занятий, личные организационные проблемы), могут представлять практический интерес как для администрации вузов, так и для рядовых преподавателей.

Ключевые слова: дистанционная форма обучения, коммуникационный процесс, высшее образование.

A DISTURBANCE OF THE COMMUNICATION PROCESS BETWEEN THE TEACHER AND STUDENTS AS A FACTOR OF NON-ACCEPTANCE OF THE DISTANCE LEARNING

Abstract.

Background. The current situation with the spread of a new coronavirus infection affected absolutely all spheres of society, and the sphere of higher education was no exception. Students and teachers today are forced to work in a different format unusual for themselves – in the conditions of a distance form of study. A rather serious and sudden change in working conditions inevitably leads to difficulties, which are manifested primarily in the process of communication between the teacher and students. The purpose of the study is to study the violation of the communication process when transferring educational material in a distance form of learning.

Materials and methods. The implementation of the tasks is achieved based on the analysis of the results of an empirical study conducted by the authors in the form of a questionnaire survey of the student community ($n = 370$). The analysis and synthesis of scientific and journalistic literature on the topic of social communication in the field of education was also carried out.

Results. A sociological study was conducted aimed at identifying the difficulties that arise in students in the conditions of distance learning. This phenomenon is analyzed both in terms of verbalized attitudes of respondents and the analysis of their real behavior. As a result of the study, failures of the communication process were identified and recommendations were made to eliminate them.

Conclusions. The study revealed that communication failures occur at all stages. These trends correspond to the conditions for the sudden introduction of an unusual training format. The proposed recommendations on the management of problems arising in distance work (falling quality of educational material, non-acceptance by students of some forms of remote classes, personal organizational problems) may be of practical interest, both for university administration and ordinary teachers.

Keywords: distance learning, communication process, higher education.

В сфере образования уже давно начали внедрять технологии дистанционного обучения. Данные тенденции возникли и наращивали свой темп еще до пандемии коронавируса, в условиях распространения которой вузы перешли в режим дистанционной формы обучения (ДФО). Данное (весьма неновое) явление основано на потребности многих людей в получении знаний в условиях экономии времени и гибкости учебного графика. Однако в основном образовательные программы с применением дистанционных технологий применялись с целью дополнительного самообразования. В современных же условиях, когда формат дистанционного обучения приобрел вынужденную форму абсолютно для всех обучающихся, образование столкнулось с целым рядом сложностей, связанных прежде всего с отсутствием полноценной коммуникации между обучающимся и педагогом, что не дает возможности полноценно осваивать материал, обмениваться мнениями и информацией. Кроме того, важно учесть региональный аспект готовности населения того или иного региона поддерживать и воспринимать технологические инновации. Исследуя готовность населения Пензенской области к переходу на более инновационные (электронные) технологии коммуникации, В. Н. Супиков, И. А. Юра-

сов и О. Н. Юрасов отмечают, что современная технологическая революция требует адаптации к новым способам социальной коммуникации [1].

Изучению указанных процессов на практике может помочь проведение социологического исследования среди студенческого сообщества, оказавшегося в условиях ДФО, результаты которого представлены в данной статье. Для исследования данной проблемы использовался эмпирический метод, предполагающий анкетный опрос студентов на самом пике введения ДФО. Очевидно, что в первую очередь именно студент является основным субъектом, оценивающим деятельность системы образования, именно он первым испытывает на себе все ее сложности и проблемы. Исследование проводилось в апреле 2020 г. в форме анкетирования студентов вузов г. Пензы различного пола (женщины – 48 %, мужчины – 52 %) и курсов (1 курс – 27 %, 2 курс – 25 %, 3 курс – 24 %, 4 курс – 24 %). В исследовании приняли участие студенты, получающие образование в области педагогики (27 %), экономики и управления (19 %), математики (17 %), техники и технологии (16 %), юриспруденции (9 %), медицины (8 %) и других областях (4 %). Выборка составила 370 человек, тип выборки – случайная.

Основная задача исследования – выявление сложностей, возникающих в процессе коммуникации в условиях дистанционного обучения. В связи с этим респондентам был задан вопрос о возникающих у них сложностях в условиях дистанционного обучения. Результаты распределения ответов на данный вопрос свидетельствуют, что 29 % респондентов испытывают сложности, 49 % ответили, что испытывают сложности лишь с некоторыми дисциплинами. Таким образом, какие-либо неудобства (однозначные или частичные) испытывают абсолютное большинство студентов, лишь 22 % респондентов не испытывают сложностей. Данное обстоятельство говорит о неготовности студенческого сообщества к введению ДФО, что негативно влияет на качество усвоенных студентами знаний. Кроме того, проявленная избирательность может говорить об индивидуальности выстраивания учебного процесса каждым преподавателем, о специфике дисциплины.

Однако наиболее важным сегодня является не столько выявления самого факта проблемы, так как данное обстоятельство достаточно очевидно и без проведения социологического исследования, сколько анализ сущности проблем, а также причин, приводящих к их возникновению. Задача состоит в том, чтобы не только статистически оценить сложности, но и проанализировать предпосылки, приводящие к возникающим трудностям.

Наиболее сложная проблема социологического анализа любых социальных явлений связана с выявлением соответствия между вербализованными установками представителей изучаемой группы и их реальным поведением. Исследования Р. Лапьера, посвященные изучению парадокса между аттитюдами (от англ. Attitude – отношение, установка) и реальным поведением, рассматривают установку не как знание субъекта о предмете, а как эмоциональную оценку и определенное намерение – программу действий по конкретному объекту. Результаты эксперимента Р. Лапьера приводят к выводу, что вербальные ответы являются ни чем иным, как вербализированной реакцией на символическую ситуацию, отличающуюся от реальной ситуации взаимодействия. То есть прямой связи между установкой и поведением нет [2]. Данный аспект зачастую исследует наука психология, однако и социологиче-

ские методы позволяют зафиксировать хотя бы самые явные несоответствия между описанием проблемы и поведением личности, приводящим к данным проблемам. Несоответствие вербализованных установок и реального поведения отмечено во множестве исследований. К примеру, Г. Б. Кошарная и ее соавторы отмечают, что большинство опрошенных молодых людей хотят заниматься бизнесом, в то время как только четверть из них имеют бизнес-идею [3, с. 13].

Рассматривая структуру общения, необходимо выделять в ней коммуникацию, интеракцию и перцепцию. В рамках данного исследования мы рассматривали общение в формате ДФО как коммуникационный процесс, который не сводится только к непосредственной передаче сообщения, но и включает еще несколько важных этапов, представленных на рис. 1 [4, с. 30, 31].

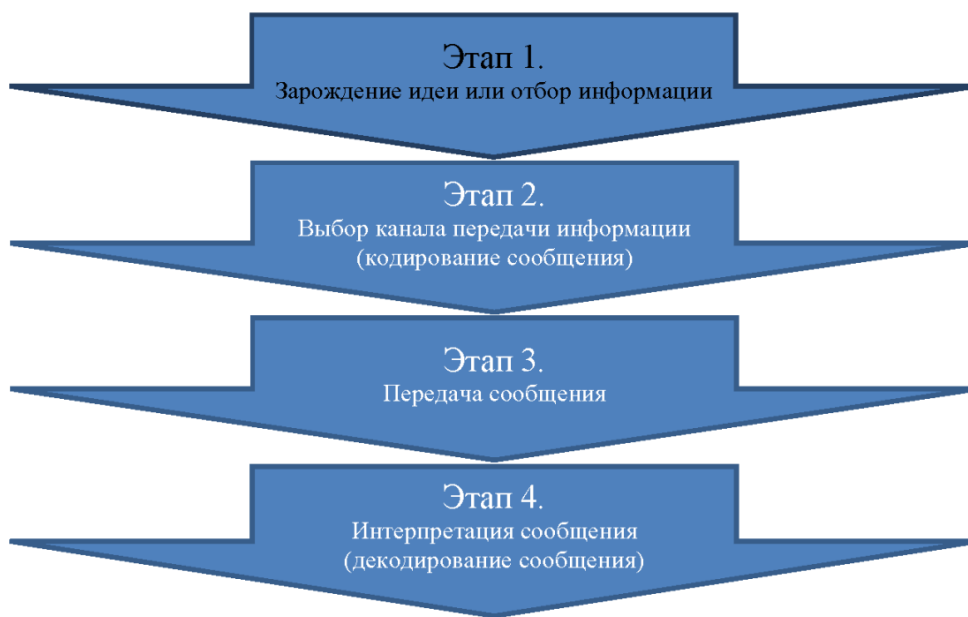

Рис. 1. Схема процесса коммуникации

Только между вторым и третьим этапом происходит непосредственная передача сообщения, что является лишь малой составной частью всего коммуникационного процесса. Данное обстоятельство является ключевым принципом анализа проблем, возникающих в ходе любой коммуникации. Сбой на любом этапе может привести к нарушению процесса коммуникации, искажению передаваемой информации и, как следствие, к нарушению процесса общения в целом. Анализируя природу и типы коммуникативных неудач, С. М. и А. М. Андреевы отмечают, что «правильное понимание коммуникативных неудач как явления и знание способов предотвращения их появления и механизмов их преодоления позволят оптимизировать процесс коммуникации» [5, с. 225].

В рамках данной статьи предпринята попытка проанализировать процесс передачи учебного материала от преподавателя к студенту в условиях ДФО с разделением его на описанные выше этапы коммуникации. Особый

акцент авторы статьи сделали на сбоях коммуникационного процесса, основываясь на статистических результатах ответов респондентов, полученных в результате проведенного социологического исследования. Для более глубокого анализа была предпринята попытка анализа не только вербализированных установок участников исследования, но и их реального поведения в условиях обучения по ДФО.

Первый этап коммуникационного процесса – отбор информации. В сфере обучения ключевым примером отбора информации для коммуникации является подбор учебного материала преподавателем. Именно содержание учебного материала (содержание лекций, освоение которых предполагает большую часть учебной работы) – это та базовая информация, которая передается в процессе обучения. Характеристика учебного материала определяется не только его объемом (который регламентирован учебным планом), но и разной степенью сложности для восприятия. Вторая характеристика во многом зависит от сложности учебной дисциплины, но не менее важным становится именно отбор информации преподавателем, ее компоновка, логическое выстраивание материала, что напрямую влияет на успешность процесса восприятия материала студентами. Факт важности качества лекционного материала находит свое подтверждение в исследованиях Е. С. Давиденко, которая подчеркивает, что «без лекций обучающимся трудно самостоятельно найти ориентиры в огромном массиве фактов, сопоставить противоречивые концепции, систематизировать материал» [6].

Таким образом, первый этап коммуникационного процесса – сфера деятельности преподавателя. Именно от его знаний и педагогического таланта зависит качество восприятия даже самой сложной дисциплины. В проведенном социологическом исследовании достаточно весомая доля респондентов (31 %) признались, что трудности дистанционного обучения они связывают именно со сложностью учебного материала. Анализируя данный факт, стоит отметить, что данные респонденты с точки зрения вербализированных установок видят сбой коммуникации на первом этапе коммуникационного процесса. Однако, как говорилось выше, вербализированные установки часто носят субъективный характер и не соответствуют объективной реальности, поэтому необходим иной взгляд на вероятность сбоя коммуникационного процесса именно на этапе сбора информации.

С целью анализа данной проблемы респондентам был предложен вопрос о качестве предлагаемого в условиях ДФО учебного материала (табл. 1). Данный срез помогает оценить, как на практике студенты оценивают успешность этапа сбора информации (в нашем примере подбор учебного материала). Исследование показало, что лишь 13 % респондентов считают качество учебного материала, предлагаемого им в формате дистанционного обучения, неудовлетворяющим их ожидания. Однако более важным является то обстоятельство, что почти половина (46 %) студентов считают, что качество дистанционного материала хуже по сравнению с занятиями в режиме реального присутствия. Данный факт может говорить как о недостатке сопутствующей к лекции информации (комментариев преподавателя, демонстрационных материалов), так и о реальной корректировке (не в лучшую сторону) выдаваемого учебного материала.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос
«Считаете ли Вы предоставляемый Вам материал
достойным и качественным?» ($n = 370$), в процентах

Варианты ответа, предложенные в анкете	Общая выборка	Респонденты, испытывающие сложности с учебным материалом
Да	41	29
Нет	13	16
В режиме реального занятия материал был бы в любом случае лучше	46	55
Итого	100	100

Сравнивая распределение ответов респондентов на данный вопрос между общей выборкой и респондентами, признавшимися в сложностях с учебным материалом, можно констатировать рост доли респондентов, недовольных качеством предоставляемого материала (с 13 до 16 %). С 46 до 55 % увеличивается и количество частично неудовлетворенных респондентов, считающих, что в режиме реального занятия материал был бы в любом случае лучше. Таким образом, в данном случае можно зафиксировать соответствие вербализованных установок и реальной ситуации, а также подтвердить существование сбоев коммуникационного процесса уже на первом этапе.

Анализируя второй этап коммуникационного процесса – выбор канала передачи информации (в нашем случае учебной) в условиях дистанционной формы обучения, стоит отметить, что именно он часто воспринимается как основное проблемное место. Причина заключается в том, что именно каналы передачи информации в условиях ДФО претерпели коренное преобразование. Привычная форма занятий, когда преподаватель за трибуной или у доски читает лекцию, а студенты, сидящие в аудитории в поле его видимости, записывают материал, в современных условиях пандемии коронавируса стала невозможна. В связи с этим данный этап коммуникационного процесса был серьезно преобразован, поэтому и студентам, и преподавателям пришлось искать новые каналы передачи информации. Сегодня в системе образования на первый план выходят дистанционные технологии, в условиях которых многие участники образовательного процесса столкнулись со сложностями.

Отсутствие компьютерной техники и Интернета полностью пресекают возможность получения информации в условиях ДФО. По данным нашего исследования, 29 % опрошенных связывают возникающие у них образовательные сложности с техническими проблемами. Многие студенты и преподаватели оказались технически не подготовлены к режиму удаленных занятий, а внезапность перемен только усугубила данные сложности. Другая сложность проведения учебных занятий в режиме ДФО – это недостаточность реального контакта с преподавателем, 40 % опрошенных респондентов отметили данную проблему. Проблема незаменимости живого общения между преподавателем и студентом нашла свое отражение во множестве исследований. Например, А. И. Шутенко, рассуждая о развитии образовательной коммуникации в современном вузе, подчеркивает, что именно общение со-

ставляет основу образовательного процесса [7, с. 81]. Однако стоит отметить, что современное молодое поколение, все глубже осваивающее информационные технологии в обыденной жизни, казалось бы, должно было быть передовым в трансляции этих технологий в сферу образования. Феноменальным кажется тот факт, что молодые люди, с таким удовольствием проводящие свободное время в Интернете, легко и непринужденно общающиеся в Сети, отводя все меньшее время личным встречам, вдруг заговорили о недостатках дистанционных технологий коммуникации. Поэтому необходимо вновь обратиться к анализу соответствия вербальных установок респондентов и их реального поведения.

Анализируя формы проведения учебных занятий, можно констатировать, что использование онлайн-связи с применением программ Zoom, Discord и др. треть (32 %) респондентов оценили негативно. Соотнося результаты вербализированной оценки респондентов сложностей ДФО и реальных обстоятельств ее реализации, стоит отметить следующие закономерности. Доля респондентов, негативно воспринимающих онлайн-связь, уменьшилась на 2 % среди респондентов, признавших в психологических сложностях коммуникации, по сравнению с общей выборкой. Столь незначительное снижение показывает, что использование онлайн-связи (наиболее приближенной к формату привычного общения) не помогает студентам справиться с возникающими психологическими сложностями на этапе передачи сообщений в процессе коммуникации. Хотя с точки зрения руководителей системы образования и преподавателей обучение в формате видеосвязи должно было иметь больший положительный эффект. Анализируя технические сложности процесса коммуникации, можно констатировать, что доля респондентов, негативно оценивших форму проведения занятий в режиме онлайн-связи, возрастает на 9 % среди опрошенных, признавших в технических проблемах, по сравнению с общей выборкой.

Возможной причиной таких результатов исследования служит отсутствие опыта работы в программах видеоконференций. Результаты исследования показывают нам, что наиболее рекомендуемая сегодня технология ДФО негативно воспринимается студенческой аудиторией. Однако стоит отметить, что рекомендации к использованию видеоконференций не беспочвенны. Например, Ю. Шароватов, анализируя формат дистанционных встреч, отдает предпочтение именно видеосвязи, отмечая, что «такой вариант предпочтительнее: если вы видите хотя бы “говорящую голову”, то канал коммуникации становится шире, можно увидеть эмоции собеседника, оценить, насколько он согласен с мнением» [8]. Таким образом, можно отметить непринятие нововведений обучающимися. Человеческая природа консервативна, все новое, непривычное вызывает отторжение, однако в рамках современных вызовов применение формата именно видеоконференций наилучшим образом отвечает требованиям ДФО.

Последний этап коммуникации (декодирование сообщения) в процессе обучения является наиболее важным. По сути, именно от его эффективности зависит успешность усвоения учебного материала, так как при неправильной интерпретации информации все предыдущие этапы коммуникации оказываются абсолютно бесполезными. Тем не менее грамотная организация предыдущих коммуникационных этапов улучшает вероятность эффективного вос-

приятия информации. В этом плане стоит отметить персональную роль и ответственность студента как активного субъекта образовательного процесса [9]. Сбои на этапе интерпретации информации могут возникать как по объективным, так и по субъективным причинам. По итогам проведенного исследования можно отметить, что сложности, связанные с проблемами самоорганизации (субъективные причины), возникают у 37 % респондентов. Таким образом, треть студентов признают свою персональную ответственность за сложности, возникающие в процессе своего обучения, что говорит о достаточно высокой объективности и самокритичности современного студенческого сообщества.

Вторая причина сбоев на этапе интерпретации учебной информации – сложность концентрации в домашних, нерабочих условиях (объективные причины) – также является достаточно серьезным барьером для усвоения знаний. Способность собраться и настроиться на учебу требует достаточного уровня зрелости. В то время как сегодня даже взрослые люди испытывают сложности с удаленным режимом работы, с такой проблемой столкнулись совсем молодые юноши и девушки, которые не обладают еще достаточным уровнем социальной зрелости.

Другая объективная проблема интерпретации информации – это наличие внешних факторов. Домашняя обстановка, не приспособленная и не подготовленная для реализации задач обучения, крайне усложняет коммуникацию. Так, по итогам проведенного исследования, 25 % респондентов считают причиной сложностей, возникающих в процессе ДФО, нерабочую атмосферу. И действительно, даже при грамотной организации учебного процесса, начиная со стороны государства, заканчивая каждым конкретным преподавателем, личные домашние условия обучения под силу организовать только каждой конкретной семье самостоятельно. К сожалению, по успешности организации домашнего рабочего пространства наблюдается очень большое расхождение. Площадь жилой зоны, состав семьи, график работы других ее членов напрямую влияют на возможность студента организовать свое рабочее пространство и время. Проблеме неравенства в образовании посвящены научные работы доктора социологических наук Д. Л. Константиновского, который еще до начала пандемии коронавируса отмечал, что при измерении неравенства необходимо учитывать конкретные объективные условия, текущее состояние рынка труда, образовательной инфраструктуры, общественно-го мнения и целого ряда обстоятельств, соответствующих определенному состоянию общества [10, с. 187]. В условиях пандемии коронавируса, которая более явно обнажила социальное неравенство, сложность состоит в том, что корректировка личных домашних рабочих условий оперативно, а тем более одномоментно (как того требует внезапность ситуации) не представляется возможной.

Другой вопрос исследования был направлен на выявление практических инструментов при работе над учебным материалом. Очень важным является не только теоретическое осмысление возникающих проблем, но и реальная проводимая работа в учебном процессе. Проведенное исследование дало возможность оценить реальные деятельные моменты поведения студентов и сравнить их с вербализованными установками при исследовании сбоев этапа интерпретации информации в процессе коммуникации в условиях

ДФО. С целью реализации данной задачи респондентам было предложено ответить на вопрос о форме работы над полученным от преподавателя материалом. Результаты анкетирования по данному вопросу представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы работаете над полученным материалом?» ($n = 370$), в процентах

Варианты ответа, предложенные в анкете	Общая выборка	Респонденты, испытывающие сложности, связанные с проблемами самоорганизации	Респонденты, испытывающие сложности, связанные с нерабочей атмосферой
Изучаю то, что дал преподаватель	69	65	84
Задаю вопросы преподавателю, если что-то не понимаю	37	43	36
Ищу дополнительную информацию по теме самостоятельно	65	73	60

Примечание. При ответе на данный вопрос респонденты могли дать несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов более 100 %.

Анализируя распределение ответов на данный вопрос, стоит отметить, что большинство студентов (69 %) ориентированы на когнитивную деятельность, т.е. изучают материалы, предоставленные преподавателем. 65 % респондентов ориентированы на самостоятельную работу, изучая дополнительную информацию. Второй факт, выявленный в ходе исследования, особенно позитивен, так как характеризует студента как активного участника образовательного процесса. Однако результаты исследования показывают, что всего треть респондентов (37 %) дают обратную связь преподавателю. Данный факт демонстрирует сбой процесса полноценного общения в условиях ДФО. Однако возможно, что остальные студенты и в режиме реальных занятий не проявляли бы активности. К сожалению, лишь 18 % респондентов нацелены на полноценный всесторонний анализ полученного учебного материала. Таким образом, качественная и полная реализация задачи интерпретации (декодирования) учебной информации реализуется всего пятой частью опрошенных.

Анализируя столь низкую студенческую активность, необходимо понять, имеет ли она место только в условиях специфической формы обучения или является показателем нормы для студенческого сообщества. Обращаясь к исследованиям М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, изучавших в 2010 г. социальный портрет молодежи, опираясь на анализ заявленных респондентами в ходе опроса поведенческих установок и ценностей, можно сказать, что молодежное сообщество характеризуется крайним расслоением и каждый конкретный его представитель имеет разные характеристики поведенческой деятельности. В ходе исследования было выделено семь основных социальных

типов российской молодежи: инициативные, исполнительные, пассивные, социально зависимые, оппозиционные, анархические и спекулятивные [11, с. 69]. Таким образом, показатель низкой активности студентов может быть не связан с проблемами, возникающими при реализации ДФО.

Соотнося результаты оценки вербализированных установок при оценке проблем коммуникации в условиях ДФО и реального поведения студентов при работе с интерпретацией сообщения, стоит отметить, что последний показатель (выбор всех возможных форм работы с учебным материалом) принципиально не меняется. Данный факт говорит о неготовности студенческой аудитории полноценно интерпретировать полученную информацию при любых обстоятельствах, сопровождающих ДФО. Таким образом, можно сделать вывод, что данное обстоятельство не продиктовано условиями специфики коммуникационного процесса. Однако достаточно серьезной корректировке подвергается распределение долей в частях предложенных вариантов ответов. Так, студенты, испытывающие проблемы с самоорганизацией, больше нацелены на творческие, не рутинные способы анализа учебного материала. Желание искать дополнительную информацию и задавать вопросы среди такой выборки возрастает на 8 и 6 % соответственно по сравнению с общей выборкой, в то время как рутинное изучение полученного материала вызывает меньше желания (данный показатель падает на 4 %). Нерабочая атмосфера, как показывает исследование, способствует лишь формальному изучению материала, так как в данных объективных условиях изучить то, что дал преподаватель, – единственно реализуемая задача в процессе обучения. Данный показатель возрастает на 15 % среди респондентов, признавших в проблеме, связанной с нерабочей атмосферой. Остальные показатели хоть и незначительно (обращение с вопросами – на 1 %, поиск дополнительной информации – на 5 %), но падают.

В заключение стоит отметить, что в абсолютном большинстве случаев вина за сбой коммуникационного процесса лежит на отправителе, который не учел все возможные сбои на остальных этапах коммуникационного процесса. Однако в нашем случае (реализация обучения в условиях ДФО) не стоит всю вину возлагать только на преподавателя, так как во многом функция организации учебного процесса лежит на административном аппарате – властных структурах, задающих стратегию дистанционного обучения, и администрации вузов, разрабатывающих их тактику. Кроме того, именно образовательным организациям стоит организовывать и контролировать качество коммуникационного взаимодействия. Л. Н. Федотова, специалист в области социальной коммуникации, в своих исследованиях подчеркивает, что при коммуникации деловая репутация напрямую зависит от социальной ответственности ее носителя [12, с. 69].

Однако, с точки зрения авторов статьи, выводы данного исследования окажутся весьма полезными и для рядовых преподавателей, которые, проанализировав возникающие проблемы, в состоянии предпринять усилия для их устранения. По итогам проведенного исследования могут быть сделаны следующие выводы-рекомендации по организации учебного процесса в условиях ДФО:

1. Утвердить специфическую методику разработки программы дистанционных занятий. Как показало исследование, качество передаваемой ин-

формации в условиях ДФО действительно страдает. Необходимо учитывать особенности проведения учебных занятий в формате ДФО уже на этапе отбора информации, эффективная реализация которого во многом является залогом успешной коммуникации.

2. Использовать привычные для студентов контенты. Теоретически можно бесконечно размышлять об успешности тех или иных каналов коммуникации, однако задача обучения – успешное восприятие информации студентами. Поэтому в условиях возникающих сложностей при реализации формата ДФО необходимо пойти навстречу студенту, подстроиться под него, так как качество именно его обучения является целью образовательного процесса, невзирая на его формат.

3. Уделить особое внимание тем студентам, у которых возникли объективные проблемы с нерабочей обстановкой, устранение которой во многом не зависит от воли студента. Следовательно, именно данные студенты, способные при иных обстоятельствах учиться лучше, должны выступать в качестве ключевой группы при работе на улучшение показателей качества обучения.

Таким образом, проанализировав в ходе исследования как субъективные установки студентов на проблемы коммуникации в условиях ДФО, так и их объективное поведение, можно констатировать, что сбои коммуникационного процесса происходят на всех его этапах. Реальное качество освоения учебного материала покажут даже не итоги зачетно-экзаменационной сессии, а только сравнительный анализ знаний и умений студентов, полученных в различных форматах обучения.

Библиографический список

1. **Супиков, В. Н.** Готовность населения Пензенской области к переходу к электронной форме паспорта / В. Н. Супиков, И. А. Юрасов, О. Н. Юрасова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 163–169.
2. **Lee, R. M.** Commentary: LaPiere and methodological opportunism / R. M. Lee // International journal of epidemiology. – 2010. – Vol. 39, № 1. – P. 16, 17.
3. Factors of students' entrepreneurial potential development in Russia: On the example of the Penza region / G. B. Kosharnaya, I. A. Yurasov, N. V. Korzh, E. S. Tarkhanova, E. A. Danilova // Revista ESPACIOS. – 2019. – Vol. 40, № 23. – P. 13.
4. **Коноваленко, М. Ю.** Теория коммуникации / М. Ю. Коноваленко, В. А. Коноваленко. – Москва : Юрайт, 2016. – 415 с.
5. **Андреева, С. М.** О сущности коммуникативных неудач / С. М. Андреева, А. М. Андреева // Инновационная наука. – 2015. – № 11. – С. 222–225.
6. **Давиденко, Е. С.** Активизация лекционной формы обучения в вузе / Е. С. Давиденко // Современные проблемы науки и образования. – 2019. – № 5. – С. 22.
7. **Шутенко, А. И.** Развитие образовательной коммуникации в современном вузе / А. И. Шутенко // Высшее образование в России. – 2001. – № 7. – С. 80–86.
8. **Шароватов, Ю.** Дистанционный менеджмент. Как управлять сотрудниками на удаленке / Ю. Шароватов. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/17941-kommunikatsiya-i-vzaimodeystvie-s-distantsionnymi-sotrudnikami>
9. **Антонова, Л. Е.** Студент как субъект обучения / Л. Е. Антонова // Образовательная социальная сеть. – 2018. – 26 июня. – URL: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2018/06/26/student-kak-subekt-obucheniya>

10. **Константиновский, Д. Л.** Измерение неравенства в образовании / Д. Л. Константиновский // Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. – Москва : Новый Хронограф, 2018. – Вып. 16. – С. 171–191.
11. **Горшков, М. К.** Молодежь в России: социологический портрет / М. К. Горшков, Ф. Э. Шереги. – Москва : ЦСПиМ, 2010. – 592 с.
12. **Федотова, Л. Н.** Бизнес-СМК-Бизнес: социологическая парадигма / Л. Н. Федотова // Коммуникология. – 2015. – Т. 3, № 5. – С. 55–72.

References

1. Supikov V. N., Yurasov I. A., Yurasova O. N. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2016, no. 4 (40), pp. 163–169. [In Russian]
2. Lee R. M. *International journal of epidemiology*. 2010, vol. 39, no. 1, pp. 16, 17.
3. Kosharnaya G. B., Yurasov I. A., Korzh N. V., Tarkhanova E. S., Danilova E. A. *Revista ESPACIOS*. 2019, vol. 40, no. 23, p. 13.
4. Konovalenko M. Yu., Konovalenko V. A. *Teoriya kommunikatsii* [Communication theory]. Moscow: Yurayt, 2016, 415 p. [In Russian]
5. Andreeva S. M., Andreeva A. M. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science]. 2015, no. 11, pp. 222–225. [In Russian]
6. Davidenko E. S. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2019, no. 5, p. 22. [In Russian]
7. Shutenko A. I. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [High education in Russia]. 2001, no. 7, pp. 80–86. [In Russian]
8. Sharovatyov Yu. *Distsantsionnyy menedzhment. Kak upravlyat' sotrudnikami na udalenne* [Distance management. How to manage employees remotely]. Moscow: Al'pina Publisher, 2020. Available at: [https:// theoryandpractice.ru/posts/17941-kommunikatsiya-i-vzaimodeystvie-s-distsantsionnymi-sotrudnikami](https://theoryandpractice.ru/posts/17941-kommunikatsiya-i-vzaimodeystvie-s-distsantsionnymi-sotrudnikami) [In Russian]
9. Antonova L. E. *Obrazovatel'naya sotsial'naya set'* [Educational social network]. 2018, 26 June. Available at: <https://nsportal.ru/npo-spo/obrazovanie-i-pedagogika/library/2018/06/26/student-kak-subekt-obucheniya> [In Russian]
10. Konstantinovskiy D. L. *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik* [Reforming Russia: yearbook]. Moscow: Novyy Khronograf, 2018, iss. 16, pp. 171–191. [In Russian]
11. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Molodezh' v Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth in Russia: social portrait]. Moscow: TsSPiM, 2010, 592 p. [In Russian]
12. Fedotova L. N. *Kommunikologiya* [Communicology]. 2015, vol. 3, no. 5, pp. 55–72. [In Russian]

Скворцова Анастасия Александровна
кандидат социологических наук,
ассистент, кафедра государственного
управления и социологии региона,
Пензенский государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: skvortsova-anastasia89@mail.ru

Skvortsova Anastasiya Aleksandrovna
Candidate of sociological sciences,
assistant, sub-department of state
management and regional sociology,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Скворцов Алексей Олегович
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономической теории
и международных отношений, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: v_skv@bk.ru

Skvortsov Aleksey Olegovich
Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of economic
theory and international relations, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Образец цитирования:

Скворцова, А. А. Нарушения процесса коммуникации между преподавателем и студентами как фактор невосприятия дистанционной формы обучения / А. А. Скворцова, А. О. Скворцов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 86–98. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-9.

Н. В. Розенберг, М. К. Карпова

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье раскрываются понятия «социальная мобильность», «социальный лифт» и их влияние на развитие и модернизацию российского общества. Рассматривается качество человеческого капитала, а именно способность человека к мобильности в обществе, что ведет к экономическому процветанию и более быстрому социальному прогрессу. Рассматривается взаимосвязь института высшего образования и социальной мобильности. Высшее образование служит инструментом для успешного трудоустройства, карьерного продвижения, а также собственного самосовершенствования. Обосновывается значимость социальной мобильности для развития и модернизации российского общества, которая направлена на развитие личности, предоставление ей возможностей профессионального и карьерного роста. Цель работы – анализ состояния социальной мобильности в современном российском обществе и представление реализации работы социального лифта.

Материалы и методы. Реализация задач осуществлена на основе структурно-функционального подхода, анализа и обобщения статистических данных, научного анализа широкого спектра источников, включая научную и периодическую литературу.

Результаты. В процессе анализа было выявлено, что социальная мобильность – это важная составляющая жизни общества. Поставленные государством задачи по модернизации могут успешно реализоваться только с решения проблемы социальной мобильности молодого поколения. От социально активной молодежи, от личного успеха каждого будут зависеть процессы развития и модернизации. Таким механизмом может и должен стать социальный лифт, действующий в масштабах всей страны.

Выводы. Исследуя социальную мобильность как фактор развития и модернизации российского общества, можно сделать вывод о том, что каждый член общества имеет справедливые шансы реализовать свой потенциал и для этого необходимы различные проекты и программы.

Ключевые слова: социальный лифт, социальная мобильность, человеческий капитал, развитие общества, социальный статус.

N. V. Rozenberg, M. K. Karpova

SOCIAL MOBILITY IN THE CONTEXT OF THE MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract.

Background. The article reveals the concepts of “social mobility”, “social lift” and their impact on the development and modernization of Russian society.

© Розенберг Н. В., Карпова М. К., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

The quality of human capital is considered, namely the ability of a person to be mobile in society, which leads to economic prosperity and faster social progress. The relationship between the Institute of higher education and the social elevator is considered. Higher education serves as a tool for successful employment, career advancement, and self-improvement. The article substantiates the importance of social mobility for the development and modernization of Russian society, which is aimed at the development of the individual, providing him with opportunities for professional and career growth. The purpose of the work is to analyze the state of social mobility in modern Russian society and present the implementation of the social lift.

Materials and methods. The tasks are implemented on the basis of a structural and functional approach, analysis and generalization of statistical data, scientific analysis of a wide range of sources, including scientific and periodical literature.

Results. During the analysis, it was revealed that the social mobility is an important component of society's life. The tasks set by the state for modernization can be successfully implemented only by solving the problem of social mobility of the younger generation. The processes of development and modernization will depend on the socially active youth and their personal success. Such mechanism can and should be a "social lift" operating throughout the country, if necessary, and beyond its borders.

Conclusions. Studying the social mobility as a factor in the development and modernization of Russian society, we can conclude that each member of society has a fair chance to realize their potential, and various projects and programs are necessary for this.

Keywords: social lift, social mobility, human capital, social development, social status.

Сегодня термин «модернизация» прочно вошел и закрепился в общественно-публицистическом и научном дискурсах. Модернизация необходима для поступательного развития России, для повышения ее конкурентоспособности на мировом рынке. Модернизационное развитие позволит наметить оптимальные стратегические сценарии и свяжет различные сферы жизни общества между собой. Решение таких задач возможно только в стране, готовой к саморазвитию, качественному росту и инновациям.

Системная социальная и техническая модернизации не возможны без «экономики знаний», без повышения качества человеческого капитала, без направления развития национального интеллекта на инновационное русло [1]. Многие исследователи сходятся во мнении, что не только величина, но и качество человеческого капитала (здоровье, знания, способность к мобильности) в постиндустриальную эпоху становится ведущим фактором устойчивого развития общества [2].

Именно от качества человеческого капитала, куда входит его здоровье, знания, способность к мобильности, зависят процессы модернизации.

В плане самоорганизации российское общество уникально. В основе самоорганизации лежит личный экономический интерес. Те вопросы, которые ставит на повестку дня перед обществом элита, оказываются российскому социуму не интересны. Причиной этого является нахождение российской элиты и гражданского общества в абсолютно разных социальных пространствах. Большинство граждан России имеют отличные от элиты стратегии жизни. Россияне имеют слабые представления о рекрутировании в элиту. Незна-

ние основ нашей социальной жизни препятствует модернизации и поступательному развитию нашего общества и государства.

Социальный лифт – это определенный канал, механизм или способ изменения социального статуса человека. Способ, который поможет занять более престижную должность или, наоборот, более низкую.

Большинство членов российского общества формируют для себя социальные и экономические стратегии. Добиться успеха во многих сферах общественной жизни, а тем более сделать хорошую карьеру с учетом наших современных российских реалий необычайно сложно. Все эти сложности могут привести к апатии и недоверию в обществе.

Продвижение по службе происходит путем изменения статусов, ролей и в силу определенных объективных социальных условий. Социальный лифт в данной сфере подразумевает карьерный рост, причинами которого выступают постоянно повышающийся уровень профессиональной компетентности, достижение статусных целей посредством удовлетворения потребности в достижении успеха и профессиональной самореализации, использование возможностей достигнутого статуса для эффективного осуществления профессиональной деятельности [3].

Если в обществе существуют достаточно качественные социальные лифты, то каждый из его членов уверен, что при определенных условиях он может добиться желаемого результата [4].

Термин «социальная мобильность» был сформирован в 1927 г. американским социологом российского происхождения П. Сорокиным. В соответствии с его концепцией существуют два вида социальной мобильности: горизонтальная и вертикальная. Горизонтальная мобильность – это перемещения на одном и том же уровне социальной стратификации, без изменения индивидуумом своих социально-значимых позиций. Другое дело мобильность вертикальная, которая предполагает перемещение индивида из одного пласта в другой в социальной иерархии как вверх (восходящая мобильность), так и вниз (нисходящая). Современное общество отличается тем, что как отдельные социальные акторы, так и социальные группы свободно изменяют свое социальное положение и социальные статусы независимо от стартовой позиции.

П. Сорокин утверждает: «Мобильность способствует экономическому процветанию и более быстрому социальному прогрессу. Поскольку в мобильном обществе индивиды распределены по социальным слоям лучше, они, вероятно, успешнее справляются со своими обязанностями, чем менее удачно размещенные индивиды в обществе иммобильном. Благодаря этим и некоторым другим факторам мобильное общество прогрессирует более интенсивно, чем иммобильное. Это положение подтверждается историей. Мы уже указывали на тот факт, что периоды интенсивной мобильности, как правило, сопровождались значительным прогрессом в сфере духовной жизни. Что касается экономического процветания, то, как установил В. Парето, между периодами, отмеченными интенсивной мобильностью, и увеличением экономического благосостояния существует прямая зависимость» [5, с. 492].

Вопросам социальной мобильности посвящено множество российских исследований, которые рассматривают объективные и субъективные аспекты. К данной тематике обращались такие исследователи, как З. Т. Голенкова [6], М. К. Горшков [7], В. В. Семенова [8], П. Е. Сушко [9], Н. Е. Тихонова [10] и др.

В России Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. была толчком к крупнейшим социальным перемещениям XX в., что привело к практически полной ликвидации богатых слоев населения, а их место заняли представители более низких классов. Революция стала социальным лифтом и главным механизмом социального подъема одних и спуска других.

Социальный лифт характеризуется постоянством, регулярностью работы и наличием правил игры, обеспечивающих вертикальную мобильность. То есть должна быть система правовых норм и процедур, которые позволяли бы выполнять какому-либо социальному институту функцию социального лифта. В таком случае общество становится более открытым, а социальное самочувствие граждан улучшается.

Если в обществе не обеспечивается вертикальная мобильность граждан, то, как следствие, может наблюдаться безразличие к выборам, волны протеста, появление радикальных группировок и оппозиционных настроений, обострение межнациональных отношений.

Сочетание высокого уровня неравенства с низкой социальной мобильностью в обществе приведет к тому, что социальная группа, находящаяся внизу социальной лестницы, не сможет свободно и комфортно ориентироваться в общественных отношениях. В социально-экономической жизни современного общества неработающий социальный лифт рано или поздно приведет к стагнации производительности труда, низкому уровню инноваций, депрессивности и отсутствию активности молодежи. Нормальные кадровые перемещения на государственной службе затрудняются вследствие того, что все стараются быть руководителями, а не хорошими специалистами.

В бизнесе наблюдается противоположная проблема – самозанятым, так же как и индивидуальным предпринимателям, невыгодно переходить в средний бизнес, в этом случае сразу увеличивается число проверок и претензий, а вместе с тем возрастает процент риска [11].

По данным Росстата, число россиян с доходом ниже величины прожиточного минимума увеличилось во втором квартале 2020 г. на 1,3 млн по отношению к аналогичному периоду 2019 г. и составило 19,9 млн человек (13,5 % населения страны) [12].

Одновременно с ростом бедности в России увеличивается социальное неравенство. Нарастающую напряженность в обществе, вызванную социальным неравенством и, как следствие, трудностью получения образования и строительства карьеры для выходцев из категории «бедных», «нуждающихся» и «малообеспеченных» слоев населения страны, сможет снять только социальный лифт, который даст реальный шанс реализовать личностный и деловой потенциал максимальному количеству граждан России [13].

Большинство россиян проявляют безразличие в отношении представителей богатых слоев населения. Во многом это объясняется сложившимися стереотипными представлениями о причинах их материального благополучия. Наличие связей, деловая хватка, упорный труд, умение использовать все шансы и немного везения – вот пять базовых, с точки зрения основной массы опрошенных, составляемых успеха богатых ныне сограждан. Причем с течением времени рейтинг истоков материального благополучия трансформируется в сторону большего внимания личным трудовым усилиям. Вместе с тем при всей позитивности указанного набора причин в него все еще не входит фак-

тор высокого и качественного образования, а значит, понимание его важности с точки зрения социальной мобильности не сформировано, недостаточной остается и отдача этого компонента человеческого капитала [7].

Кроме того, социальные лифты перестают быть жестко структурированной данностью. Становление информационного общества и доступ к большому объему различной информации дает возможность человеку собственными силами проектировать свое будущее. В таком случае у человека появляется «счастливый случай» быть хозяином собственной судьбы.

Принято считать, будто для продвижения наверх нужны талант, интеллект, навыки, находчивость, трудолюбие, упорство, принятие рисков, а также правильная стратегия поведения. Примером может служить один из разработчиков и основателей социальной сети Facebook М. Э. Цукерберг. В январе 2018 г. он являлся пятым в списке журнала Forbes и самым молодым мульти-миллиардером с состоянием в 70 млрд долл.

Появление и развитие цифровых технологий привело к формированию нового социального лифта – цифрового. Сегодня Интернет и социальные сети – это инструменты продвижения себя или своих услуг без больших материальных вложений. Цифровая элита – это те, кто собирает много (миллионы) лайков [14].

Особо в социальных лифтах нуждается студенческая молодежь. Студенчество – это достаточно большая часть современной молодежи и городского населения. Студенты являются продвинутой, наиболее образованной и подготовленной частью молодежи, что, несомненно, позволяет ставить их на первый план и включать в число прогрессивных и передовых групп молодежи [15]. Будучи студентом и получая высшее образование, человек стремится реализовать свою мечту. Большинство студентов осознают, что высшее учебное заведение является одним из средств социального развития и роста молодежи в различных направлениях, а это служит предпосылкой для социального продвижения. Специфика обучения в вузе является другой важной особенностью, что позволяет расширять сферы общения.

Анализ мировых тенденций развития института образования показывает, что его потенциал как социального лифта постепенно утрачивается. О необходимости выявлять возможные риски на рынке труда в зависимости от уровня образования предупреждают социологи [16]. Все сложнее молодежи, получившей диплом об окончании высшего учебного заведения, продвинуться выше по социальной лестнице [17].

Данные исследования об эффективности и перспективности высшего образования в июле 2019 г. представил Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Образование, по мнению россиян, является социальным лифтом, обеспечивающим успешную карьеру и достижение жизненных целей, но убежденность в этом с каждым годом снижается. Данные табл. 1 говорят о том, что на протяжении последних 15 лет образование служит для россиян преимущественно инструментом для успешного трудоустройства (48 % в 2004 г. и 44 % в 2019 г.), карьерного продвижения (28 % в 2004 г. и 26 % в 2019 г.), а также собственного самосовершенствования как профессионала (26 % в 2004 г. и 22 % в 2019 г.) [18].

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В настоящее время многие люди стремятся получить высшее образование. Как Вы думаете, зачем?» (закрытый вопрос, до двух ответов, процент от всех опрошенных)

Варианты ответов	2004	2005	2010	2013	2019
Чтобы иметь диплом для трудоустройства на хорошую работу	48	44	33	37	44
Чтобы сделать карьеру	28	27	12	28	26
Чтобы получить специальные знания, стать профессионалом	26	27	25	28	22
Потому что сегодня так принято	7	10	6	13	18
Чтобы получить новые знания, расширять свой кругозор	15	15	10	20	16
Чтобы повысить свой социальный статус, выйти за рамки своего окружения	9	8	5	15	13
Чтобы оказаться в культурной, образованной среде	8	8	6	15	6
Чтобы не служить в армии	10	9	2	6	6
Затрудняюсь ответить	4	4	2	2	3

За последние девять лет россияне чаще стали считать высшее образование необходимостью – увеличилась доля сторонников мнения, что диплом о высшем образовании нужно получать, потому что так принято (с 6 % в 2010 г. до 18 % в 2019 г.). Чаще всего об этом говорят молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (25 %). Среди них также наибольшее распространение имеет практика получения высшего образования с целью повышения социального статуса (18 % против доли в 13 % среди всех опрошенных) [18].

В целом большинство россиян уверены, что высшее образование сопутствует успешной карьере и облегчает достижение жизненных целей (76 % в 2008 г. и 58 % в 2019 г.) (табл. 2). Все это свидетельствует о том, что в обществе более критично оценивают значимость высшего образования и оно является одним из инструментов к жизненному успеху.

Привести социальные лифты в движение непросто, нужны совершенно новые программы продвижения кадров, прежде всего талантливой молодежи [19], которая в свою очередь должна понимать, что главным качеством на современном рынке труда является конкурентоспособность [20].

Социальный лифт дает шанс реализовать личностный и деловой потенциал, занять достойное социальное положение и добиться успехов в своей стране. Работа социального лифта способствует независимости человека за счет собственного упорства, целеустремленности, твердого характера и всех лидерских способностей. В особенности это касается молодых людей, для которых социальный лифт вполне может стать трамплином в «другую жизнь». Благодаря таким социальным лифтам люди занимают более высокое положение в обществе, превращаются во влиятельных политиков, ученых, бизнесменов, экспертов и т.д. В современных условиях социальный лифт должен стать основой для консолидации конструктивных, созидательных со-

циально-экономических, политических сил, формирование и развитие которых будет проходить снизу вверх. В качестве примера можно вспомнить советские города, в которых развивались новые производства, новые технологии, а сами эти населенные пункты нередко перестраивались заново. Новое место давало больше возможностей для самореализации.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Согласны ли Вы или нет с тем, что высшее образование обеспечивает человеку успешную карьеру и облегчает достижение жизненных целей?» (закрытый вопрос, один ответ, процент от всех опрошенных) [18]

Варианты ответов	2008	2011	2013	2015	2018	2019
Скорее согласен	76	72	72	65	63	58
Скорее не согласен	19	22	24	28	34	39
Затрудняюсь ответить	5	6	4	7	3	3

Интенсивность формирования процессов модернизации будет зависеть от социально активной молодежи, от запуска эффективно действующего механизма поддержки каждого молодого человека к достижению личного и общего успеха. Таким механизмом может и должен стать социальный лифт, действующий в масштабах всей страны. Достижение более высоких уровней социальной мобильности должно восприниматься как важнейшая политическая цель, оно требует формирования целостной стратегии на государственном уровне с определением соответствующих ключевых показателей эффективности для решения широкого круга проблем.

Библиографический список

1. **Becker, G. S.** Human Capital. Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / G. S. Becker. – New York ; London : Columbia University Press, 1964. – 187 p.
2. **Быченко, Ю. Г.** Модернизация общества и качество человеческого капитала / Ю. Г. Быченко, Л. В. Логинова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2008. – Т. 8, № 2. – С. 47–54.
3. **Алехин, Э. В.** Социальные лифты в органах местного самоуправления Пензенской области (по результатам исследования сотрудников администрации района в городском округе) / Э. В. Алехин, Е. А. Боярова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 7 (63). – С. 27–32.
4. **Сорокин, П. А.** Влияние мобильности на человеческое поведение и психологию / П. А. Сорокин ; пер. с англ. М. В. Соколовой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2004. – № 2 (70). – С. 101–110.
5. **Сорокин, П. А.** Социальная мобильность / П. А. Сорокин ; пер. с англ. М. В. Соколовой ; под общ. ред. В. В. Сапова. – Москва : Academia : LVS, 2005. – 588 с.
6. **Голенкова, З. Т.** Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян / З. Т. Голенкова, П. Е. Сушко // Социологические исследования. – 2016. – № 12. – С. 95–104.
7. **Горшков, М. К.** Российское общество в социологическом измерении / М. К. Горшков // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 3. – С. 232–242.

8. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты : монография / Б. Бегеманн, А. В. Ваньке, З. Т. Голенкова, Ю. Б. Епихина, Н. Д. Коленникова, Я. Петрович, Е. В. Полухина, Е. Ю. Рождественская, В. В. Семенова, А. В. Стрельникова, П. Е. Сушко, И. Н. Тартаковская, Т. Ю. Черкашина, М. Ф. Черныш, У. Шувакович, С. С. Ярошенко ; отв. ред.: В. В. Семенова, М. Ф. Черныш, П. Е. Сушко. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2019. – 512 с.
9. **Сушко, П. Е.** Особенности карьерных стратегий политически активной молодежи современной России / П. Е. Сушко // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 2 (120). – С. 8–12.
10. **Тихонова, Н. Е.** Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика / Н. Е. Тихонова // Вестник Института социологии. – 2017. – № 21. – С. 140–165.
11. **Ильин, П. А.** Проблемы малого бизнеса в современной России и пути их решения / П. А. Ильин, Н. С. Кандакова // Юный ученый. – 2020. – № 4 (34). – С. 47–49. – URL: <https://moluch.ru/young/archive/34/1992/> (дата обращения: 20.10.2020).
12. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации во II квартале 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/174.htm (дата обращения: 20.09.2020).
13. Программа выявления и поддержки талантливой молодежи в области предпринимательства и менеджмента «Социальный лифт» // Социальный лифт. – URL: <http://www.soclift.ru/index.htm> (дата обращения: 20.09.2020).
14. Социальные лифты: понятие и основные виды // Mentamore. – URL: <https://mentamore.com/socium/socialnye-lifty.html> (дата обращения: 20.09.2020).
15. **Ситаров, В.** Ментальные характеристики современной студенческой молодежи / В. Ситаров, А. Шутенко, Е. Шутенко // AlmaMater. – 2007. – № 7. – С. 13–18.
16. **Голенкова, З. Т.** Влияние образования на повышение конкурентоспособности работников на рынке труда / З. Т. Голенкова, Г. Б. Кошарная, В. П. Кошарный // Интеграция образования. – 2018. – Т. 22, № 2 (91). – С. 262–273.
17. **Свадьбина, Т. В.** Высшее образование как «социальный лифт»: оценка эффективности / Т. В. Свадьбина, О. А. Немова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 2 (53). – С. 111–118.
18. Данные опросов. Высшее образование: социальный лифт или потерянное время? // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9808> (дата обращения: 15.09.2020).
19. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. – 176 с.
20. **Корж, Н. В.** Проблемы молодежной занятости в Поволжском регионе / Н. В. Корж, Л. Ф. Каримова // Наука. Общество. Государство. – 2017. – Т. 5, № 1 (17). – С. 155–161. – URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 20.09.2020).

References

1. Becker G. S. *Human Capital. Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. New York; London: Columbia University Press, 1964, 187 p.
2. Bychenko Yu. G., Loginova L. V. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology]. 2008, vol. 8, no. 2, pp. 47–54. [In Russian]
3. Alekhin E. V., Boyarova E. A. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2019, no. 7 (63), pp. 27–32. [In Russian]
4. Sorokin P. A. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye pereмены* [Public opinion monitoring: economic and social change]. 2004, no. 2 (70), pp. 101–110. [In Russian]

5. Sorokin P. A. *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social mobility]; transl. from Engl. M. V. Sokolova. Moscow: Academia: LVS, 2005, 588 p. [In Russian]
6. Golenkova Z. T., Sushko P. E. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches]. 2016, no. 12, pp. 95–104. [In Russian]
7. Gorshkov M. K. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2020, vol. 90, no. 3, pp. 232–242. [In Russian]
8. Begemann B., Van'ke A. V., Golenkova Z. T., Epikhina Yu. B., Kolennikova N. D., Petrovich Ya., Polukhina E. V., Rozhdestvenskaya E. Yu., Semenova V. V., Strel'nikova A. V., Sushko P. E., Tartakovskaya I. N., Cherkashina T. Yu., Chernysh M. F., Shuvakov U., Yaroshenko S. S. *Sotsial'naya mobil'nost' v uslozhnyayushchemsya obshchestve: ob"ektivnye i sub"ektivnye aspekty: monografiya* [Social mobility in an increasingly complex society: objectival and subjective aspects: monograph]. Moscow: FNISTs RAN, 2019, 512 p. [In Russian]
9. Sushko P. E. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2018, no. 2 (120), pp. 8–12. [In Russian]
10. Tikhonova N. E. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. 2017, no. 21, pp. 140–165. [In Russian]
11. Il'in P. A., Kandakova N. S. *Yunyy uchenyy* [Young scientist]. 2020, no. 4 (34), pp. 47–49. Available at: <https://moluch.ru/young/archive/34/1992/> (accessed 20.10.2020). [In Russian]
12. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/174.htm (accessed 20.09.2020). [In Russian]
13. *Programma vyyavleniya i podderzhki talantlivoy molodezhi v oblasti predprinimatel'stva i menedzhmenta «Sotsial'nyy lift»* [The program for identifying and supporting talented youth in the field of entrepreneurship and management “Social Lift”]. Social lift. Available at: <http://www.soclift.ru/index.htm> (accessed 20.09.2020). [In Russian]
14. *Sotsial'nye lifty: ponyatie i osnovnye vidy* [Social lifts: concept and main types]. Mentamore. Available at: <https://mentamore.com/socium/socialnye-lifty.html> (accessed 20.09.2020). [In Russian]
15. Sitarov V., Shutenko A., Shutenko E. *AlmaMater*. 2007, no. 7, pp. 13–18. [In Russian]
16. Golenkova Z. T., Kosharnaya G. B., Kosharnyy V. P. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education]. 2018, vol. 22, no. 2 (91), pp. 262–273. [In Russian]
17. Svad'bina T. B., Nemova O. A. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2018, no. 2 (53), pp. 111–118. [In Russian]
18. *Dannye oprosov. Vysshee obrazovanie: sotsial'nyy lift ili poteryannoe vremya?* [Survey data. Higher education: social lift or wasted time?]. VTsIOM. Available at: <https://wtciom.ru/index.php?id=236&uid=9808> (accessed 15.09.2020). [In Russian]
19. *Sotsial'noe samochuvstvie naseleniya v usloviyakh reform: regional'nyy aspekt* [Social state of health of the population in the context of reforms: regional aspect]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011, 176 p. [In Russian]
20. Korzh N. V., Karimova L. F. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo* [Science. Society. State]. 2017, vol. 5, no. 1 (17), pp. 155–161. Available at: <http://esj.pnzgu.ru> (accessed 20.09.2020). [In Russian]

Розенберг Наталья Владимировна

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии
и социальных коммуникаций, Пензенский
государственный университет (Россия,
г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: elya@sura.ru

Rozenberg Natal'ya Vladimirovna

Doctor of philosophical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Карпова Маргарита Константиновна
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра философии и социальных
коммуникаций, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: karpovamk@mail.ru

Karpova Margarita Konstantinovna
Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of philosophy and social communications,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Образец цитирования:

Розенберг, Н. В. Социальная мобильность в условиях современного
российского общества / Н. В. Розенберг, М. К. Карпова // Известия высших
учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. –
№ 4 (56). – С. 99–108. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-10.

УДК 331

DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-11

В. Ю. Синявин, В. А. Скворцова, С. В. Тактарова

ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Повышение инвестиционной привлекательности – задача номер один для российской экономики на уровне как регионов, так и национальной социально-экономической системы в целом, – возможно лишь в условиях высокоразвитого человеческого капитала. С учетом процессов глобализации особое значение приобретает обучение и развитие человеческого капитала многонациональных организаций, которые по своей сути являются инвестициями.

Материалы и методы. В исследовании применены источниковедческий (библиографический) метод, системный метод, позволившие выявить, систематизировать и обобщить взгляды специалистов относительно путей развития человеческого капитала многонациональных организаций, а также метод интервью, примененный в ходе опроса представителей выборочной совокупности экспертов.

Результаты. В качестве действенного инструмента, активизирующего процессы развития человеческого капитала многонациональной организации, предлагается корпоративное обучение, способствующее формированию корпоративной культуры и повышающее эффект адаптации принятых сотрудников на этапе вхождения их в социальное пространство организации.

Выводы. Для обучения персонала многонациональной компании целесообразно использовать кросс-культурный тренинг. Знания и навыки, полученные на тренингах, будут способствовать грамотному построению партнерских взаимоотношений с представителями других национальностей в многонациональной организации.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, человеческий капитал, многонациональная организация, обучение персонала, развитие персонала, корпоративное обучение, корпоративная культура.

V. Yu. Sinyavin, V. A. Skvortsova, S. V. Taktarova

INVESTMENT IN HUMAN CAPITAL OF A MULTINATIONAL ORGANIZATION

Abstract.

Background. Increasing investment attractiveness – the number one task for the Russian economy, both at the regional level and the national social and economic

© Синявин В. Ю., Скворцова В. А., Тактарова С. В., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания авторства, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

system as a whole – is possible only in conditions of highly developed human capital. Given the processes of globalization, the training and development of the human capital of multinational organizations, which are essentially investments, are very important.

Materials and methods. The research applied the source study (bibliographic) method, the system method, which allowed to identify, systematize and generalize the views of specialists regarding the development of human capital of multinational organizations.

Results. As an effective tool that activates the processes of human capital development of a multinational organization, corporate training is offered, which contributes to the formation of a corporate culture and increases the effect of adaptation of accepted employees at the stage of their entry into the “social space” of the organization.

Conclusions. For the training of multinational organizations’ personnel, it is advisable to use cross-cultural training. The knowledge and skills acquired at the trainings will contribute to the competent building of partnerships with representatives of other nationalities in a multinational organization.

Keywords: investment attractiveness, human capital, multinational organization, personnel training, personnel development, corporate training, corporate culture.

Введение

Развитие человеческого капитала – ключевое направление процесса формирования предпосылок к устойчивому росту социально-экономической системы любого уровня – от отдельной организации до территориально-организованных экономических систем. Наличие высокопрофессионального, обладающего соответствующими компетенциями персонала в настоящее время выступает решающим аргументом для потенциального инвестора при принятии решения о реализации инвестиционного проекта [1, 2]. Причем с учетом процессов глобализации, затрагивающих все в большей степени даже отдаленные и, казалось бы, оторванные от данного явления и традиционно моноэтнические территории, развитие персонала субъектов экономических отношений следует осуществлять, принимая во внимание складывающийся их многонациональный характер.

А. Б. Дихтярь считает, что многонациональной является организация, для персонала которой свойственны следующие характеристики: присутствие специалистов различных этносов и наличие их эффективного взаимодействия, различие в особенностях менталитета и способах совместной деятельности, наличие специфических особенностей в восприятии информации у работников разных национальностей [3, с. 14].

Исследование, проведенное Всемирным банком, свидетельствует о том, что большая часть фирм стран запада дает возможность работникам получить то или иное дополнительное образование. А. М. Назаренко обращает внимание, что организация, в которой преобладают высококвалифицированные работники, работники с мышлением креативного склада, обладает значительным преимуществом по сравнению с прочими фирмами как в период стабильного состояния внешнего фона, так и в кризисных условиях [4, с. 14].

Работник высокой квалификации способен не только осуществить необходимый анализ имеющейся информации, осуществить грамотное целеполагание и предложить пути, следуя по которым заявленная цель будет дос-

тигнута, но и, что особенно важно, обеспечить это при минимальных затратах ресурсной базы.

Т. В. Сидорина обращает внимание, что процесс развития персонала в многонациональных организациях дает возможность увеличить объем знаний, упрочить навыки, сформировать элементы модели поведения как в личностном, так и в профессиональном плане, а также систему взглядов и ценностных установок сотрудников [5, с. 140].

Специальная литература, посвященная проблеме обучения работников, содержит немалое разнообразие трактовок данного понятия.

В общем виде обучение персонала можно представить как процесс формирования и преумножения человеческого капитала путем непосредственного трансферта профессиональных знаний и навыков людям, работающим в организации, с целью возмещения пробела между теми знаниями и умениями, которые у них уже имеются, и теми знаниями и умениями, которые требуются при выполнении ими той или иной работы в настоящее время либо в будущем.

Рост интереса фирм к обучению работников – заметная тенденция современности, важная составляющая трансформационного процесса, претерпеваемого бизнесом в своем стремлении к достижению такого состояния, которое можно определить как «социально ответственная компания».

Для эффективно функционирующей системы обучения персонала свойственна ориентация на результат всех бизнес-процессов, происходящих в компании, а также положительный итог осуществленных инвестиционных вложений.

При этом, как указывает М. А. Назаренко, «также нельзя забывать, что система управления персоналом должна ориентироваться на корпоративную культуру организации» [4, с. 15].

В связи с этим полагаем возможным представить такую трактовку категории «обучение персонала многонациональной организации»: процесс обучения персонала многонациональной организации есть интеграционная составляющая, относимая к системе менеджмента человеческого потенциала многонациональной организации, предполагающая меры воздействия на совокупность внутрифирменных ценностей, необходимых для развития внутриорганизационного климата.

Материалы и методика

Теоретическая и методическая база исследования сформирована на основе источниковедческого (библиографического) метода, позволившего установить и классифицировать подходы ученых к развитию человеческого капитала многонациональной организации, а также метода интервью, примененного в ходе опроса представителей выборочной совокупности экспертов.

Результаты

Как справедливо отмечает И. М. Глухенькая, «в основе методологии таких процессов, как обучение и развитие персонала, – формы, методики и виды обучения работников» [6, с. 65].

Считаем, что наибольшей актуальностью применительно к многонациональным организациям будет обладать корпоративное обучение, так как

целями корпоративных образовательных программ выступает развитие работников. Данное заключение подтверждено и участниками предпринятого авторами статьи опроса, отметившими заметную роль корпоративных образовательных программ в процессе формирования элементов, определяющих корпоративную культуру, что в свою очередь значимо при вхождении новых работников в социальное пространство фирм.

В структуре, свойственной корпоративному обучению, присутствуют, помимо внешних и внутренних образовательных мероприятий, еще и курсы, позволяющие повысить квалификацию работников.

Представители исследовательского сообщества отмечают те или иные специфические особенности, присущие корпоративному обучению, обеспечивающие высокий уровень его конкурентоспособности и привлекательности.

Так, по мнению М. Ротановой, корпоративному обучению свойственна целенаправленность и непрерывность в процессе соотнесения организационных потребностей и требований, присущих и предъявляемых организации и членам трудового коллектива [7, с. 75].

Согласно Н. Г. Алдакаевой, в качестве основной цели подобного учебного процесса выступает обеспечение качественной, высокопрофессиональной трудовой деятельности работника и всего коллектива в целом, что в свою очередь возможно путем закрепления и последующего преумножения его навыков, в конечном счете и обеспечивающих эффективность организации [8, с. 43].

Конечно, нельзя не признать, что уровень качества корпоративного обучения в любом случае будет определяться субъектом образовательных процессов – педагогом, а также качествами слушателей и уровнем материально-технического оснащения учебного процесса.

О. Кожевина говорит, что посредством систематического освоения трудовым коллективом внутрифирменных обучающих программ осуществляется построение некоего общего (в понятийном, информационном и ценностном плане) пространства. По ее мнению, с которым трудно не согласиться, такое обучение работников следует начинать с установления потребностей предприятия-работодателя в их образовании [9, с. 353].

В. В. Кузнецова полагает, что деятельность по планированию программ, затрагивающих корпоративное обучение, должна включать определение целей, мотивов, способов и специфических приемов. Что касается цели, то она, по мнению того же автора, должна представать перед разработчиками программ как четкая формулировка, содержащая ответ на вопрос: «что же в итоге должен вынести из учебного процесса работник?» [10, с. 29].

Немалую сложность, по мнению авторов статьи, заключает в себе проблема выработки критерия, способного точно охарактеризовать эффективность образовательного процесса, участниками которого явился персонал многонациональной организации.

Данной проблеме посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных специалистов. В любом случае процесс обучения окажется малоэффективным, если у обучающихся отсутствует знание специфики собственной национальной культуры и тех влияний, которые оказывают ее элементы на национальный стиль ведения бизнеса. Вне сомнения, это основа,

на которой будут в дальнейшем располагаться элементы знаний специфических черт, присущих другим деловым культурам. Н. Г. Алдакаева подчеркивает, что образовательная программа, начало которой посвящается ознакомлению с проявлениями иной культурной среды, основывается на тезисе о том, что обучаемым нет необходимости изучать (по крайней мере детально) собственную культуру, поскольку она и так им хорошо знакома. В связи с этим невозможно достаточно глубоко постичь весь характер воздействия других культур на элементы поведенческой модели индивида, пока не познал это применительно к собственной культуре [8, с. 321].

Выводы

Считаем, что наиболее оптимальной формой обучения работников в многонациональных организациях выступает система кросс-культурных тренингов.

На практике для большинства организаций, которые следует рассматривать как многонациональные, свойственна незначительная степень информированности в части культуры относительно как рядовых исполнителей, так и руководящего состава.

Тренинг, проводимый в организации, должен предполагать, что на рассмотрение участников выносятся разнообразные составляющие кросс-культурного общения, предопределяющие наличие проблемы выбора того или иного варианта идентификации поведенческого стиля у представителя других национальностей. В качестве главной задачи для участника тренингового мероприятия следует определить нахождение такого способа устранения заявленной проблемы, применение которого полностью отвечало бы данной социокультуре. Такая кросс-культурная задача должна предполагать наличие заранее подготовленного ситуационного материала, при ознакомлении с которым слушатели были бы способны выбрать верные ответы, демонстрирующие значимость межкультурных различий, и обосновать свой выбор.

По мнению авторов статьи, применение вышеназванных тренинговых форм, а также обращение к культурным ассимиляторам будет благоприятствовать развитию у персонала многонациональных организаций необходимых трудовых функций, равно как и интеграционным процессам, при вхождении их в организационную среду путем контактов с представителями руководства и коллектива в целом. При прохождении заключительного этапа участник тренингового мероприятия сможет дать самооценку того, что было достигнуто им по итогам обучения, насколько значимым изменениям подвергся его стиль работы и стиль остальных участников.

Дж. Блэк и М. Менденхелл выделили следующие итоги возможных кросс-культурных тренингов: приобретение знаний в области культуры (формирование представлений о культурных ценностных установках, о существенных или даже знаковых для другой культуры событиях исторического, политического и культурного характера и т.д.), становление процессов, направленных на адаптацию к иной культуре, приобретение навыков работы с представителями иных культур, оценка их положительных сторон [11, с. 1131].

Тренинговое обучение в части когнитивно-поведенческих модификаций должно формировать способность к адаптации к новой культурной среде

посредством глубокого ознакомления обучаемого с ее разносторонними проявлениями в ходе генерации идей на предмет решения проблемных ситуаций иной культуры.

Тренинги эмпирической направленности должны предлагать ознакомление с особенностями других культур за счет «погружения» в них либо построение имитационных сред.

В ходе тренинга взаимодействия следует акцентировать работу обучаемых на общении с представителями иностранных государств или же с теми из сотрудников, которые работали в стране изучаемой культурной среды.

Что касается эмпатии, толерантности, уважения к религиозным, этнонациональным и прочим принадлежностям людей, свободы убеждений, то они провозглашаются и регламентируются в нормативно-правовых актах, принятых в большинстве организаций международного уровня. Однако условием неукоснительной реализации данных принципов является грамотное управление поведенческими установками, взглядами, действиями значительного количества людей, т.е. развитие культуры межнационального общения.

Полагаем, что теория и практика, закрепленная в рекомендуемых авторами статьи тренинговых формах обучения, позволит грамотно и эффективно развивать человеческий капитал субъектов хозяйствования, функционирующих в глобальной интернациональной среде, а также окажет положительное воздействие на деловое общение у представителей страны – выходцев из различных регионов и социокультурных сред.

Библиографический список

1. **Синявин, В. Ю.** Проблемы повышения эффективного использования человеческого капитала как фактора устойчивого развития / В. Ю. Синявин, И. А. Пятайкина, В. М. Володин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 157–166.
2. **Карагодин, С. С.** Социальная ответственность и корпоративное взаимодействие / С. С. Карагодин, А. Н. Шмидт // Человеческий капитал. – 2017. – № 10 (58). – С. 37–39.
3. **Дихтярь, А. Б.** Организационно-методические аспекты управления персоналом в многонациональной организации : дис. ... канд. экон. наук / Дихтярь А. Б. – Москва : Государственный ун-т управления, 2014. – 243 с.
4. **Назаренко, М. А.** Изменение организационной культуры вузов при переходе на ФГОС ВПО / М. А. Назаренко, Т. А. Алябьева, С. Ф. Дзюба, А. Б. Корешкова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 7. – С. 14–21.
5. **Сидорина, Т. В.** Особенности в управлении персоналом интернационального предприятия / Т. В. Сидорина // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2017. – № 7. – С. 140, 141.
6. **Глухенькая, Н. М.** Обучение персонала организации: системный подход / Н. М. Глухенькая, Е. А. Сац // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – 2016. – № 47. – 65–68.
7. **Ротанова, М. Б.** Тенденции корпоративного обучения в контексте образовательных парадигм / М. Б. Ротанова // Вестник НГТУ имени Р. Е. Алексеева. – 2018. – № 1. – С. 75–82.
8. **Алдакаева, Н. Г.** Корпоративное обучение как одна из форм методической работы / Н. Г. Алдакаева // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2019. – № 6. – С. 43, 44.

9. **Кожевина, О. В.** Внутрифирменное обучение как инструмент повышения эффективности системы в корпорациях отраслей промышленности / О. В. Кожевина, Л. В. Передних // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 9. – С. 353–357.
10. **Кузнецов, В. В.** Корпоративное образование : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Кузнецов. – Екатеринбург : Изд-во Российского государственного профессионально-педагогического ун-та, 2017. – 227 с.
11. **Black, J. S.** Cross-culture training effectiveness: a review and theoretical framework for future research / J. S. Black, M. Mendenhall // *Academy of Management Review*. – 1990. – № 15. – P. 1131–1136.

References

1. Sinyavin V. Yu., Pitaykina I. A., Volodin V. M. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2017, no. 1 (41), pp. 157–166. [In Russian]
2. Karagodin S. S., Shmidt A. N. *Chelovecheskiy capital* [Human capital]. 2017, no. 10 (58), pp. 37–39. [In Russian]
3. Dikhtyar' A. B. *Organizatsionno-metodicheskie aspekty upravleniya personalom v mnogonatsional'noy organizatsii: dis. kand. ekon. nauk* [Organizational and methodological aspects of personnel management in a multinational organization: dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Moscow: Gosudarstvennyy un-t upravleniya, 2014, 243 p. [In Russian]
4. Nazarenko M. A., Alyab'eva T. A., Dzyuba S. F., Koreshkova A. B. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International journal of general and fundamental researches]. 2016, no. 7, pp. 14–21. [In Russian]
5. Sidorina T. V. *Sborniki konferentsiy NITs «Sotsiosfera»* [Proceedings of the conferences of the Research Center “Sociosphere”]. 2017, no. 7, pp. 140, 141. [In Russian]
6. Glukhen'kaya N. M., Sats E. A. *Sborniki konferentsiy NITs «Sotsiosfera»* [Proceedings of the conferences of the Research Center “Sociosphere”]. 2016, no. 47, pp. 65–68. [In Russian]
7. Rotanova M. B. *Vestnik NGTU imeni R. E. Alekseeva* [Bulletin of Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev]. 2018, no. 1, pp. 75–82. [In Russian]
8. Aldakaeva N. G. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment* [Municipal formation: innovation and experiment]. 2019, no. 6, pp. 43, 44. [In Russian]
9. Kozhevina O. V., Perednikh L. V. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental researches]. 2016, no. 9, pp. 353–357. [In Russian]
10. Kuznetsov V. V. *Korporativnoe obrazovanie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Corporate education: universities textbook]. Ekaterinburg: Izd-vo Rossiyskogo gosudarstvennogo professional'no-pedagogicheskogo un-ta, 2017, 227 p. [In Russian]
11. Black J. S., Mendenhall M. *Academy of Management Review*. 1990, no. 15, pp. 1131–1136.

Синявин Владимир Юрьевич

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vladimir.siniavin@mail.ru

Sinyavin Vladimir Yur'evich

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of management
and economic security, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Скворцова Валентина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор,
кафедра экономической теории
и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: va_skvortsova@mail.ru

Skvortsova Valentina Alekseevna

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of economic theory and
international relations, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Тактарова Светлана Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой менеджмента
и экономической безопасности,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: kaf_eop@rambler.ru

Taktarova Svetlana Viktorovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, head of the sub-department
of management and economic security,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Образец цитирования:

Синявин, В. Ю. Инвестиции в человеческий капитал многонациональной организации / В. Ю. Синявин, В. А. Скворцова, С. В. Тактарова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 109–116. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-11.

ОЦЕНКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация.

Актуальность и цели. В Российской Федерации сохраняется высокий уровень социально-экономической дифференциации между регионами, что порождает риски формирования устойчивых депрессивных территорий внутри страны и требует проведения адекватной политики. Целью настоящего исследования является выявление тенденций социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа (ПФО) за 2010–2019 гг.

Материалы и методы. Для анализа уровня социально-экономической дифференциации регионов были использованы коэффициенты дифференциации и вариации. Данные для анализа были взяты из статистических сборников Росстата за 2010–2019 гг.

Результаты. На основе группы выбранных показателей проведен сравнительный анализ состояния и динамики развития субъектов ПФО, в том числе валового регионального продукта (ВРП), ожидаемой продолжительности жизни при рождении, суммарного коэффициента рождаемости и др. По каждому показателю был подсчитан коэффициент вариации и дифференциации.

Выводы. Анализ показал, что, несмотря на сохранение между регионами глубоких различий в уровнях развития, в ПФО происходит постепенное снижение уровня дифференциации. По состоянию на 2019 г. субъекты ПФО можно разделить на две группы (два кластера). Определены проблемы регионального развития округа в целом и предложены меры государственной политики по преодолению региональной дифференциации.

Ключевые слова: региональная экономика, региональная дифференциация, Приволжский федеральный округ, развитие регионов, проблемы регионального развития.

А. Е. Лапин, Я. А. Лапин

ASSESSMENT OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT'S LEVEL IN REGIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Abstract.

Background. In the Russian Federation, a high level of socio-economic differentiation between regions remains, which generates risks of the formation of stable depressed territories within the country and requires an adequate policy. The purpose of this work is to identify trends in the socio-economic development of the regions of the Volga Federal District for 2010–2019.

Materials and methods. To analyze the level of socio-economic regional differentiation, differentiation and variation coefficients were used. The data for analysis were taken from the statistical collections of Rosstat for 2010–2019.

Results. Based on the group of selected indicators, a comparative analysis of the state and development dynamics of the Volga Federal District subjects was carried out, including: gross regional product (GRP), life expectancy at birth, total fertility rate, etc. For each indicator, the coefficient of variation was calculated and differentiation.

Conclusions. The analysis showed that, despite the deep differences between the development levels in regions, a gradual decrease in the level of differentiation occurs in the Volga Federal District. As of 2019, the subjects of the Volga Federal District can be divided into two groups (clusters). The problems of the district's regional development as a whole are identified and state policy measures to overcome regional differentiation are proposed.

Keywords: regional economy, regional differentiation, Volga Federal District, regional development, problems of regional development.

Введение

Неоднородность экономического пространства РФ, территориального распределения населения, различная инфраструктурная обеспеченность, значительная дифференциация денежных доходов и большинства социальных и макроэкономических показателей оказывает значительное влияние на структуру и эффективность национальной экономики. Поэтому сейчас, в условиях экономического кризиса, анализ уровней социально-экономического развития регионов приобрел первостепенное значение [1].

Анализ тенденций в социально-экономическом положении регионов необходим для понимания протекающих в регионах процессов, а также непосредственно влияющих на них факторов. С его помощью можно своевременно выявить проблемы в развитии регионов, оценить возможные последствия и выбрать оптимальные меры воздействия [2].

Материалы и методы

Для анализа уровня социально-экономического развития регионов ПФО были использованы следующие показатели [3]:

- распределение населения ПФО по регионам;
- коэффициент общего прироста населения;
- суммарный коэффициент рождаемости (СКР);
- коэффициент миграционного прироста;
- валовой региональный продукт;
- объем розничного товарооборота;
- среднедушевые денежные доходы населения;
- сальдированный финансовый результат предприятий (организаций);
- коэффициент жизненности (индекс Покровского – Пирла);
- ожидаемая продолжительность жизни;
- соотношение браков и разводов;
- коэффициент вариации.

Результаты и обсуждение

Распределение населения округа. В 2010 г. регионами-лидерами по количеству проживавшего в них населения являлись Республика Башкортостан

стан (13 %), Республика Татарстан (12 %) и Нижегородская область (11 %). Регионами с наименьшими долями населения были Республика Марий Эл (2 %), Республика Мордовия (3 %) и Чувашская Республика (4 %) (рис. 1).

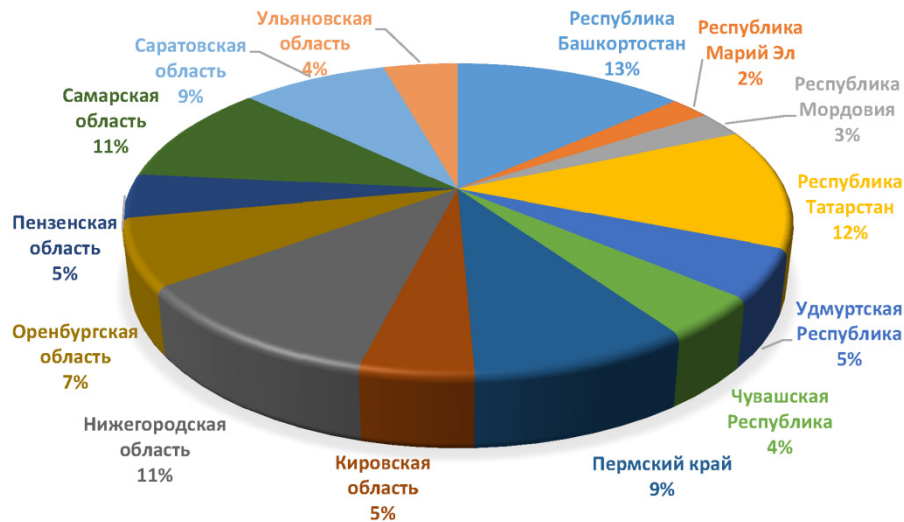

Рис. 1. Распределение населения по субъектам Приволжского федерального округа на 1 января 2010 г.

В 2018 г. наибольшее количество населения сосредоточилось в Республике Башкортостан (14 %), Республике Татарстан (13 %) и Самарской области (11 %). Регионы с наименьшей численностью – Республика Марий Эл (2 %), Республика Мордовия (3 %) и Кировская область (4 %) (рис. 2).

Рис. 2. Распределение населения по субъектам Приволжского федерального округа на 1 января 2018 г.

За прошедшие годы распределение населения по субъектам ПФО поменялось незначительно: так, с одной стороны, уменьшилась доля Саратов-

ской (с 9 до 8 %), Кировской области (с 5 до 4 %), с другой – выросла доля Республики Башкортостан (с 13 до 14 %) и Республики Татарстан (с 12 до 13 %). Это позволяет нам говорить о том, что численность населения большинства регионов округа сокращается более или менее равномерно. Вместе с тем показатель дифференциации¹ увеличился с 6,5 до 7, а коэффициент вариации² распределения населения по субъектам ПФО увеличился с 49,7 до 52,1, что указывает на продолжающиеся процессы концентрации человеческих ресурсов в наиболее экономически развитых регионах округа, в то время как территории-аутсайдеры их теряют.

Коэффициент общего прироста населения. Для более подробного анализа динамики изменения численности населения регионов воспользуемся коэффициентом общего прироста населения. Этот показатель позволяет достаточно точно судить о происходящих изменениях в численности населения регионов, характере протекающих в них демографических (и социально-экономических) процессов и служит интегральным индикатором привлекательности (уровня развития) территории.

По данным проведенного анализа, за последние 8 лет в большинстве субъектов округа произошел отток населения. По динамике изменения численности населения лидируют Республика Татарстан (+3,45 %), Саратовская область (+0,37 %) (табл. 1). Худшими по этому показателю являются Кировская (–9,21 %), Оренбургская (–7,03 %) и Саратовская область (–5,13 %).

Таблица 1

Темпы прироста населения по субъектам
Приволжского федерального округа в 2010–2018 гг., в процентах

Субъект Приволжского федерального округа	Темпы прироста
1. Республика Татарстан	+3,45
2. Саратовская область	+0,37
3. Республика Башкортостан	–0,16
4. Удмуртская Республика	–1,38
5. Республика Марий Эл	–2,8
6. Пермский край	–3,6
7. Оренбургская область	–3,78
8. Чувашская Республика	–4,38
9. Республика Мордовия	–4,5
10. Самарская область	–4,5
11. Ульяновская область	–5,1
12. Пензенская область	–7
13. Нижегородская область	–9,2
14. Кировская область	–9,21

Таким образом, из 14 субъектов ПФО в 2010-х гг. увеличили свое население только 2 региона (в Саратовской области показатель почти не изменился), в остальных произошло снижение, причем в половине от 4 до 9 %.

¹ Выражается соотношением максимального и минимального значений показателей.

² Выражается соотношением среднеквадратичного отклонения к среднему значению.

Миграционный прирост. Для оценки динамики миграционных процессов в ПФО был выбран коэффициент миграционного прироста населения, который исчисляется как соотношение миграционного прироста к среднегодовой численности постоянного населения¹.

В 2010 г. наибольший миграционный прирост фиксировался в Самарской (+19), Нижегородской области (+11), Республике Татарстан (+10). Наибольший отток населения был зафиксирован в Кировской (–54), Оренбургской области (–47) и в Пермском крае (–46).

В 2018 г. положительное значение миграционного прироста населения сохранилось у Республики Татарстан (+7), остальные субъекты ПФО характеризовались заметной потерей населения. Максимальное значение миграционной убыли отмечалось в Республике Мордовия (–64), Оренбургской (–52) и Пензенской области (–44). На рис. 3 из общего тренда выделяются показатели Мордовии, что объясняется активизацией притока рабочей силы в регион в связи со строительством инфраструктуры для проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г. По мере завершения строительства регион вернулся в группу субъектов ПФО, непривлекательных для иммиграции.

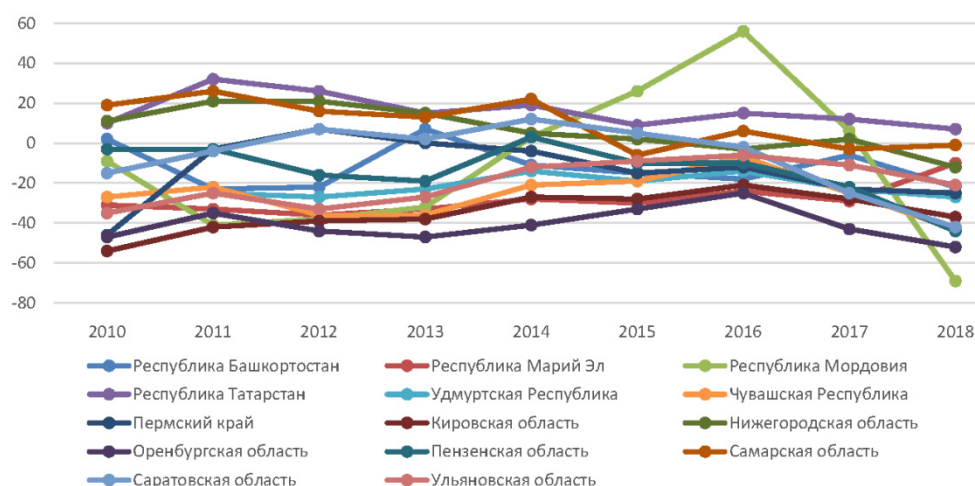

Рис. 3. Коэффициент миграционного прироста, сальдо миграции на одного жителя региона

Показатель дифференциации регионов сократился с 73 до 55, коэффициент вариации показателя миграционного прироста уменьшился с 124,2 до 70,6. На протяжении 2010–2018 гг. в большинстве регионов наблюдался массовый отток населения. Единственным регионом, в котором на протяжении всего периода сохраняется устойчивый постоянный приток мигрантов, является Республика Татарстан, что объясняется растущей концентрацией финансовых потоков, бизнеса, инвестиций, что в свою очередь усиливает экономико-политическое значение этой территории в округе, на которую в 2018 г. уже приходилось около 20 % ВРП ПФО.

Пик увеличения притока мигрантов в регионы ПФО пришелся на 2014 г., начиная с которого началось снижение данного показателя (за исключением

¹ В расчете на 10 000 постоянного населения.

Республики Мордовия). По мнению авторов статьи, данная тенденция непосредственно связана с кризисом 2015–2016 гг., последующей стагнацией экономики, заметным падением уровня жизни в регионах, что фактически привело ко второй волне «исхода» из Поволжья. Изменившиеся условия вынудили людей активизировать поиски более высокооплачиваемой и стабильной работы, что в итоге и сформировало массовый отток населения из ПФО в Москву и Санкт-Петербург, куда направилось около 70 % мигрантов.

Валовой региональный продукт. Несмотря на имеющиеся недостатки, этот показатель является важнейшим макроэкономическим индикатором, который используется для характеристики результатов производства в регионе, оценки уровня экономического развития, темпов экономического роста и анализа производительности труда.

В 2010 г. наибольшие доли в ВРП ПФО составляли Республика Татарстан (17 %), Республика Башкортостан (14 %) и Самарская область (13 %). Аутсайдерами по этому показателю были Республики Марий Эл (1 %) и Мордовия (2 %), а также Кировская область (3 %) (рис. 4).

Рис. 4. Доля субъектов Приволжского федерального округа в валовом региональном продукте на 2010 г.

В 2017 г. эти субъекты сохраняют лидерство: Республика Татарстан (19 %), Республика Башкортостан (13 %), Самарская область (12 %). Худшие результаты по этому показателю продемонстрировали Республика Марий Эл (2 %), Республика Мордовия (2 %) и Чувашская Республика (2 %). Показатель дифференциации снизился с 13,7 до 12,5, коэффициент вариации доли субъекта в региональном ВРП практически остался без изменений на уровне 71,9–72 (рис. 5).

В настоящее время регионы-лидеры в суммарном объеме ВРП составляют почти половину суммарного показателя Приволжского федерального округа. Это свидетельствует о том, что между регионами сохраняются существенные различия в развитии различных видов экономической деятельности и, как следствие, в ее конкурентоспособности, продажах на внешнем и внут-

реннем рынках и структуре валовой добавленной стоимости. Структура ВРП округа за минувшее десятилетие изменилась: выросла доля Республики Татарстан (с 17 до 19 %) и Республики Марий Эл (с 1 до 2 %), уменьшились доли Республики Башкортостан (с 14 до 13 %), Самарской (с 13 до 12 %) и Оренбургской области (с 9 до 7 %). Подобные изменения свидетельствуют о следующем:

– во-первых, Республика Татарстан последовательно наращивает свой экономический потенциал¹ (в том числе за счет соседних субъектов), реализуя более эффективную политику взаимодействия с федеральным центром, усиления внутренних конкурентных преимуществ, концентрируя реализацию крупных проектов и инициатив на своей территории;

– во-вторых, все более отчетливо проявляется территориальное «расщепление» власти: административная компонента сосредоточена в Нижегородской области, в то время как экономическая – в Республике Татарстан;

– в-третьих, Самарская область и Республика Башкортостан, в 1990-е гг. претендовавшие на статус неформальной экономической столицы Поволжья, к настоящему времени все более отстают от Татарстана и теряют ранее накопленные преимущества, что отражается, в том числе, в закреплении миграционных потерь;

– в-четвертых, жизнь показала, что для регионов-аутсайдеров не все потеряно: так, успехи Республики Марий Эл обязаны развитием на своей территории предприятий военно-промышленного комплекса (ВПК), лесопереработки и отдельных технологичных отраслей обрабатывающей промышленности.

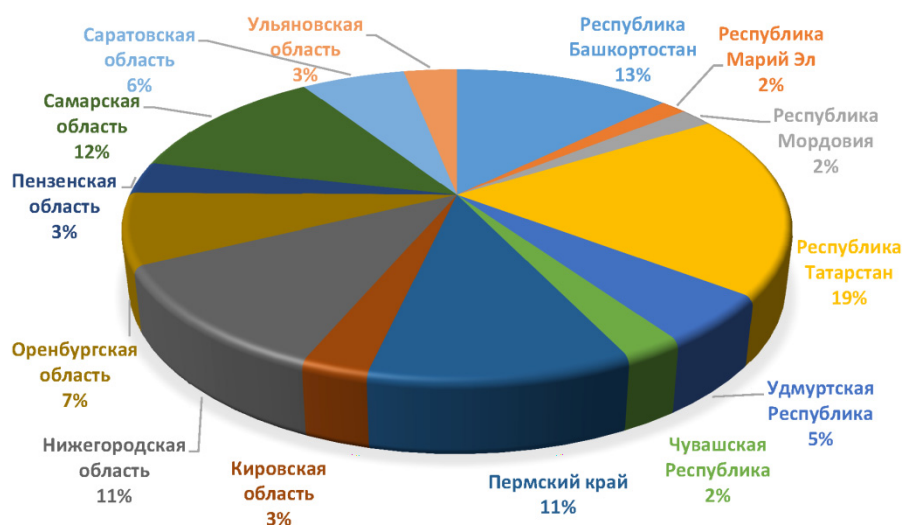

Рис. 5. Доля субъектов Приволжского федерального округа в валовом региональном продукте на 2017 г.

¹ И, соответственно, политическое влияние, также конвертирующееся в рост экономики. Например, в 2016–2019 гг. в Татарстане был создан учебно-методический центр повышения квалификации работников прокуратуры всех субъектов ПФО; были переданы управляющие функции ОФК Минфина России в субъектах ПФО; созданы территориальные управления ПАО «Сбербанк России», ПАО «РЖД» и т.п. Об этом же говорят данные табл. 2.

Среднедушевые денежные доходы. Для анализа уровня жизни населения был выбран показатель среднедушевых доходов, который исчисляется как отношение общей суммы денежных доходов населения за год (или текущий период) к среднегодовой численности населения. Доходы домохозяйств оказывают непосредственное влияние на структуру потребления и его объем, формирование занятости, на экономическую и политическую стабильность в регионах.

В 2010 г. самый высокий по региону уровень среднедушевых доходов населения (рис. 6) был у Самарской области (20 тыс. руб.), Пермского края (19 тыс. руб.) и Республики Татарстан (18 тыс. руб.). Аутсайдерами являлись Республика Марий Эл (10 тыс. руб.), Чувашская Республика (10,8 тыс. руб.), Республика Мордовия (11 тыс. руб.).

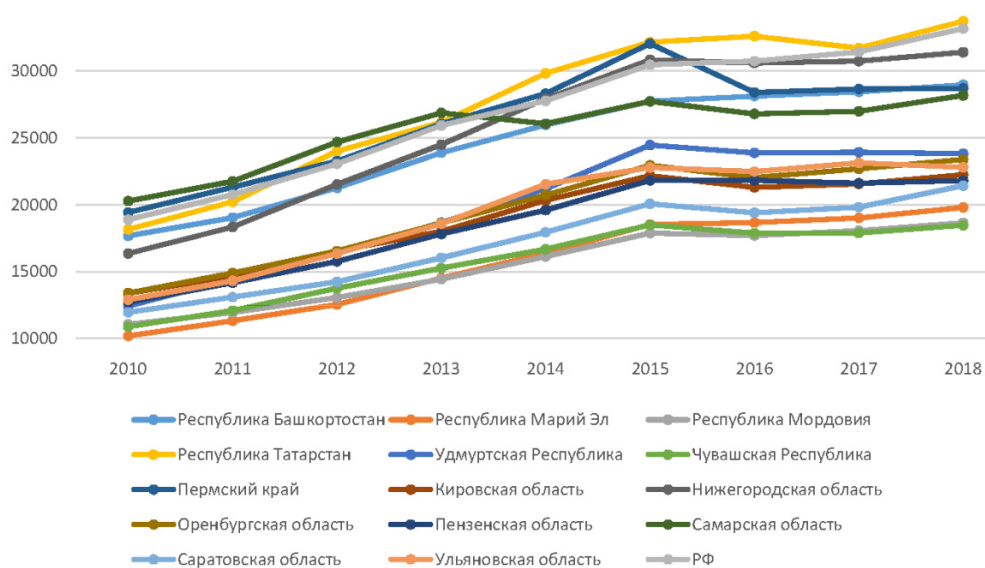

Рис. 6. Среднедушевые доходы субъектов Приволжского федерального округа, руб.

На 2018 г. по этому показателю лидерами являлись Республика Татарстан (33,7 тыс. руб.), заметно улучшившая свои позиции, Нижегородская область (31,4 тыс. руб.) и Республика Башкортостан (29 тыс. руб.). Субъекты округа с наименьшими среднедушевыми доходами на 2018 г.: Чувашская Республика (18,5 тыс. руб.), Республика Мордовия (18,7 тыс. руб.) и Республика Марий Эл (19,8 тыс. руб.).

Проведенный анализ показал, что в подавляющем количестве субъектов ПФО среднедушевые доходы населения ниже, чем в среднем по стране. Негативной тенденцией является то, что за прошедшие 8 лет число регионов, в которых среднедушевые доходы населения больше или равны общероссийскому уровню, не только не увеличилось, но и сократилось вдвое (с двух до одного, табл. 2). С 2010 по 2015 г. среднедушевые доходы во всех регионах уверенно росли, однако с 2015 г. рост значительно замедлился из-за стагнации российской экономики. Анализ динамики реальных среднедушевых доходов населения по регионам показывает снижение уровня дифференциации по этому показателю с 2 до 1,8. Падение среднедушевых доходов является

негативным фактором, поскольку ограничивает платежеспособный спрос, снижает инвестиционную и миграционную привлекательность, способствует оттоку из ПФО высококвалифицированных специалистов, что ухудшает возможности самостоятельного повышения конкурентоспособности местной экономики. Перспективы изменения в 2020 г. крайне удручающие в связи с влиянием пандемии коронавируса, обвалом нефтяных цен, ослаблением рубля, сжатием фондового рынка, закрытием предприятий, падением оборота и другими кризисными проявлениями.

Таблица 2

Среднедушевые доходы в субъектах Приволжского федерального округа
(относительно среднего показателя по Российской Федерации,
ранжировано применительно к 2018 г.)

Субъект Приволжского федерального округа	В процентах к уровню среднедушевых доходов в РФ в 2010 г.	В процентах к уровню среднедушевых доходов в РФ в 2018 г
Республика Татарстан	96,17	101,65
Нижегородская область	86,64	94,67
Республика Башкортостан	93,62	87,3
Пермский край	102,87	86,5
Самарская область	107,4	84,9
Удмуртская Республика	65,8	71,8
Оренбургская область	70,96	70,48
Ульяновская область	68,35	68,7
Кировская область	70,89	67,1
Пензенская область	67,26	65,7
Саратовская область	63,35	64,57
Республика Марий Эл	54	59,68
Республика Мордовия	58,55	56,2
Чувашская Республика	57,65	55,65

Коэффициент вариации среднедушевых доходов населения снизился с 22,97 до 19,7, что, по всей видимости, отражает формирование единого окружного рынка труда и распространение лучших бизнес-практик по всей территории, унифицируя доходы предпринимателей.

В табл. 2 представлена динамика относительного уровня среднедушевых доходов населения в ПФО. Кроме Татарстана к регионам, сократившим разрыв, относятся Нижегородская область, Удмуртская Республика, Ульяновская и Саратовская область.

Сальдированный финансовый результат. Для оценки состояния бизнеса в регионах был выбран показатель сальдированного финансового результата. Он является конечным финансовым итогом деятельности организаций и представляет собой сумму прибыли организации от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг за вычетом убытков.

В 2010 г. лидерами по этому показателю стали Республика Татарстан (20 %), Республика Башкортостан (19 %), Пермский край (19 %). Регионы-

аутсайдеры – Республика Марий Эл, Республика Мордовия и Пензенская область, у которых прибыли и убытки оказались примерно равными (рис. 7).

Рис. 7. Доля субъектов Приволжского федерального округа в региональном показателе сальдированного финансового результата на 2010 г.

В 2018 г. регионами-лидерами по доле в сальдированном финансовом результате региона были Республика Татарстан (27 %), Самарская область (19 %), Республика Башкортостан (15 %). На Татарстан пришлось более 1/4 общего результата ПФО, что свидетельствует о высоком уровне развития местной промышленности и конкурентоспособности экономики этого субъекта РФ. Наихудшие результаты были зафиксированы у Чувашской Республики (–6 %), Республики Мордовия (0 %) и Марий Эл (0 %), что существенно ограничивает их возможности развития за счет внутренних источников финансирования (рис. 8).

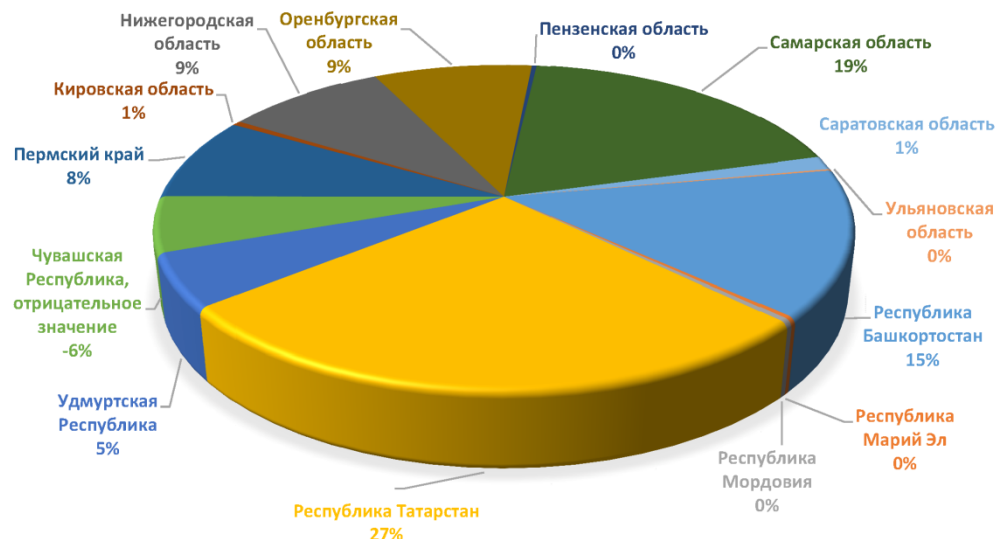

Рис. 8. Доля субъектов Приволжского федерального округа в региональном показателе сальдированного финансового результата на 2018 г.

Коэффициент вариации доли субъектов ПФО в сальдированном финансовом результате увеличился с 103,1 до 134, что может быть интерпретировано как один из признаков растущей дифференциации субъектов ПФО, отражающей различную экономическую динамику и изменения конкурентоспособности территорий.

Положение бизнеса в ПФО в настоящее время значительно ухудшилось на фоне сокращения численности населения регионов, его старения и падения реальных денежных доходов. Данные рис. 9 свидетельствуют о том, что наиболее тяжелая ситуация наблюдается в Чувашской Республике, где, как указывалось ранее, этот показатель «ушел» в отрицательную зону и составил –6 %. Это в свою очередь не способствует привлечению в регион инвесторов и развитию новых отраслей производства. Чтобы окупить растущие затраты и потенциальные риски, предприниматели будут стремиться перевести свой бизнес в регионы с более высоким уровнем развития и расширяющимся платежеспособным спросом.

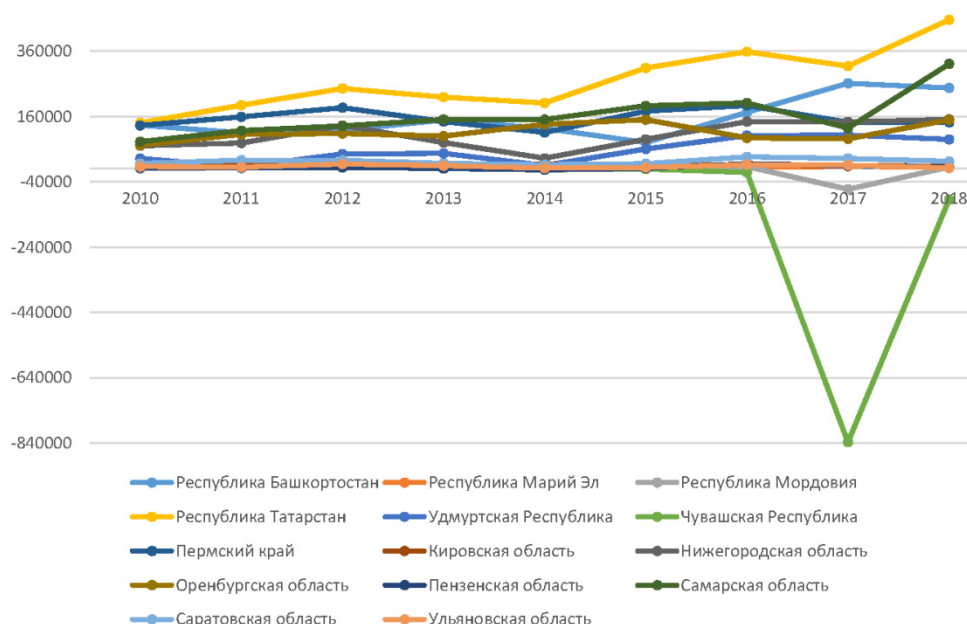

Рис. 9. Сальдированный финансовый результат по субъектам Приволжского федерального округа за 2010–2018 гг., млн руб.

Объем розничной торговли. Для оценки уровня экономического развития и качества жизни населения был выбран показатель объема розничной торговли на душу населения, характеризующий потребление домохозяйствами конечных товаров и услуг. Общий объем розничного товарооборота во всех каналах реализации складывается из объема торговых предприятий (сетей) и объема продажи товаров населению на вещевых, смешанных и продовольственных рынках.

В 2010 г. по этому показателю наибольшее значение отмечалось у Самарской области (133,6 тыс. руб. на душу населения), Республики Башкортостан (126 тыс. руб. на душу населения) и Республики Татарстан (120,6 тыс. руб. на душу населения). Наихудшие результаты сложились у Республики Мордо-

вия (58,1 тыс. руб. на душу населения), Республики Марий Эл (62,3 тыс. руб. на душу населения) и Чувашской Республики (64,3 тыс. руб. на душу населения) (рис. 10).

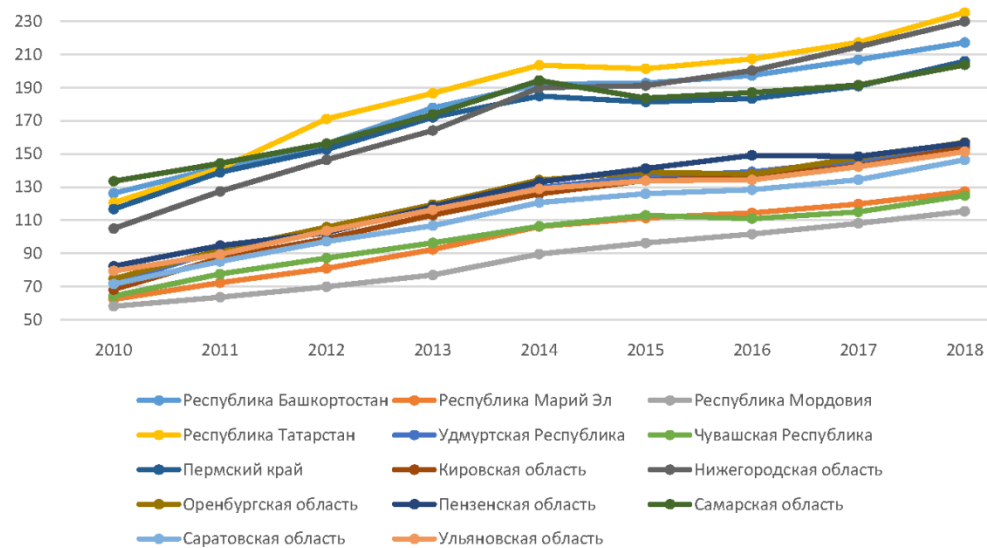

Рис. 10. Объем розничной торговли на душу населения, тыс. руб.

По состоянию на 2018 г. лидируют Республика Татарстан (235,2 тыс. руб. на душу населения), Нижегородская область (229,9 тыс. руб. на душу населения), Республика Башкортостан (217,1 тыс. руб. на душу населения). Аутсайдерами остались те же регионы, что и 8 годами раньше: Республика Мордовия (115,4 тыс. руб. на душу населения), Чувашская Республика (127,3 тыс. руб. на душу населения) и Республика Марий Эл (119,8 тыс. руб. на душу населения) (см. рис. 10). Показатель дифференциации снизился с 2,3 до 2. Коэффициент вариации субъектов по показателю объема розничной торговли на душу населения уменьшился с 28,78 до 22,8, что свидетельствует о взаимопроникновении продукции и бизнеса субъектов ПФО (прежде всего наиболее крупных) на рынки других регионов.

Как можно видеть из приведенных выше данных, за прошедшие 8 лет общий объем потребления в регионах ПФО значительно вырос, однако в последние годы рост несколько замедлился в связи с падением уровня доходов населения. Также на приведенном графике отчетливо видно разделение регионов по уровню потребления на два кластера. Значение показателя дифференциации сильно увеличилось с 75,5 до 109,1, что также указывает на усиление рыночной дифференциации между регионами. Фактически можно утверждать, что к концу 2010-х гг. в ПФО сложились две модели потребления на региональном уровне.

Суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Для оценки воспроизводства населения регионов выбран суммарный коэффициент рождаемости, который показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (т.е. от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вы-

числяется показатель¹. Его величина не зависит от возрастной структуры населения и характеризует интенсивность рождаемости в данном календарном периоде. С точки зрения оценки сложившейся демографической ситуации он является весьма показательным, так как характеризует глубину демографического кризиса² в регионе и свидетельствует о степени сложности его преодоления.

В 2010 г. лучшие показатели СКР наблюдались у Оренбургской области (1,796), Удмуртской Республики (1,778) и Республики Башкортостан (1,771); худшие – у Республики Мордовия (1,241), Пензенской области (1,373) и Саратовской области (1,398).

В 2018 г. по этому показателю тройка лидеров распределилась следующим образом: лучшие результаты наблюдались у Оренбургской области (1,7), Пермского края (1,67) и Республики Башкортостан (1,65); худшие – у Республики Мордовия (1,25), Пензенской области (1,35), Саратовской области (1,36).

И в 2010, и в 2018 г. даже у субъектов ПФО, характеризовавшихся наибольшими значениями СКР, он был далек от режима простого воспроизводства, и отмечалась тенденция к его понижению, что указывает на необходимость проведения активной пронаталистской политики не только в отдельных регионах, но и на уровне всего округа. В противном случае негативные демографические процессы рано или поздно остановят любую социально-экономическую динамику, которая в настоящее время еще не вызывает опасений.

Коэффициент вариации субъектов по показателю СКР уменьшился с 11,1 до 8,6, что указывает на активное распространение малодетности по всем регионам округа.

Проведенный анализ показал, что за прошедшие 8 лет ни одному из регионов-аутсайдеров не удалось улучшить свои позиции по данному показателю. Это свидетельствует о неэффективности проводимых регионами мер демографической политики. Анализ данных, представленных на рис. 11, показал, что значение СКР регионов округа росло до 2015 г., начиная с которого снова стало падать. Кроме того, для большинства субъектов традиционные меры стимулирования рождаемости (пособия по беременности и родам, другие выплаты многодетным семьям) в сложившейся ситуации уже не могут заметно повлиять на воспроизводство населения, так как срабатывают многочисленные «тормоза»: привыкание к реализуемым мерам (прежде всего материнскому капиталу); увеличение доли лиц старших возрастов, в том числе увеличение среднего возраста вступления в брак и рождения первого ребенка; распространение гражданских браков; падение реальных доходов и др.

Ожидаемая продолжительности жизни при рождении (ОПЖ). Для оценки уровня смертности (и, косвенно, уровня жизни) в регионах ПФО был выбран показатель ожидаемой продолжительности жизни. Он отражает

¹ То есть для условного, а не реального поколения.

² Степень проявления демографического кризиса может быть оценена через соотношение $\frac{СКР_{факт}}{СКР_{крит}}$, где $СКР_{крит} = 2,12$.

число лет, которое в среднем предстояло бы прожить одному человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен показатель¹.

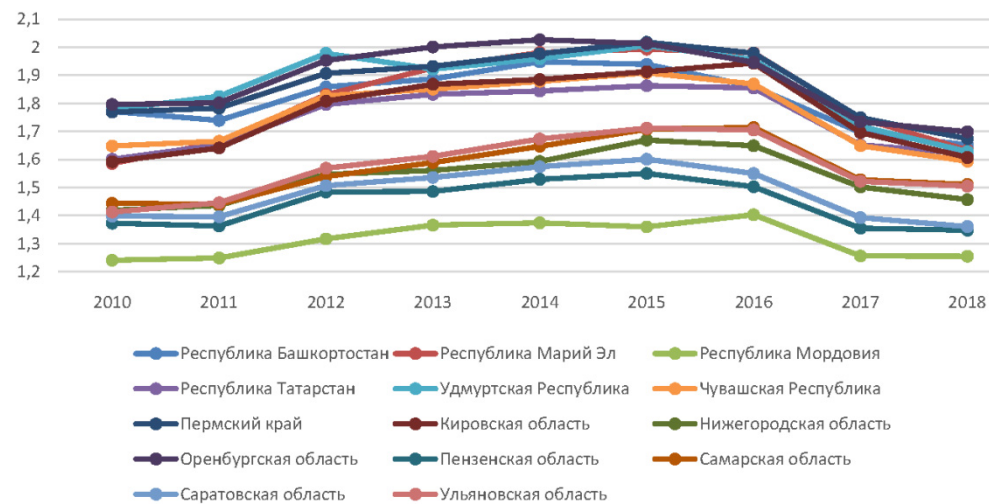

Рис. 11. Суммарный коэффициент рождаемости

По ОПЖ в 2010 г. лидировали Республика Татарстан (70,42 года), Пензенская область (69,28 года) и Республика Мордовия (69,25 года). Наименьшие значения регистрировались в Пермском крае (66,57 года), Нижегородской области (67,01 года), Республике Марий Эл (67,34 года) (рис. 12).

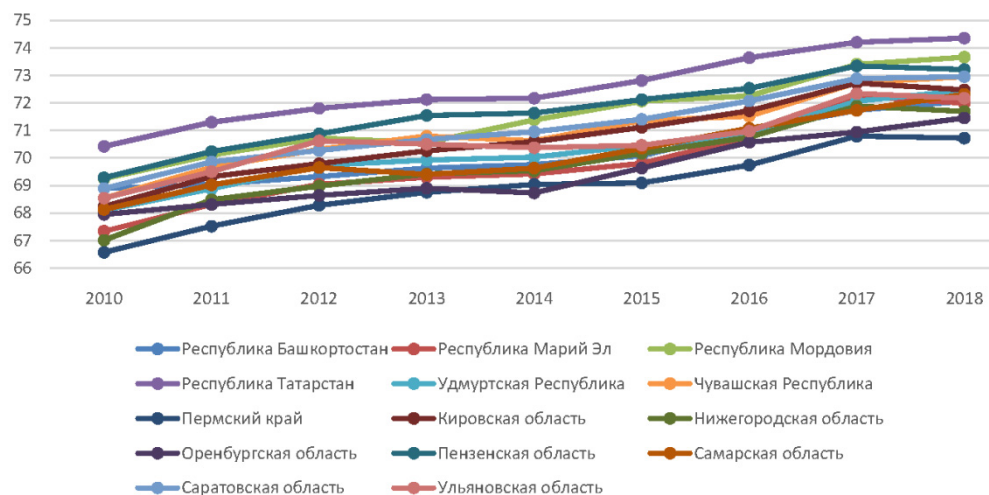

Рис. 12. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

В 2018 г. лучшие регионы сохранили свое преимущество: Республика Татарстан (74,4 года), Республика Мордовия (73,7 года) и Пензенская область

¹ То есть для условного, а не реального поколения.

(73,2 года). Минимальная ОПЖ фиксировалась у Пермского края (70,2 года), Оренбургской области (71,5 года), Нижегородской области (71,7 года) (см. рис. 12).

Коэффициент вариации субъектов по ожидаемой продолжительности жизни несколько уменьшился с 1,4 до 1,23. На протяжении 2010–2018 гг. показатель ожидаемой продолжительности жизни непрерывно (и волнообразно в соответствии с кризисом 2014–2016 гг., имевшим свою демографическую «цену») рос во всех субъектах ПФО, причем отстающие регионы стали ближе к тройке лидеров. Несмотря на позитивную динамику, нужно понимать, что по ОПЖ и РФ в целом, и все субъекты ПФО по международным меркам относятся к группе отстающих (по сути, слаборазвитых) стран (по данным ВОЗ РФ в 2016 г. занимала всего 103 место в мире).

Коэффициент жизненности. Для дополнительной (вспомогательной) оценки демографической ситуации в регионах выбран коэффициент жизненности, определяемый соотношением количества умерших и родившихся. Достоинством данного показателя является то, что он не зависит от состава и численности населения.

В 2010 г. наибольшие (т.е. наиболее неблагоприятные) коэффициенты сложились у Республики Мордовия (1,65), Нижегородской области (1,64), Пензенской области (1,56). Регионами с наименьшими значениями были Республика Башкортостан (0,96), Удмуртская Республика (0,98), Республика Татарстан (1,02) (рис. 13).

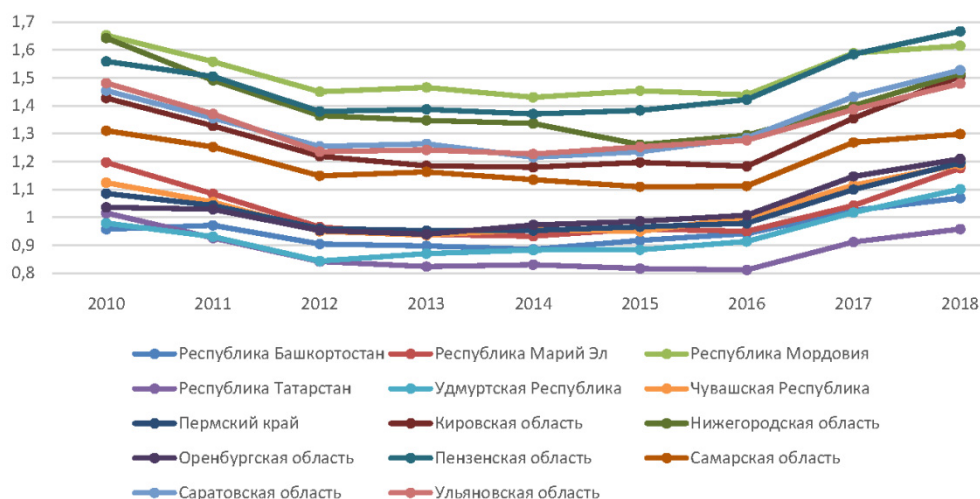

Рис. 13. Коэффициент жизненности, количество смертей на одно рождение за год

В 2018 г. тройка самых демографически тяжелых субъектов изменилась: Пензенская область (1,7), Республика Мордовия (1,6), Саратовская область (1,5), в то время как состав лидеров остался прежним: Республика Татарстан (0,96), Республика Башкортостан (1,06) и Удмуртская Республика (1,1) (см. рис. 13).

Коэффициент дифференциации остался без изменений на уровне 1,73–1,74, а вариации уменьшился с 19,1 до 16,4. Данная тенденция говорит

о распространении негативных моделей и унификации демографического поведения населения по территории всего ПФО.

В настоящее время демографическая ситуация сильно обострилась и существующий в большинстве регионов уровень рождаемости не может восполнить потери от смертности населения. Анализ рис. 13 показывает, что, несмотря на значительное снижение этого показателя за период с 2010 по 2013–2015 гг., начиная с 2016 г. он вновь стал расти. Прослеживается разделение на две группы субъектов ПФО, уровень рождаемости в которых существенно различается, что в основном и объясняет сложившиеся различия.

Коэффициент соотношения разводов к бракам. Этот показатель тоже можно отнести к вспомогательным, позволяющим с позиций института брака и семьи взглянуть на разные регионы ПФО. В демографии он имеет больше значение, поскольку позволяет в общих чертах судить о потенциальной рождаемости в регионе, так как, согласно Росстату, большинство детей ($\approx 3/4$) рождается в браке.

В 2010 г. регионами с наибольшим соотношением разводов к браку являлись Нижегородская (0,587), Пензенская (0,574), Саратовская область (0,566). Регионами с наименьшим соотношением, соответственно, были Удмуртская Республика (0,428), Республика Татарстан (0,444), Пермский край (0,459) (рис. 14).

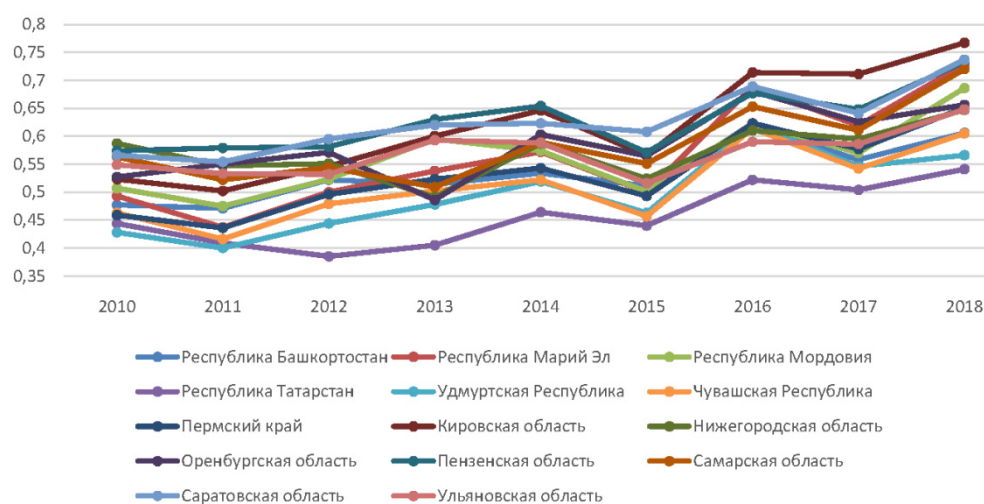

Рис. 14. Соотношение разводов и браков (количество разводов на 1000 браков)

В 2018 г. «пальма первенства» перешла к Кировской области (0,767), Саратовская (0,737) и Пензенская область (0,733) сохранили свои позиции. Регионами, показавшими наибольшую стабильность института брака, стали Республика Татарстан (0,541), Удмуртская Республика (0,566) и Чувашская Республика (0,605) (см. рис. 14).

Если в 2010 г. распадалась половина всех заключенных браков, то в 2018 г. уже две трети. Это говорит о неэффективности мер региональных властей, направленных на поддержку семьи, причем, как видно из рис. 14, за исключением 2015 г. (проявилось «тормозящее» влияние кризиса на разводы), сформировавшаяся тенденция распространяется на все субъекты ПФО.

Коэффициент дифференциации немного увеличился от 1,37 до 1,41, коэффициент вариации субъектов по соотношению разводов и браков почти не изменился (9,8–9,9).

Выводы

Анализ основных социально-экономических показателей субъектов ПФО показал, что между регионами сохраняются глубокие различия в уровнях развития, так как коэффициент вариации составляет более 20 % в 7 из 11 показателей. Тем не менее в 8 из 11 показателей наблюдается снижение коэффициента вариации, что говорит о постепенном оздоровлении ситуации. Такое снижение может быть объяснено тем, что региональные различия постепенно сглаживаются под влиянием рыночных механизмов.

По уровню развития регионы ПФО можно разделить на два кластера, которые значительно отличаются между собой по уровню социально-экономического развития. В первый, «лидирующий», кластер входят Самарская область, Пермский край, Татарстан, Нижегородская область, Республика Башкортостан. Во второй, «отстающий/догоняющий», кластер входят Ульяновская, Саратовская, Кировская, Пензенская, Оренбургская области, Удмуртия, Чувашия, Мордовия и Марий Эл.

Первый кластер объединяет в себя крупные регионы ПФО с высокими показателями денежных доходов населения по сравнению со средним значением по другим регионам ПФО. Богатая ресурсная база и развитие конкурентоспособных отраслей промышленности объясняют высокие экономические показатели регионов. Эти территории аккумулируют человеческий потенциал, а также концентрируют «ядро» квалифицированной рабочей силы ПФО. В них, в отличие от большинства регионов, наблюдается миграционный приток и общий прирост населения. Из-за более низкого уровня рождаемости рождаемость существенно выше, чем в «отстающих» регионах. Высокий уровень благосостояния населения данных регионов статистически значимо влияет на показатели продолжительности жизни и объема розничного товарооборота на душу населения. В нем проживает 60 % населения округа, приходится 2/3 ВРП и более 3/4 сальдированного финансового результата.

Второй кластер более многочисленен и объединяет в основном субъекты ПФО, традиционно получающие негативную оценку динамики и уровня социально-экономического развития. Они характеризуются преимущественным развитием аграрного сектора, преобладанием низко- и средне-технологических отраслей обрабатывающей промышленности, во многом уже растерявших свою конкурентоспособность. Так как заработная плата в большинстве регионов ПФО ниже среднего уровня по РФ¹, это приводит к увеличению оттока населения, прогрессирующей потере молодых специалистов и высококвалифицированной рабочей силы, что закрепляет, в свою очередь, статус депрессивных/слаборазвитых территорий.

Сглаживание социально-экономической дифференциации в субъектах ПФО возможно только на основе хорошо проработанной теоретически и практически государственной политики регионального развития, поскольку действие рыночного механизма усиливает преимущества группы регионов-лидеров и их отрыв от других субъектов округа. В этой связи органам госу-

¹ Не только входящих во второй кластер, но и для большинства из первого.

дарственного управления на местах необходимо разработать комплекс эффективных управленческих механизмов и инструментов, позволяющих быстро реагировать на изменяющиеся условия [4]. Основными задачами такой политики должны стать:

- повышение уровня доходов населения;
- внедрение инноваций и модернизация предприятий;
- закрепление рабочей силы в регионах ПФО;
- привлечения государственных и частных инвестиций.

Для достижения вышеперечисленных задач можно предложить следующие меры [5]:

– разработать и принять на уровне округа долгосрочные программы социально-экономического развития. Особое внимание должно быть уделено отсталым и дотационным регионам. Успешными примерами реализации подобной политики могут служить опыт Рурского региона в Германии или долины Теннесси в США;

– для контроля над процессом дифференциации необходимо внедрить на уровне ПФО систему мониторинга социально-экономического развития регионов;

– на уровне территорий следует создать систему льгот, которая будет побуждать руководство местных и региональных органов власти к активным действиям с целью их развития;

– обеспечить государственную поддержку хозяйствующих субъектов, занимающихся инвестиционной деятельностью, направленной на технологическое обновление и инновационное развитие в виде льгот и «легких» кредитов на модернизацию производства;

– переориентировать существующие инструменты федеральной политики в сфере регионального развития на конкретные типы регионов. Это позволит сформировать новые механизмы, в рамках которых конкурентоспособные субъекты ПФО не будут жаловаться на «откачку» ресурсов их роста, а менее развитые дотационные получают реальные рычаги преодоления тенденций иждивенчества;

– разработать действенную систему поддержки экспортоориентированного сектора экономики, чья продукция пользуется спросом на общероссийском и мировом рынках;

– разработать и внедрить для занятых систему льгот и надбавок за стаж (в первую очередь для высококвалифицированной рабочей силы), что поможет остановить трудовую миграцию населения в регионы с более высоким уровнем доходов.

В целом для решения задачи сокращения неоднородности экономического пространства в ПФО необходимо объединение усилий всех акторов: институтов государства, бизнеса, НКО и населения, а основными направлениями должны стать закрепление рабочей силы и модернизация предприятий региона в отраслях-драйверах.

Библиографический список

1. **Петров, С. Ю.** Условия и факторы социально-экономической дифференциации регионов России / С. Ю. Петров, С. Ф. Зярибова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – С. 440–443.

2. **Минко, И. С.** Критерии оценки потенциала развития региона / И. С. Минко // Проблемы современной экономики. – 2016. – № 1 (57). – С. 109–112.
3. **Краснокутский, П. А.** Инклюзивный подход как инструмент снижения дифференциации социально-экономического развития регионов (на примере регионов Южного федерального округа) / П. А. Краснокутский, С. С. Змияк, Н. В. Володина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2018. – № 4 (48). – С. 178–187.
4. **Рябова, С. Г.** Исследование социально-экономической дифференциации регионов Приволжского федерального округа / С. Г. Рябова, Е. В. Долгова // Региональная экономика. – 2014. – № 1. – С. 29–34.
5. **Лапин, А. Е.** Решение проблем развития субъектов Приволжского федерального округа на основе организации функционально-целевой модели управления / А. Е. Лапин, Ю. С. Санникова // Региональная экономика: теория и практика. – 2013. – № 28 (307). – С. 21–28.

References

1. Petrov S. Yu., Zyaribova S. F. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University]. 2012, no. 4, pp. 440–443. [In Russian]
2. Minko I. S. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Issues of contemporary economics]. 2016, no. 1 (57), pp. 109–112. [In Russian]
3. Krasnokutskiy P. A., Zmiyak S. S., Volodina N. V. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2018, no. 4 (48), pp. 178–187. [In Russian]
4. Ryabova S. G., Dolgova E. V. *Regional'naya ekonomika* [Regional economics]. 2014, no. 1, pp. 29–34. [In Russian]
5. Lapin A. E., Sannikova Yu. S. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economics: theory and practice]. 2013, no. 28 (307), pp. 21–28. [In Russian]

Лапин Анатолий Евгеньевич

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономического
анализа и государственного управления,
Ульяновский государственный
университет (Россия, г. Ульяновск,
ул. Льва Толстого, 42)

E-mail: artcat2017@mail.ru

Lapin Anatoliy Evgen'evich

Doctor of economic sciences, professor,
head of the sub-department of economic
analysis and public administration,
Ulyanovsk State University
(42 L'va Tolstogo street, Ulyanovsk,
Russia)

Лапин Яков Анатольевич

студент, Ульяновский государственный
университет (Россия, г. Ульяновск,
ул. Льва Толстого, 42)

E-mail: artcat2017@mail.ru

Lapin Yakov Anatol'evich

Student, Ulyanovsk State University
(42 L'va Tolstogo street, Ulyanovsk,
Russia)

Образец цитирования:

Лапин, А. Е. Оценка уровня социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа / А. Е. Лапин, Я. А. Лапин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 117–135. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-12.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СЛУЖЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ПРОДВИЖЕНИЕМ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. В статье отмечается актуальность проблемы построения эффективной системы управления служебно-профессиональным продвижением персонала в современной России, рассматривается взаимосвязь понятий «служебно-профессиональное продвижение» и «карьера» персонала организации.

Материалы и методы. Акцентируется внимание на том, что теоретический анализ проблемы требует междисциплинарного подхода на основе экономических, психологических и социологических исследований.

Результаты. На основе анализа истории становления данного явления в России определяются перспективы развития данной системы в российских компаниях на основе планомерной кадровой политики.

Выводы. Эффективное управление служебно-профессиональным продвижением в российских организациях содействует развитию инновационного потенциала сотрудников и позволяет реализовать коммерческие цели.

Ключевые слова: служебно-профессиональное продвижение персонала, карьера персонала, система управления служебно-профессиональным продвижением персонала.

S. A. Barsukova, A. R. Rozhnova

ACTUAL PROBLEMS OF THE RUSSIAN SYSTEM OF PERSONNEL CAREER MANAGEMENT IN ORGANIZATIONS

Abstract.

Background. The article notes the relevance of the problem of constructing an effective system of management of the service and the professional advancement of staff in modern Russia, examines the relationship of the concepts of “service and professional advancement” and “career” staff of the organization.

Materials and methods. It focuses on the fact that the theoretical analysis of the problem requires an interdisciplinary approach based on economic, psychological and sociological research.

Results. Based on the analysis of the history of the formation of this phenomenon in Russia are determined by the prospects for the development of this system in the Russian companies on the basis of systematic personnel policy.

Conclusions. Effective management of the service and the professional advancement in the Russian organizations contributes to the development of innovative potential of employees and allow to realize business goals.

Keywords: service and professional advancement of personnel, career of personnel, management system of service and professional advancement of staff.

Введение

Проблема профессионального и квалификационного развития персонала в современных социально-экономических условиях напрямую связана с несбалансированностью рынка труда в России. Результаты исследований на российском рынке говорят о том, что в основной массе российских компаний управление развитием и продвижением персонала бессистемно и научно необоснованно [1]. В большинстве западноевропейских стран существует государственное регулирование системы обучения и развития персонала. Например, во Франции предприятия штрафуют, если в течение года в данную сферу инвестировано менее 1,5 % от фонда заработной платы. Между тем в России среди основных причин увольнения исследователи отмечают отсутствие в организации перспектив для профессионального роста [2]. Учитывая тот факт, что определяющим условием экономического роста предприятия является высококвалифицированный персонал, ориентированный на постоянное развитие, то отсутствие объективных и субъективных факторов, обеспечивающих данные потребности, неизбежно приведет либо к длительной стагнации организации, либо к ее «умиранию». Когда сотрудники не видят возможности подняться по социальной лестнице, то внутри организации весь коллектив имеет все шансы погрузиться в апатию, теряется мотивация к инновационному развитию, экономическому росту.

Организация эффективной системы служебно-профессионального продвижения является одним из важнейших звеньев процесса управления предприятием в целом. И выбор предмета исследования определяет неполнота имеющихся разработок в области управления служебно-профессиональным продвижением персонала в условиях современной России.

Основные подходы к проблеме социально-служебного продвижения

Проблемам управления служебно-профессиональным продвижением персонала особое место определено в работах А. Р. Алавердова, Т. Ю. Базарова, Д. А. Безделова, А. П. Волгина, М. В. Грачева, Г. Десслера, В. А. Дятлова, А. П. Егоршина, И. В. Зорина, П. В. Журавлева, Дж. М. Иванцевича, А. Я. Кибанова, Е. В. Маслова, Ю. Г. Одегова, В. Т. Пихало, В. В. Травина, С. В. Шекшни, В. И. Шкатуллы и др.

В специализированной литературе имеется несколько подходов к определению данного понятия. Традиционный подход предполагает понимание профессионально-служебного продвижения исключительно в рамках вертикальной траектории. Современная отечественная школа управления персоналом под руководством А. Я. Кибанова особое внимание уделяет тому, что передвижения могут быть как вертикальными, так и горизонтальными. Так, под служебно-профессиональным продвижением автор понимает «серию поступательных перемещений», т.е. систему потенциальных ступеней в виде должностей, рабочих мест, а также статусных положений в коллективе, которые организация имеет возможность предложить сотруднику [3].

В связи с этим необходимо акцентировать внимание на том, что понятия «служебно-профессиональное продвижение» и «карьера» не являются идентичными. Под карьерой понимается некий конкретный частный случай

фактического перемещения по служебной лестнице. При использовании термина «служебно-профессиональное продвижение» чаще всего имеется в виду потенциальная возможность сотрудника последовательного профессионального развития. Сделать карьеру в результате намеченной траектории служебно-профессионального продвижения скорее исключение, чем правило. На практике довольно редко происходит совпадение планов и фактической карьеры. В этой связи актуальным является вопрос о формировании грамотной системы управления служебно-профессиональным продвижением персонала в организации, основанной на современных достижениях науки и практики кадрового менеджмента.

В современной литературе классификация функций данной системы включает все основные функции управления. Так, авторы отмечают необходимость планирования служебно-профессионального продвижения как на уровне организации в целом, так и на уровне отдельных сотрудников. Важное значение отводится организации и регулированию данного процесса на основе учета мотивационных механизмов, имеющихся ресурсов для стимулирования к росту и развитию, продуманной системы анализа и контроля [4]. Ряд исследователей уточняют систему показателей оценки уровня качества функционирования системы служебно-профессионального продвижения персонала в организации [1]. Предлагаются также различные методики построения эффективной системы управления служебно-профессиональным продвижением кадровых ресурсов [5].

На основе теоретического анализа можно выделить экономический, психологический и социологический подходы к пониманию данной проблемы. В экономических исследованиях выявлено влияние совершенствования системы служебно-профессионального продвижения персонала на финансовые результаты деятельности организации [1]. Социологическое направление исследований акцентирует внимание на проблемах стратификации социальных групп и том значении, которое играет служебно-профессиональное продвижение в реализации социальной роли личности. Понимание законов самоактуализации, удовлетворения социальных потребностей индивида в контексте профессионального развития, социально-психологических и личностных факторов профессионального продвижения все чаще становится предметом исследования психологов. Выделенные подходы позволяют сформировать наиболее полное представление о данном феномене. Но, к сожалению, результаты исследований этих наук в полной мере не использованы в управленческой практике. С точки зрения авторов статьи, именно синтез результатов современных исследований теории управления, экономики труда, социологии и психологии позволит разработать адекватную методологию и методику управления служебно-профессиональным продвижением персонала в организации.

Становление системы служебно-профессионального продвижения в России

В зависимости от экономического положения страны и ее традиций система служебно-профессионального продвижения персонала и управления персоналом в целом приобретает свои специфические черты.

Система служебно-профессионального продвижения в США более ориентирована на индивидуалистический подход. Карьерное продвижение внутри нее происходит достаточно быстро, стимулируется материальными причинами и нередко сотрудники меняют компанию для того, чтобы занять более высокое положение в служебной иерархии. В японском менеджменте люди воспринимаются как ключевой ресурс компании и в них более охотно инвестируют, так как распространена практика долгосрочного и пожизненного найма, однако их продвижение по карьерной лестнице замедлено, но за счет патерналистического стиля управления и преданности сотрудников компании японская система менеджмента остается в балансе.

В России имеется своя специфика решения этой проблемы на практике. В 1940-х гг. по окончании войны в стране сформировалась целостная система трудоустройства. На предприятиях существовали квоты для выпускников учебных заведений и инвалидов, что обеспечивало право на труд и охраняло население от опасных девиантных форм поведения. В 1970–1980 гг. устоявшаяся система подбора персонала претерпела большие изменения. Первоначально главным критерием отбора являлись политические взгляды, которые определялись интуитивно и с помощью информации, собранной партийными комитетами и комиссиями. Они же и были главными субъектами отбора. В период 1970–1980 гг. в СССР проникают западные идеи, которые по-своему приживаются в системе. Появляется интерес к личности работника, приходит понимание того, что соответствия должностной инструкции, описывающей основные должностные обязанности работника, недостаточно для грамотного подбора руководящего персонала [3]. В практику работы стала внедряться более расширенная спецификация, учитывающая три укрупненных группы требований:

- политические качества работника выражались в его идейной убежденности, способности правильно понимать политику партии и эффективно бороться за ее осуществление, рассматривать ее в качестве отправного пункта своей деятельности;

- деловые качества работника предполагали его способность находить адекватный подход к возникающим ситуациям и кратчайший путь к достижению цели, быть самостоятельным в мышлении и оперативно принимать обоснованные решения, последовательно и инициативно обеспечивать их выполнение с высокой производительностью;

- нравственно-психологические требования включали психологический такт, честность, честолюбие, стрессоустойчивость и др. [3, с. 121].

Появляется новый формат документов, описывающих профиль требований, – профессиограммы. Данный документ содержал описание не только содержания работы по определенной профессии в виде функций, обязанностей, задач и операций, но и требований к профессиональным, деловым и личным качествам носителя определенной профессии [6].

В Советском Союзе основным способом вертикального карьерного продвижения для сотрудника было участие в партийной деятельности, для человека, который не состоял в партии или по каким-то причинам не хотел заниматься партийной деятельностью, как правило, был доступен лишь вариант горизонтальной карьеры специалиста. Такая система нередко приводила к тому, что руководителями становились сотрудники без достаточного прак-

тического опыта в своей сфере, но одобренные партией и обладающие определенными организаторскими способностями [3, с. 28].

С установлением рыночной экономики сильно изменилась роль кадровой службы в организации. В условиях рынка особую значимость приобрел человеческий фактор. Именно человеческие ресурсы стали залогом успешного развития организации. Советская система управления персоналом была к этому не готова, поэтому отечественные ученые и управленцы обратились к западному опыту.

В начале 2000-х гг. среди российских компаний была заметна тенденция: организации предпочитали приглашать талантливых менеджеров и специалистов извне. На современном этапе ситуация меняется – из-за дефицита высококвалифицированных специалистов организации стремятся внедрять эффективные системы подбора, развития и продвижения персонала и создавать условия для роста ценности карьеры в рамках одной компании. В таких условиях особое значение приобретает научно обоснованная система служебно-профессионального продвижения в организации. Организации с грамотной системой служебно-профессионального продвижения на рынке труда становятся более привлекательными [7, с. 28].

В России существует проблема, связанная с тем, что сотрудники плохо ориентируются в системе служебно-профессионального продвижения из-за ее неразработанности. Работодатели не вкладывают достаточные средства в нее, недооценивая влияние четкой системы профессионального развития в компании на мотивацию персонала. Это приводит к тому, что в некоторых компаниях сотрудники не знают даже о том, какая должность в компании могла бы стать следующей ступенью в их карьере, а со стороны руководства насаждаются такие негативные явления, как субъективизм и стремление линейных руководителей единолично принимать решение о продвижении сотрудников по карьерной лестнице. Это порождает протекционизм, т.е. стремление подбирать сотрудников, основываясь на родственных и дружеских связях, а не на деловых качествах, и последующее падение уровня профессионализма управления в компании.

Управление системой служебно-профессионального продвижения

Исследования доказывают, что формирование в организации системы служебно-профессионального продвижения персонала способствует повышению степени удовлетворенности работой в целом, а также мотивации и стимулирования производительности труда, профессиональной мобильности персонала, снижению издержек на найм, оценку, подбор и расстановку персонала, текучести управленческих кадров и т.д. [3].

Формирование стратегий служебно-профессионального продвижения является неотъемлемой частью функционирования организации в современной бизнес-среде.

Чтобы система служебно-профессионального продвижения была эффективной и приносила свои плоды, в организации должны быть созданы условия для внедрения инноваций, способствующих повышению доли высококвалифицированного и содержательного труда. В связи с этим необходимо

совершенствовать систему обучения и развития персонала на основе современных инновационных педагогических технологий, стимулируя таким образом стремление сотрудников к профессиональному развитию и переподготовке с учетом требований технического обновления капитала. Важно также ориентировать систему деловой оценки и аттестации персонала на выявление управленческого и инновационного потенциала, а не ограничиваться только традиционными методами оценки, констатирующими наличие определенных знаний, умений и навыков. Внедрение систематической оценки условий труда и рационализация рабочих мест позволит отслеживать процесс содержательного наполнения труда и выявлять потребности в техническом обновлении [4, с. 27].

Основными этапами планирования служебно-профессионального продвижения являются следующие: оценка, изучение потенциальных возможностей, установление и обоснование карьерных целей, осуществление карьерных планов, подведение итогов и корректировка планов и прогнозов на определенную перспективу.

Основным условием успеха в реализации плана служебно-профессионального продвижения является работа по согласованию личных карьерных целей сотрудников с целями организации. В этом вопросе наиболее перспективным является программно-целевое планирование. В настоящий момент в российской практике для определения объемов продвижения персонала применяется метод балансового расчета дополнительной потребности в персонале и источников ее обеспечения по профессиям, квалификации. Для восполнения потребности в персонале применяется метод формирования кадрового резерва.

Заключение

Таким образом, система служебно-профессионального продвижения является частью системы управления персоналом организации и предполагает повышение эффективности отбора и расстановки кадров, совершенствование процессов планирования карьеры, повышение мотивации и стимулирования труда, рациональное использование потенциала персонала организации, повышение степени удовлетворенности трудом.

Внедряя систему служебно-профессионального продвижения на основе современных кадровых технологий, организация преследует главную коммерческую цель – повысить свою прибыль через согласование интересов работника и организации.

Библиографический список

1. **Шамарова, Г. М.** Организация процесса служебно-профессионального продвижения персонала в сфере бизнеса и власти / Г. М. Шамарова // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2011. – Т. 10, № 37. – С. 26–39.
2. **Маркова, Т. И.** Факторы карьерной мобильности в современной России: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Маркова Т. И. – Москва, 2008. – 30 с.
3. Управление персоналом в России: история и современность : монография / А. Я. Кибанов, И. Б. Дуракова, И. А. Эсаулова, Н. И. Шаталова, Е. А. Митрофанова, С. И. Сотникова, Г. П. Гагаринская, В. В. Слезко ; под ред. А. Я. Кибанова. – Москва : ИНФРА-М, 2013.

4. **Лапшенков, В. В.** Формирование системы служебно-профессионального продвижения персонала организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Лапшенков В. В. – Москва, 2004. – 32 с.
5. **Коргина, О. А.** Формирование стратегии профессионально-должностного продвижения управленческих кадров : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Коргина О. А. – Курск, 2019. – 23 с.
6. **Рыбкина, В. А.** Создание кадрового резерва как важная составляющая эффективного кадрового планирования / В. А. Рыбкина, О. Г. Червинская, И. В. Гелета // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 37 (79). – С. 64–67.
7. Кадровая политика и кадровый аудит организаций : учеб. пособие / сост. С. В. Левушкина. – Ставрополь : Ставропольский государственный аграрный ун-т, 2014. – 168 с.

References

1. Shamarova G. M. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. 2011, vol. 10, no. 37, pp. 26–39. [In Russian]
2. Markova T. I. *Faktory kar'ernoy mobil'nosti v sovremennoy Rossii: sotsiologicheskiy analiz: avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk: 22.00.04* [Factors of career mobility in modern Russia: sociological analysis: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of sociological sciences: 22.00.04]. Moscow, 2008, 30 p. [In Russian]
3. Kibanov A. Ya., Durakova I. B., Esaulova I. A., Shatalova N. I., Mitrofanova E. A., Sotnikova S. I., Gagarinskaya G. P., Slezko V. V. *Upravlenie personalom v Rossii: istoriya i sovremennost': monografiya* [Personnel management in Russia: history and modernity: monograph]. Moscow: INFRA-M, 2013. [In Russian]
4. Lapshenkov V. V. *Formirovanie sistemy sluzhebno-professional'nogo prodvizheniya personala organizatsii: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Formation of a service and professional promotion system of the organization's personnel: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Moscow, 2004, 32 p. [In Russian]
5. Korgina O. A. *Formirovanie strategii professional'no-dolzhnostnogo prodvizheniya upravlencheskikh kadrov: avtoref. dis. kand. ekon. nauk* [Formation of a strategy for professional and job promotion of management personnel: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of economic sciences]. Kursk, 2019, 23 p. [In Russian]
6. Rybkina V. A., Chervinskaya O. G., Geleta I. V. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Issues of modern science and education]. 2016, no. 37 (79), pp. 64–67. [In Russian]
7. *Kadrovaya politika i kadrovyy audit organizatsiy: ucheb. posobie* [Personnel policy and personnel audit of the organization: textbook]. Comp. by S. V. Levushkina. Stavropol: Stavropol'skiy gosudarstvennyy agrarnyy un-t, 2014, 168 p. [In Russian]

Барсукова Светлана Александровна
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра социологии и управления
персоналом, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sveta_barsykova@inbox.ru

Barsukova Svetlana Aleksandrovna
Candidate of pedagogical sciences,
associate professor, sub-department
of sociology and personnel management,
Penza State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Рожнова Арина Руслановна

студентка, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: arina.rozhnova777@gmail.com

Rozhnova Arina Ruslanovna

Student, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Барсукова, С. А. Актуальные проблемы российской системы управления служебно-профессиональным продвижением персонала в организации / С. А. Барсукова, А. Р. Рожнова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 136–143. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-13.

СИСТЕМНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация.

Актуальность и цели. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что благодаря применению цифровых технологий происходит значительное повышение эффективности различных видов производства в отраслях аграрно-промышленного комплекса (АПК) (сельском хозяйстве), что подтверждает необходимость их внедрения. Цель работы – анализ результатов экспертной работы в области цифровизации сельского хозяйства, анализ возможности получения положительных экономических эффектов и снижения затрат от внедрения цифровых технологий российскими аграрными предприятиями, обзор ожидаемого общего прироста продукции сельского хозяйства.

Материалы и методы. Достижению реализации цели исследования способствовал анализ данных Аналитического центра Минсельхоза РФ, новых правил господдержки АПК РФ, инвестиционного положения Пензенского региона.

Результаты. Рассмотренные в статье возможности получения положительных экономических эффектов и снижения затрат при внедрении технологий цифровой экономики на современных аграрных предприятиях указывают на пользу системной трансформации предприятий АПК, что позволит им перейти на новую модель экономического поведения. Обозначены ключевые причины, как тормозящие внедрение цифровых технологий, так и необходимые для стимулирования цифровой трансформации на предприятиях АПК.

Выводы. Проведенное исследование раскрывает потенциальный экономический эффект цифровизации АПК и важность использования в ближайшем будущем многими российскими сельскохозяйственными предприятиями возможностей цифровизации для воплощения намеченных целей.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, предприятия АПК, сельское хозяйство, господдержка.

V. M. Volodin, N. A. Nad'kina

SYSTEM TRANSFORMATION OF THE AGRICULTURE ENTERPRISES WITHIN DIGITALIZATION OF MARKET RELATIONS

Abstract.

Background. The relevance of the article's topic is due to the fact that, thanks to the use of digital technologies, there is a significant increase in the efficiency of various types of production in the branches of the agro-industrial complex (AIC) (agriculture), which confirms the need for their implementation. The purpose of the work is to analyze the results of expert work in the field of digitalization of agriculture, analyze the possibility of obtaining positive economic effects and reducing the cost

of introducing digital technologies by Russian agricultural enterprises, and review the expected overall growth in agricultural products.

Materials and methods. The achievement of the research purpose was facilitated by the analysis of the data of the Analytical Center of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, new rules for state support of the agro-industrial complex of the Russian Federation, and the investment situation of the Penza region.

Results. The possibilities of obtaining positive economic effects and reducing costs when introducing digital economy technologies at modern agricultural enterprises discussed in the article indicate the benefit of systemic transformation of agro-industrial enterprises, which will allow them to switch to a new model of economic behavior. Key reasons are identified, both inhibiting the introduction of digital technologies and necessary to stimulate digital transformation at agro-industrial enterprises.

Conclusions. The study reveals the potential economic effect of agro-industrial complex digitalization and the importance of many Russian agricultural enterprises using digitalization opportunities in the near future to realize their goals.

Keywords: digitalization, digital technologies, agricultural enterprises, agriculture, state support.

Цифровизация явила собой новый тренд мировой экономики. В России за последнее время отмечаются заметные продвижения по многим направлениям цифровизации [1]: сектор ИТ-технологий, ритейл, финансовые организации и социальные сети (уровень цифровизации – 70–80 %); отрасли реального сектора экономики (промышленность, сельское хозяйство).

Действительно, к примеру, для организации высокорентабельного агропроизводства объективно необходимо его цифровизировать. Ряд особенностей сельского хозяйства обуславливает интенсивное введение цифровых технологий на практике [2]:

- многофакторное воздействие на итоги производственных процессов (природно-климатических, почвенных, биологических, экономических, социальных), которое приводит к управленческим издержкам на уровне конкретного хозяйства;

- территориальная рассредоточенность многочисленных агро-субъектов, приводящая к существенному усложнению управленческих решений;

- интенсивность многосторонних межотраслевых связей сельского хозяйства с предприятиями АПК, партнерами хозяйств-поставщиков ресурсов и покупателями продукции [3].

По утверждению Аналитического центра Минсельхоза, за счет введения цифровых технологий вполне возможно получить положительные экономические результаты и не менее 23-процентное сокращение расходов при введении комплексного подхода (рис. 1).

Причина потери урожая (до 40 %) вызвана несбалансированностью мер по применению семенного материала, средств защиты растений, мощностей машинно-тракторного парка, новых технологий. В соответствии с «Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» (утв. Постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717) к 2020 г. был запланирован рост производства продукции сельского хозяйства (на 21 %) в сравнении с уровнем 2011 г., в том числе объем производства продукции животноводства и растениеводства – на 25 и 17 % соответственно (рис. 2) [4].

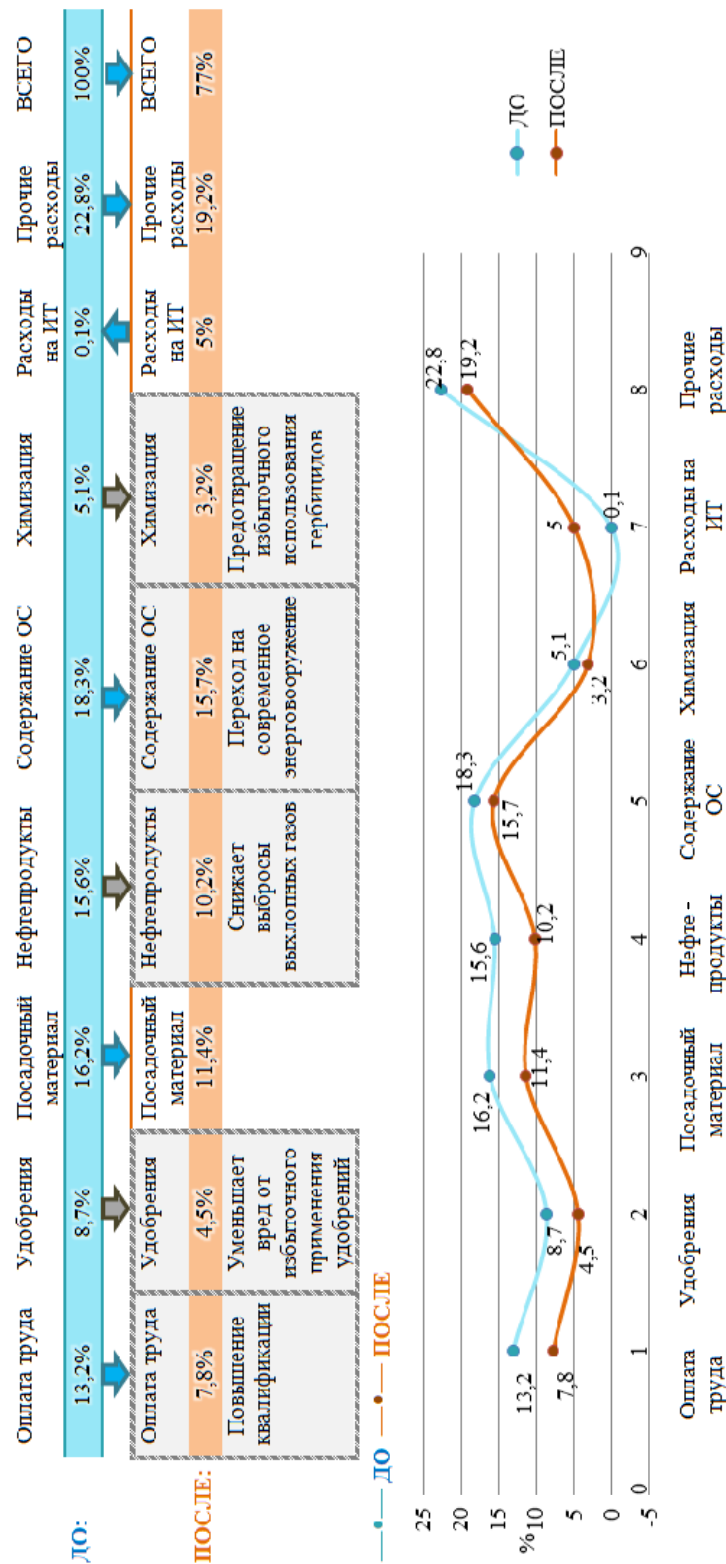

Рис. 1. Обзор влияния цифровой экономики на затраты [3]

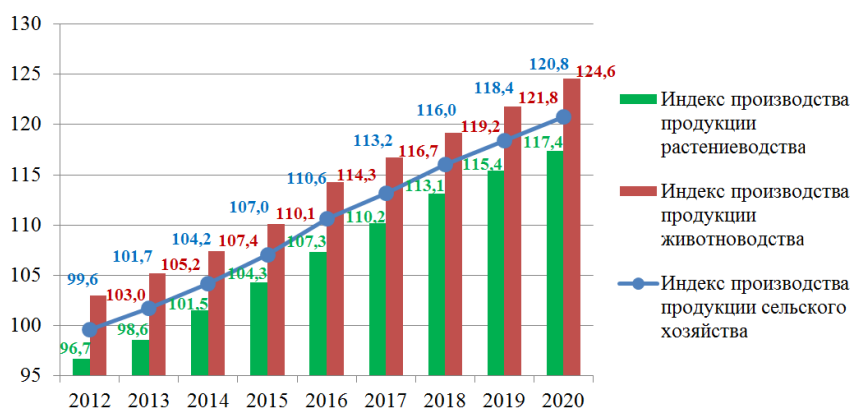

Рис. 2. Динамика объемов производства продукции сельского хозяйства Российской Федерации за период 2012–2020 гг., в процентах [4]

Внедрение цифровых технологий составит общий прирост продукции сельского хозяйства 361,4 млрд руб. (рис. 3) [3].

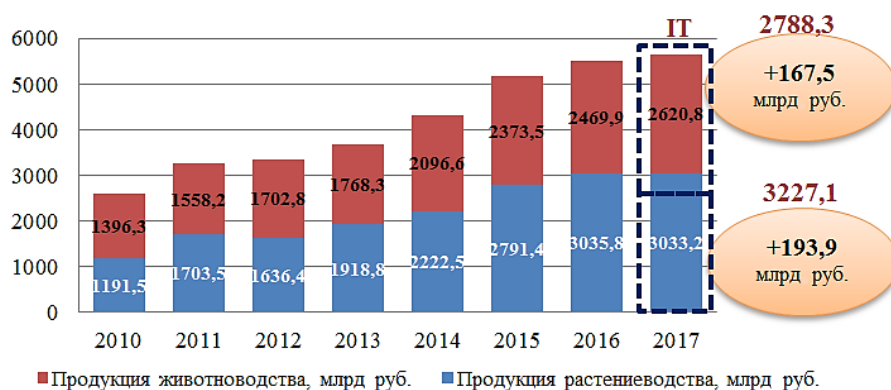

Рис. 3. Зависимость варьирования объемов продукции сельского хозяйства от внедрения цифровой экономики, в стоимостном выражении [3]

Тенденция роста фактического объема продукции растениеводства с учетом применения цифровых технологий указывает на ожидаемое повышение (с 2017–2018 гг.) и составляет 193,9 млрд руб., в 2019 г. он составил 3160 трлн руб.

Если сослаться на данные Минсельхоза РФ, потенциал цифровой экономики в АПК РФ представляется следующим образом (рис. 4) [3].

Поэтому, согласно указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в ближайшие годы будет в приоритете задача трансформации такой отрасли экономики, как сельское хозяйство, посредством перехода к передовым цифровым технологиям и платформенным решениям, что приведет к значительному росту продуктивности в растениеводстве и животноводстве, повышению качества продукции.

Для претворения в жизнь технологического прорыва в АПК РФ за счет применения цифровых технологий и платформенных решений в августе 2019 г. создан (на базе ФГБУ «АЦ Минсельхоза России») Центр компетенций по цифровой трансформации сельского хозяйства (рис. 5) [1].

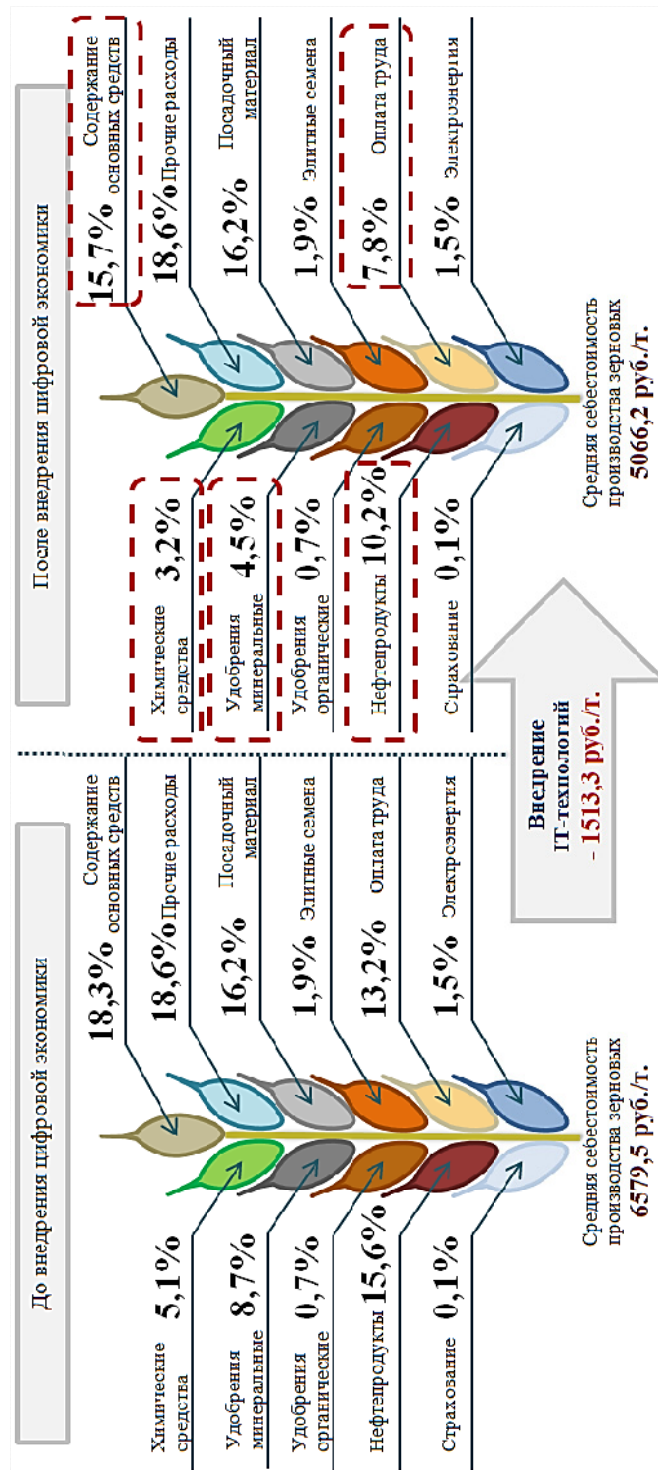

Рис. 4. Тенденция затрат до/после внедрения технологий цифровой экономики [3]

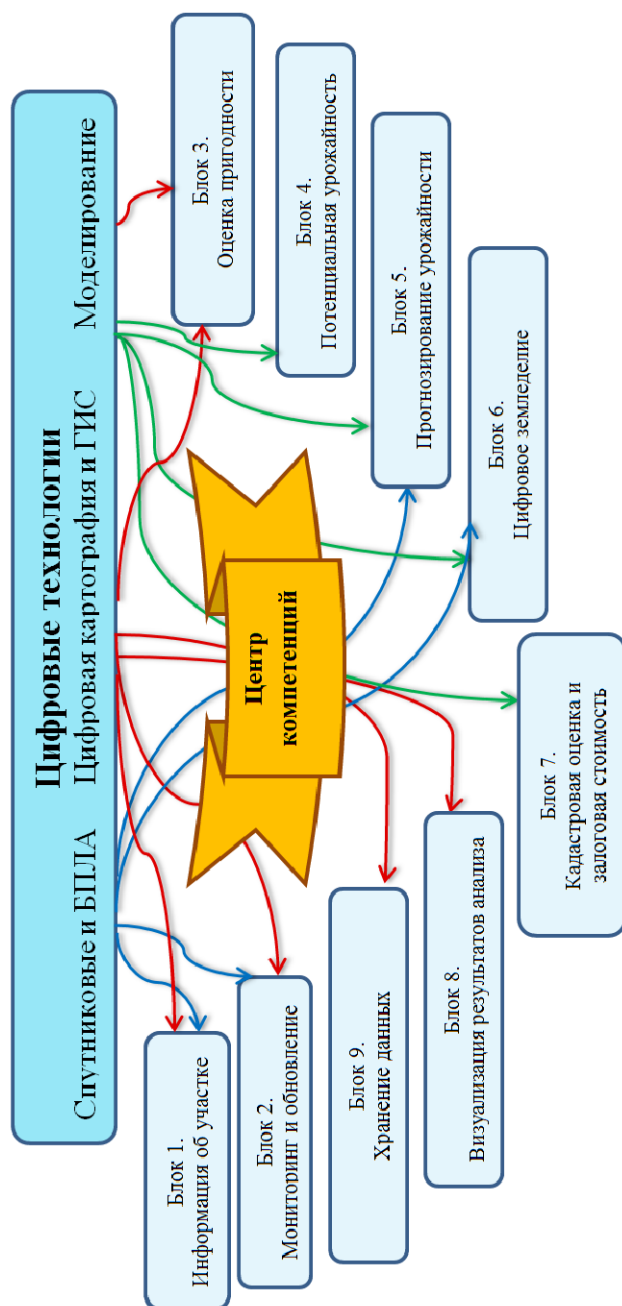

Рис. 5. Конфигурация функционирования цифровых технологий (моделирования, картографирования, адаптивно-ландшафтного проектирования) Центра компетенций [1]

Ключевыми целями данного Центра являются:

– согласование деятельности по осуществлению задач Минсельхоза РФ с программами федеральных проектов «Цифровая экономика РФ» (национальная программа) и «Цифровое сельское хозяйство» (ведомственный проект на 2019–2024 гг.) [5];

– содействие в аграрном секторе соблюдению мероприятий развития государственных информационных систем.

На рис. 6 приведена очередность этапов, в соответствии с которой намечается ведение деятельности Центра [1].

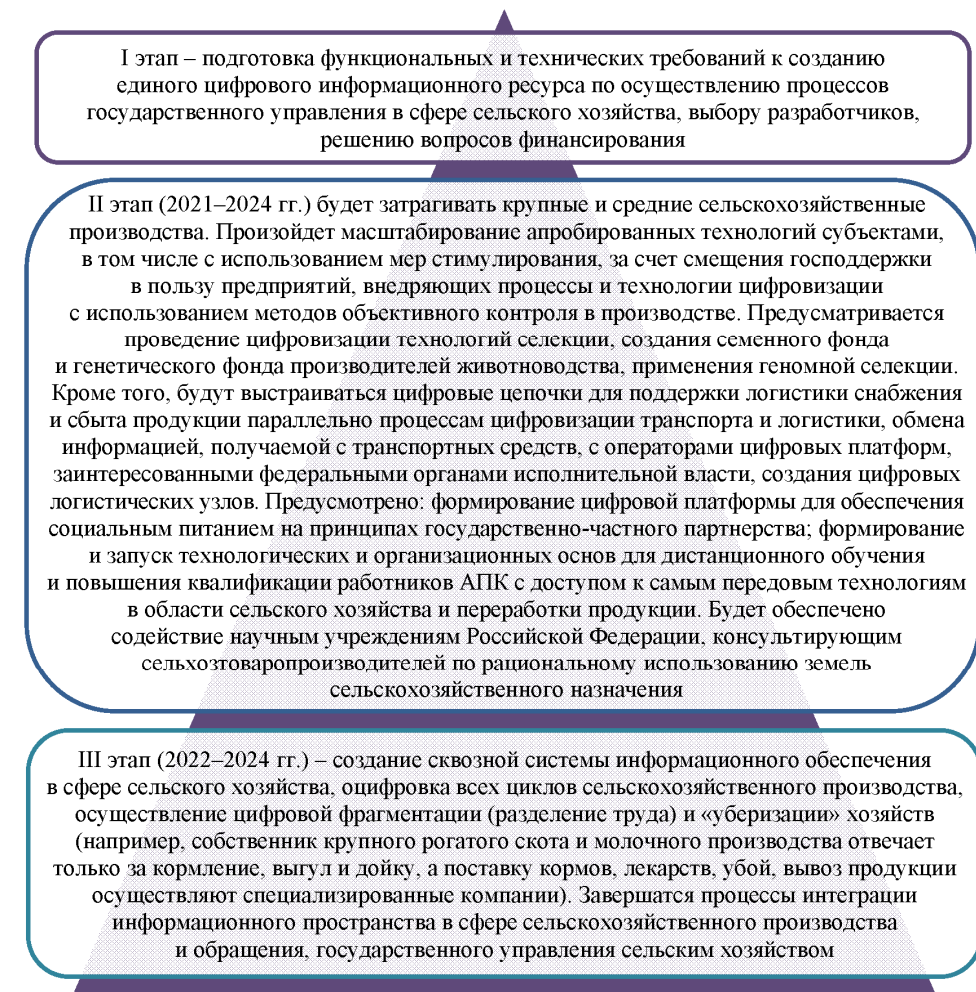

Рис. 6. Содержание этапов деятельности Центра компетенций по цифровой трансформации сельского хозяйства [1]

Функционирование Центра предусматривает поэтапное введение различного рода цифровых технологий (частных цифровых платформ управления производством, облачных технологий управления киберфизическими системами и интернетом вещей (Internet of Things – IoT), платформ прогнозирования для процесса информационного обеспечения исполнения отдельных задач производства).

Вследствие проведения цифровизации в перспективе к 2024 г. ожидается следующий эффект:

- двукратный рост в агрокомпаниях производительности труда (на одного работника);
- сокращение издержек на бизнес-администрирование (в 1,5 раза) компаниями;
- снижение хозяйственных расходов на 20 % (и более) в себестоимости единицы аграрной продукции (удобрения, семена, электроэнергия, саженцы, корма, горюче-смазочные материалы и др.).

Прогнозы экспертов констатируют, что IoT-решения и цифровизация в аграрном секторе имеет все возможности, позволяющие извлечь итоговый экономический результат размером в 4,8 трлн руб. в год, или 5,6 % прироста ВВП РФ [1]. Масштаб проникновения процессных инноваций в агрокомпаниях продемонстрирован на рис. 7 [6].

Начальная стадия развития отдельных процессов и технологий в сельском хозяйстве РФ свидетельствует об отрицательном суммарном взвешенном рейтинге распространения процессных инноваций, который составил 0,20.

Техническая оснащенность сельского хозяйства РФ остается на низком уровне. Вместе с тем и затраты на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) за 2015 и 2017 г. составили 4 млрд руб., или 0,34 %, и 0,85 млрд руб., или 0,2 %, соответственно, что свидетельствует о достаточно низком объеме всех ИКТ-инвестиций во все отрасли хозяйства и одновременно о недостаточной цифровизации отечественного сельского хозяйства.

Несмотря на это, 89 % представителей АПК необходимым считают повышение экономической эффективности путем автоматизации ведущих процессов. Поэтому можно говорить о цифровой трансформации аграрного сектора в РФ как о направлении, являющемся одним из наиболее важных и актуальных на сегодняшний день (рис. 8) [6].

Рейтинг стран по уровню инноваций Global Innovation Index-2020 показывает ежегодную тенденцию, заключающуюся в потере позиций России среди других стран (2017 г. – 45-е место, 2018–2019 гг. – 46-е место, 2020 г. – 47-е место).

Вместе с тем по данным НИУ ВШЭ, удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров и выполненных работ в агропромышленном комплексе РФ среди стран следующий (рис. 9) [3].

Элементы IoT освоили 0,05–5 % агропроизводителей РФ (Агрофизический НИИ). Для сопоставления можно констатировать следующий рейтинг использования решений, связанных с точным земледелием (рис. 10) [3].

Причиной такого отставания считается отсутствие необходимого числа квалифицированных кадров: приблизительно 112,9 тыс. IT-специалистов в секторе сельского хозяйства (рис. 11) [3].

Сложилась следующая ситуация: в России на 1000 человек, занятых в сфере сельского хозяйства, доводится предположительно 1 специалист в области ИТ. Ввиду этого в аграрном секторе потребуется около 90 тыс. специалистов в сфере ИТ для достижения показателей стран-лидеров (США, Германии, Великобритании).

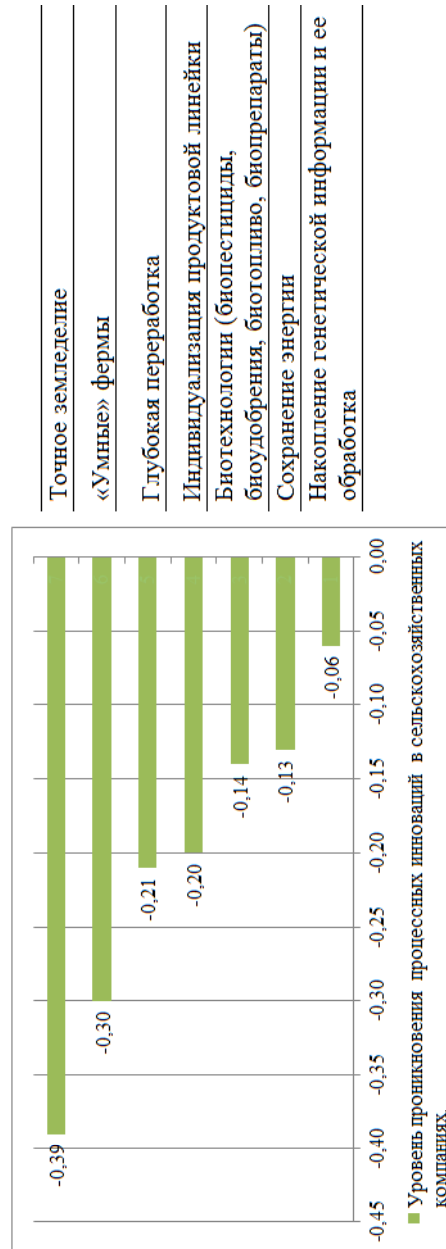

Рис. 7. Диапазон распространения процессных инноваций в агрокомпаниях, в процентах [6]

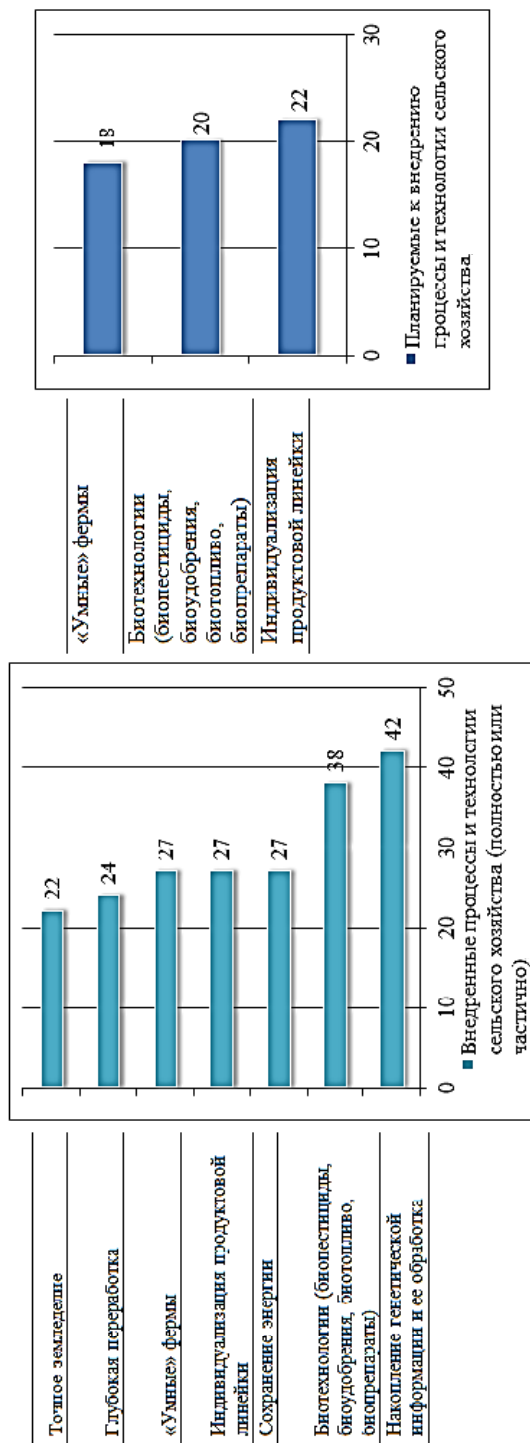

Рис. 8. Обзор внедренных и планируемых к внедрению процессов и технологий сельского хозяйства, в процентах [6]

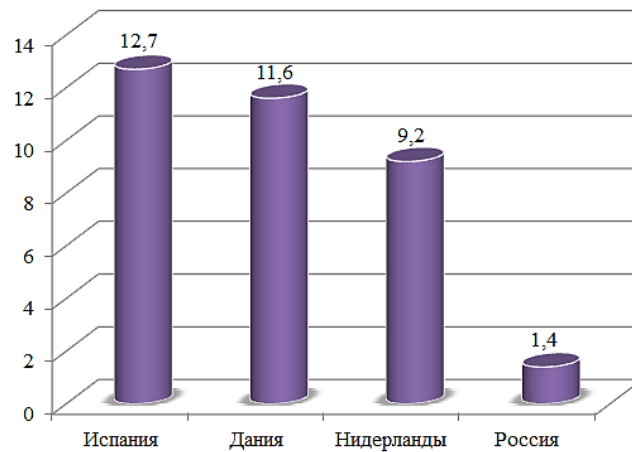

Рис. 9. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров и выполненных работ в АПК РФ (по странам), в процентах [3]

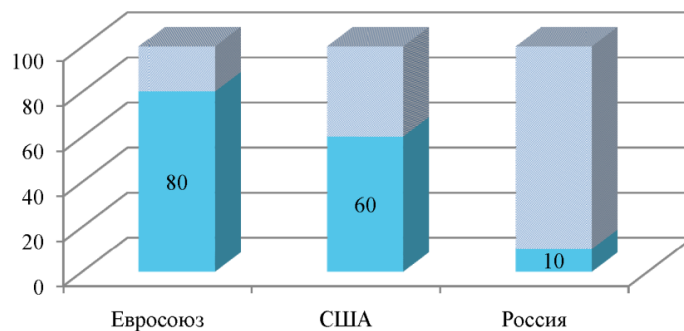

Рис. 10. Доля аграриев, освоивших точное земледелие, в процентах [3]

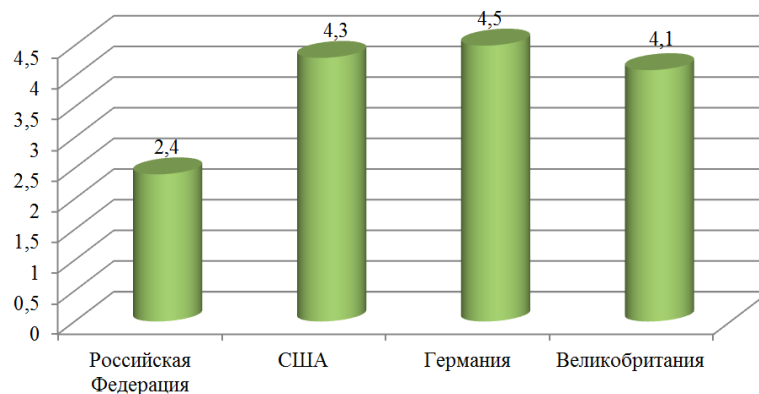

Рис. 11. Доля специалистов в области информационных систем и технологий в сельском хозяйстве по странам (от общего количества работников АПК), в процентах (данные Аналитического центра Минсельхоза РФ) [3]

Наряду с этим наибольшие возможности для инвестиций в ИКТ обладает именно данная отрасль. Весомым подспорьем считается реальная государственная поддержка [7].

Так, аграрный комплекс РФ в новый 2020 г. вступает с новыми правилами господдержки: три вида субсидий будут объединены и разделены на два – компенсирующий и стимулирующий (рис. 12).

Рис. 12. Новые правила господдержки АПК (2020) [7]

Господдержка АПК РФ в 2020 г. возросла до 321 млрд руб. по сравнению с 307 млрд руб. в 2019 г. По прогнозу Минсельхоза, экспорт продукции АПК в 2019 г. составил \$ 24–25 млрд против \$ 25,8 млрд в 2018 г. [7].

К примеру, индекс производства продукции Пензенского региона (январь-октябрь 2019 г.) составил 114,6 %, в соответствии с которым область заняла 1 место в Приволжском федеральном округе (ПФО). В 2020 г. был запланирован рекордный объем по производству скота и птицы на убой в живом весе – 375 тыс. тонн. По темпам роста этого показателя область занимает 1 место среди регионов ПФО и 3 место в РФ. Этому непосредственно способствует растущая инвестиционная привлекательность региона и реализация мероприятий программы «Комплексное развитие сельских территорий Пензенской области». На эти цели в 2020 г. направили порядка 700 млн руб. В 2019 г. в развитие АПК вложено более 18 млрд руб., благодаря чему строится целый ряд новых объектов [8].

Ярким примером внедрения новых технологий является Пензенская «Русская молочная компания» (дочерняя компания Olam International, Сингапур) – один из крупнейших производителей молока высшего сорта в РФ. Компания ввела в Сердобском районе в эксплуатацию первую очередь молочного комплекса замкнутого цикла на 5200 голов дойного стада в рамках реализации инвестиционной программы стоимостью 4,5 млрд руб. (запущенной «Русмолко» летом 2019 г.). Все процессы производства совмещены

в единую IT-систему, позволяющую проводить регулярный мониторинг всех видов технологических работ и животных. Улучшению молокоотдачи у животных способствует инновационная система подготовки к доению: суточный надой – около 40 т молока-сырья. Оптимальные условия содержания и выращивания животных достигаются следующими технологиями:

- роботизация обеспечения доступности смеси на кормовом столе;
- инновационная вентиляционная система;
- усовершенствованная система месторасположения стойл в коровниках;
- увеличение масштаба кормления в секциях для дойного стада;
- прогрессивная система выращивания телят с рождения до 2 мес., предусматривающая практику использования автоматизированных систем кормления, взвешивания и мониторинга здоровья;
- система по переработке продуктов жизнедеятельности животных, технологии энергосбережения.

Отметим, что за последний пятилетний период «Русмолко» инвестировал в экономику региона сумму свыше 17 млрд руб. Численность сотрудников компании составляет более 1350 человек. Внедрение инновационных технологий, новейшего оборудования позволяют получать производственные показатели, сравнимые с лучшими зарубежными фермами, доказывают конкурентоспособность по многим параметрам. Планируется продолжить реализацию инвестиционной программы: расширение молочного комплекса в Сердобске до 7200 голов дойного стада к 2021 г. Расширение подразумевает строительство двух коровников для дойного стада и помещений для телят (2 телятника, 1 восьмирядный телятник, 2 открытых навеса для телят 6–12 мес на 400 голов каждый. Это позволит увеличить численность поголовья до 16 000, а производство молока – до 250 т в день. Вместе с этим на предприятии появится еще свыше 350 рабочих мест [9].

Стоит подчеркнуть, что благодаря цифровизации происходит системная трансформация предприятий АПК, в результате которой удастся компенсировать понесенные затраты и получить максимально высокую прибыль. Остается надеяться на то, что в ближайшем будущем многим российским агропредприятиям удастся задействовать потенциал цифровизации для осуществления намеченных целей.

Библиографический список

1. **Ахметов, В. Я.** Перспективы социально-экономического развития сельских территорий в условиях цифровизации экономики / В. Я. Ахметов, Р. Н. Галикеев // Вестник Евразийской науки. – 2019. – № 6. – URL: <https://esj.today/PDF/03ECVN619.pdf>
2. **Архипов, А. Г.** Цифровая трансформация сельского хозяйства России / А. Г. Архипов, С. Н. Косогор, О. А. Моторин. – Москва : Росинформагротех, 2019. – 80 с.
3. **Труфляк, Е. В.** Точное земледелие: состояние и перспективы / Е. В. Труфляк, Н. Ю. Курченко, А. С. Креймер. – Краснодар : КубГАУ, 2018. – 27 с.
4. Анализ текущей ситуации в АПК и перспективы развития отрасли до 2020 года / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://900igr.net/prezentacija/ekonomika/rasteniievodstvo-v-altajskom-krae-191075/soderzhanie-2.html>
5. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство. – Москва : Росинформагротех, 2019. – 48 с.

6. Обзор рынка сельского хозяйства // Deloitte. – Москва, 2018. – URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/obzor-rynka-selskogo-hozyajstva.pdf>
7. Итоги 2019 года в российском сельском хозяйстве // Издательский дом «Независимая аграрная пресса». Ежедневное аграрное обозрение. – 2019. – URL: <http://agroobzor.ru/article/a-1161.html>
8. В 2020 году господдержка АПК Пензенской области будет увеличена // Официальный портал Правительства Пензенской области. – 2019. – URL: <http://pnzreg.ru/news/selskoe-khozyaystvo/199442/>
9. «Русмолко» открыла молочный комплекс в Пензенской области // Агровестник. – 2020. – URL: <https://agrovesti.net/news/corp/rusmolko-otkryla-molochnyj-kompleks-v-penzenskoj-oblasti.html/>

References

1. Akhmetov V. Ya., Galikeev R. N. *Vestnik Evraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science]. 2019, no. 6. Available at: <https://esj.today/PDF/03ECVN619.pdf> [In Russian]
2. Arkhipov A. G., Kosogor S. N., Motorin O. A. *Tsifrovaya transformatsiya sel'skogo khozyaystva Rossii* [Digital transformation of agriculture in Russia]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2019, 80 p. [In Russian]
3. Truflyak E. V., Kurchenko N. Yu., Kreymer A. S. *Tochnoe zemledelie: sostoyanie i perspektivy* [Precision farming: state and prospects]. Krasnodar: KubGAU, 2018, 27 p. [In Russian]
4. *Analiz tekushchey situatsii v APK i perspektivy razvitiya otrasli do 2020 goda* [Analysis of the current situation in the agro-industrial complex and the prospects for the development of the industry until 2020]. Ministry of Agriculture of the Russian Federation. Available at: <http://900igr.net/prezentaciya/ekonomika/rasteniyevodstvo-v-altajskom-krae-191075/soderzhanie-2.html> [In Russian]
5. *Vedomstvennyy proekt «Tsifrovoe sel'skoe khozyaystvo* [Departmental project “Digital Agriculture”]. Moscow: Rosinformagrotekh, 2019, 48 p. [In Russian]
6. *Obzor rynka sel'skogo khozyaystva* [Agriculture market overview]. Deloitte. Moscow, 2018. Available at: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/research-center/obzor-rynka-selskogo-hozyajstva.pdf> [In Russian]
7. *Itogi 2019 goda v rossiyskom sel'skom khozyaystve* [Results of 2019 in Russian agriculture]. Publishing house “Independent Agrarian Press”. Daily Agricultural Review. 2019. Available at: <http://agroobzor.ru/article/a-1161.html> [In Russian]
8. *V 2020 godu gospodderzhka APK Penzenskoy oblasti budet uvelichena* [In 2020, state support for the agro-industrial complex of the Penza region will be increased]. Official portal of the Government of the Penza region. 2019. Available at: <http://pnzreg.ru/news/selskoe-khozyaystvo/199442/> [In Russian]
9. *«Rusmolko» otkryla molochnyy kompleks v Penzenskoy oblasti* [“Rusmolko” opened a dairy complex in the Penza region]. Agrovostnik. 2020. Available at: <https://agrovesti.net/news/corp/rusmolko-otkryla-molochnyj-kompleks-v-penzenskoj-oblasti.html/> [In Russian]

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, директор Института
экономики и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management and
economic security, director of the Institute
of Economics and Management, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Надькина Наталья Алексеевна

аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: natali.nadkina@yandex.ru

Nad'kina Nataliya Alekseevna

Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

Образец цитирования:

Володин, В. М. Системная трансформация предприятий аграрно-промышленного комплекса в условиях цифровизации рыночных отношений / В. М. Володин, Н. А. Надькина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 144–158. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-14.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СТРАН БРИКС

Аннотация.

Актуальность и цели. Агропромышленный комплекс стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) сегодня является стратегической отраслью для развития любой страны и обеспечения продовольственной безопасности. Актуальность обусловлена требованиями к развитию сотрудничества в сфере сельского хозяйства стран БРИКС в целях обеспечения кооперации стран для экономического роста и укрепления своих позиций на мировом рынке сельскохозяйственной продукции. Цель исследования состоит в анализе состояния и основных тенденций развития агропромышленного комплекса стран БРИКС.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе изучения статистических данных по валовой продукции сельского хозяйства, отдельных показателей по сельскому хозяйству, данных по экспорту и импорту сельскохозяйственной продукции стран БРИКС. Методология исследования базируется на системном подходе.

Результаты. Проведен анализ современного состояния сельского хозяйства в странах БРИКС, выделены доли агропромышленного комплекса в валовом внутреннем продукте стран, представлены общие характеристики сельскохозяйственного производства стран БРИКС, экспорт и импорт сельскохозяйственной продукции в странах.

Выводы. Для всех стран-участниц БРИКС сельское хозяйство является одной из приоритетных отраслей. Эти страны являются крупнейшими импортерами и экспортерами сельскохозяйственной продукции. Общая продовольственная безопасность стран БРИКС в целом демонстрирует тенденцию роста и по прогнозам она будет сохраняться. Страны БРИКС вносят значительный вклад в обеспечение глобальной продовольственной безопасности, что определяет дальнейшее укрепление развивающегося сотрудничества стран в целях повышения производительности и устойчивости сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, продовольственная безопасность, импорт, экспорт, БРИКС.

O. V. Sal'nikova, L. V. Rozhkova

THE MAIN DIRECTIONS OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX DEVELOPMENT OF THE BRICS COUNTRIES

Abstract.

Background. The agro-industrial complex of the BRICS countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa) is strategic industry today for any country development and ensuring food security. The relevance is due to requirements for coopera-

tion development in agriculture field and agro-industrial complex of the BRICS countries in order to ensure countries cooperation for economic growth and strengthening their positions in the world market of agricultural products. The purpose of this study is to analyze state and main trends of agro-industrial complex development of the BRICS countries.

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of studying statistical data on gross agricultural production, individual indicators on agriculture, data on exports and imports of agricultural products in the BRICS countries. Research methodology is based on systematic approach.

Results. The analysis of agriculture current state in the BRICS countries has been carried out, the shares of agro-industrial complex in countries' GDP are highlighted, general characteristics of the BRICS countries' agricultural, export and import of agricultural products in the countries are presented.

Conclusions. For all the BRICS countries, agriculture is one of priority sectors. These countries are the largest importers and exporters of agricultural products. Overall food security of the BRICS countries shows upward trend in general and, according to forecasts, it will continue. The BRICS countries make significant contribution to global food security, which determines the further strengthening of developing cooperation between countries to improve productivity and sustainability of agricultural production.

Keywords: agro-industrial complex, food security, import, export, BRICS.

Развитие сельского хозяйства является одним из самых мощных инструментов по повышению общего благосостояния и обеспечению продуктами питания миллиардов людей, учитывая, что с каждым годом их число увеличивается. Тем не менее производство продуктов питания является лишь одним из аспектов продовольственной системы. Агропромышленный сектор также обеспечивает средства к существованию для миллионов людей. Сельское хозяйство также имеет решающее значение для экономического роста: на его долю приходится треть мирового валового внутреннего продукта (ВВП). Для стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) агропромышленный комплекс является одним из ключевых секторов национальной экономики. С учетом того, что эта группа стран составляет 42 % населения мира, они могут формировать сельскохозяйственную политику, которая укрепила бы глобальную продовольственную безопасность и повысила бы благосостояние населения.

В последние годы международный статус сельского хозяйства в странах БРИКС постоянно улучшается. В 2018 г. валовая продукция сельского хозяйства стран БРИКС составила более 50 % от общемирового объема. Дальнейшее укрепление развивающегося сотрудничества стран БРИКС имеет большое значение для обеспечения глобальной продовольственной безопасности. Исследования показывают, что общая продовольственная безопасность стран БРИКС в целом демонстрирует тенденцию роста: высокие показатели по зерну и относительно низкие – по свежим продуктам. В будущем сотрудничество стран БРИКС в области продовольственной безопасности должно опираться на собственные ресурсы и социально-экономические характеристики. Дальнейшее укрепление развивающегося сотрудничества стран БРИКС имеет большое значение для обеспечения глобальной продовольственной безопасности.

С учетом показателей продовольственной самодостаточности на 2025 и 2030 г. прогнозируется, что продовольствие в странах БРИКС будет безопасным в будущем. Общий уровень продовольственной самообеспеченности на 2025 и 2030 г. составит около 100,03 %. Уровень продовольственной самообеспеченности в Бразилии, России, Индии и Южной Африке также превышает 95 %, и только в Китае этот показатель составляет менее 95 %.

Коэффициент самодостаточности масла является самым низким и сохраняет низкую тенденцию. В 2000 г. уровень самодостаточности нефтяного сырья в странах БРИКС составлял 90,94 %, а в 2013 г. снизился до 72,46 %. По прогнозам в 2020 и 2030 г. он будет ниже 75 %. Кроме того, уровень самодостаточности молочного животноводства в странах БРИКС в 2013 г. снизился на 7,88 % по сравнению с 2000 г., однако по прогнозам в 2025 и 2030 г. он составит более 95 %.

Хотя общий уровень продовольственной самообеспеченности стран БРИКС относительно высок, производство зерновых на душу населения во всех густонаселенных странах БРИКС все еще остается низким. По данным ФАО¹, производство зерна на душу населения в Индии в 2018 г. составило всего 193 кг на человека, что намного ниже уровня безопасности, установленного ФАО (400 кг на человека). Производство зерна на душу населения в ЮАР и Китае также находится ниже основного уровня [1].

Среди стран БРИКС Китай является крупнейшей сельскохозяйственной экономикой в мире, которая потребляет и поставляет более половины свинины в мире, а также поставляет треть садоводческой продукции, риса и хлопка и почти 20 % пшеницы, кукурузы и птицы в мире. Сектор играет важную роль в экономике Китая, производя более 12,6 % ВВП страны в 2018 г. Правительство прилагает постоянные усилия для обеспечения стабильного и здорового роста сельского хозяйства посредством структурной перестройки и финансовой поддержки. Сектор также постепенно открывается, предлагая больше инвестиционных возможностей. Так, главными приоритетами АПК Китая в 2020 г., согласно ежегодно издаваемому Центральным комитетом Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) программному «Документу № 1», остались сельское хозяйство, сельские районы и проблемы фермеров. Согласно документу, страна будет стремиться к победе в борьбе с бедностью, улучшению инфраструктуры и государственных услуг в сельских районах, обеспечению поставок важной сельскохозяйственной продукции, содействию увеличению доходов фермеров, укреплению низового управления в сельских районах и улучшению слабых связей в сельских районах [2].

Агропромышленный комплекс России является одним из самых крупных межотраслевых комплексов страны, ему принадлежит основная роль источника продуктов питания для населения, сырья для отраслей промышленности. Сахар и растительное масло являются важными элементами национального рациона питания, поэтому спрос на продовольствие, особенно на сахар, растительное масло и белок животного происхождения, постоянно растет, при этом импорт мяса сокращается. РФ останется важным экспортером зерна, растительного масла и белковой муки. Экономические санкции

¹ Food and Agriculture Organization of the United Nations – Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций.

в отношении России привели к политике импортозамещения, направленной на возрождение собственной продовольственной базы и защиту отечественного производителя сельхозпродукции [3, с. 25].

Сельское хозяйство является важной отраслью Бразилии, поскольку эта страна располагает огромными сельскохозяйственными ресурсами. Бразилия является крупнейшей страной в латиноамериканском регионе и пятой по величине страной в мире как по географической площади, так и по численности населения. Бразилия является крупным игроком в мировой торговле сельскохозяйственной продукцией, на долю которой приходится 7,3 % мирового экспорта сельскохозяйственной продукции. На этот сектор приходится 14 % ВВП страны, а на всю сельскохозяйственную цепочку приходится 28 %, где занято почти 18 млн человек. Наиболее значимыми продуктами в этом секторе являются рис, кукуруза, соя, сорго, сахарный тростник, картофель, кукуруза, помидоры, арбуз, лук и т.д. [4].

В экономике Индии сельское хозяйство играет значительную роль – в отрасли работает 54,6 % населения. Основными отраслями индийского сельского хозяйства являются мясомолочное животноводство, птицеводство, выращивание фруктов и овощей, зерновых культур, масличных семян, специй, чайного и табачного листов, кофейных зерен, различных сортов орехов (фундук, арахис, миндаль, кешью), сахарного тростника, производство морепродуктов, рыболовство и др. Зеленая революция, для которой часто характерно внедрение высокоурожайных сортов семян и удобрений, несомненно, значительно увеличила урожайность земли Индии. Отрицательное воздействие на окружающую среду проявилось также в виде истощения уровня грунтовых вод, выброса парниковых газов и загрязнения поверхностных и грунтовых вод. Правительство отреагировало на эту проблему, создав комиссию, которая будет рекомендовать пути удвоения доходов фермеров к 2022 г.

Сельское хозяйство имеет решающее значение для социально-экономического развития Южной Африки. Однако будущее этого сектора зависит от таких важнейших проблем, как изменение климата, рост населения, нехватка квалифицированных кадров, изменение в потребностях людей и изменение в мировой экономике и на смежных рынках. Будучи одним из наиболее трудоемких секторов экономики, потенциальное воздействие сельского хозяйства на расширение прав и возможностей и сокращение масштабов нищеты намного превышает его фактический вес в экономике. В то время как первичный сельскохозяйственный сектор вносит около 3 % в ВВП страны, он представляет собой около 7 % формальной занятости. Если учесть всю цепочку создания стоимости сельского хозяйства, то его вклад в ВВП достигает примерно 12 % [5].

В целом для всех стран-участниц БРИКС сельское хозяйство является одной из приоритетных отраслей, так как эти страны входят в ядро тех государств, которые борются с глобальной проблемой голода и нищеты, а также оказывают содействие по обеспечению продовольственной безопасности как на глобальном, так и на региональном уровнях.

Согласно Глобальному индексу продовольственной безопасности, который рассматривает основные вопросы доступности, наличия и качества продовольствия в 113 странах мира, в 2019 г. «пятерка» не входила в список

лидеров, занимая средние места с 35 по 72. Однако по сравнению с предыдущим годом каждая из стран увеличила свой балл в рейтинге в среднем на 0,4.

Все страны БРИКС находятся на среднем уровне по обеспечению продовольственной безопасности, за исключением Индии. Стране никогда не удавалось сократить наполовину уровень недоедания, хотя он существенно снизился за последние десятилетия.

В области сельского хозяйства БРИКС ставит перед собой такие задачи, как устойчивость сельского хозяйства к изменяющимся климатическим условиям, влияние сельского хозяйства на развитие, в том числе борьба с протекционизмом в международной торговле сельскохозяйственной продукцией. Основными решениями БРИКС в этой сфере являются создание Системы обмена базовой сельскохозяйственной информацией (2015), согласование позиций по созданию Платформы сельскохозяйственных исследований БРИКС (2016), принятие Плана действий в области сельского хозяйства на 2017–2020 гг. (2017).

В десятку крупнейших экспортеров сельскохозяйственной продукции входят Китай, Индия и Бразилия. Первое место по росту экспорта продовольствия занимает Россия. Сельское хозяйство для стран БРИКС является одной из наиболее перспективных отраслей как объекта для долгосрочных инвестиций. Однако доля сельского хозяйства и объем торговли сельскохозяйственной продукцией в странах БРИКС значительно ниже, чем у ведущих стран в данной сфере. Эти данные представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1
Экспорт сельскохозяйственной продукции, млн долл. [6]

Страны БРИКС	Торговля сельскохозяйственной продукцией – экспорт				
	2010	2017	Ведущие страны мира	2010	2017
Бразилия	45 798,171	35 376,467	США	88 144,757	92 084,111
Россия	3755,902	3533,170	Япония	1676,050	1647,738
Индия	15 966,180	16 725,224	Франция	44 772,895	53 005,891
Китай	27 411,189	33 773,039	Канада	23 934,080	23 481,810
ЮАР	5078,294	4618,443	Австралия	26 299,693	23 862,955

Таблица 2
Импорт сельскохозяйственной продукции, млн долл. [6]

Страны БРИКС	2010	2017	Ведущие страны мира	2010	2017
Бразилия	6787,001	6250,423	США	61 315,857	64 422,044
Россия	26 834,906	25 400,743	Япония	49 359,956	52 985,950
Индия	10 041,183	8319,701	Франция	35 564,773	37 067,021
Китай	36 770,506	34 187,529	Канада	22 115,782	25 968,178
ЮАР	4435,739	4091,343	Австралия	5537,018	5814,707

Доля сельского хозяйства в ВВП стран различна. Однако главным приоритетом для стран-участниц является развитие устойчивого сельского хо-

зяйства. Именно поэтому вопросы, которые связаны с этой отраслью, часто поднимаются на встречах стран БРИКС.

Страны БРИКС являются крупнейшими импортерами и экспортерами сельскохозяйственной продукции. Лидером экспорта мяса, прежде всего свинины, в 2019 г. стал Китай. Это связано с тем, что дефицит мяса был вызван африканской чумой свиней, которая сильно подорвала свиноводство. В то же время экспорт мяса из Бразилии увеличился в силу стабильного импортного спроса из Китая. Также в 2019 г. наблюдался рост экспорта мяса из России, в частности свинины. Среди «пятерки» в импорте молока лидирует Китай, в экспорте – ЮАР [7].

Крупнейшим покупателем соевых бобов является Китай, который возобновил импорт сои в конце 2018 г. Поставки сои на мировой рынок могут увеличиться, особенно из Бразилии, которая является крупнейшим экспортером масличной культуры и обеспечивает соей около 51 % от общего мирового экспорта.

На рынке экспорта среди стран БРИКС Россия сохраняет свое лидерство, экспортировав пшеницу на сумму 6 399 310 тыс. долл. Что касается крупнейшего импортера, то им является Бразилия, которая импортировала пшеницу, в том числе из России.

Кукуруза является важнейшим сельскохозяйственным продуктом для многих стран мира. Тройку мировых лидеров по экспорту замыкает Бразилия, которая продала кукурузу на сумму более 7 млрд долл. К числу основных стран-импортеров кукурузы среди БРИКС относятся Китай и ЮАР [8].

Китай, являясь одним из крупнейших производителей картофеля, также выступает основным экспортером этого продукта. В 2019 г. в стоимостном выражении Россия импортировала картофель на 132 657 тыс. долл.

На мировом рынке риса Китай занимает одну из ведущих позиций по экспорту и импорту этой культуры. Рис является главной экспортируемой культурой Индии, которая занимает 29 % от всего продовольственного экспорта Индии. Импорт и экспорт основных продуктов стран БРИКС представлен в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Импорт основных продуктов стран БРИКС
в 2019 г., тыс. долл. (составлено по [1])

Страны БРИКС	Мясо	Молоко	Соевые бобы	Пшеница	Кукуруза/маис	Картофель	Рис
Бразилия	283 925	245 042	45 351	1 491 082	199 212	13 040	244 743
Россия	1 877 830	424 410	791 864	46 768	108 203	132 657	109 232
Индия	5656	2236	112 339	589	76 454	16	11 235
Китай	18 835 595	3 179 915	35 419 586	901 034	1 061 586	1	1 253 724
ЮАР	586 592	45 440	4116	394 593	132 067	219	449 798

Бразилия является крупным экспортером сельскохозяйственной продукции. В последние годы рост сельскохозяйственного производства был обусловлен главным образом ростом общей производительности факторов производства, которая превысила средние темпы роста в мире. В течение

следующих лет ожидаются изменения в спросе на продовольствие, при этом мясо остается основным источником калорийности и белка в национальном рационе питания. Рыба будет самым быстрорастущим источником белка, хотя и с учетом низких темпов потребления.

Таблица 4

Экспорт основных продуктов стран БРИКС
в 2019 г., тыс. долл. (составлено по [1])

Страны БРИКС	Мясо	Молоко	Соевые бобы	Пшеница	Кукуруза/маис	Картофель	Рис
Бразилия	30 304 744	17 395	26 117 540	119 609	7 421 383	614	367 586
Россия	1 182 580	23 974	278 193	6 399 310	616 676	36 814	78 075
Индия	3 450 633	29 401	60 606	54 009	143 858	76 596	6 800 670
Китай	840 988	11 730	92 274	3641	9653	389 089	1 058 981
ЮАР	236 485	60 355	3361	45 027	281 052	45 770	65 026

Россия является важным производителем зерна и мяса, объемы которого, как ожидается, возрастут в ближайшее десятилетие. Ожидается, что в среднесрочной перспективе производство пшеницы увеличится на 11 %, а крупнозерновых культур, в основном кукурузы и ячменя, – на 13 %. Производство зерновых растет темпами, немного превышающими средние мировые темпы роста, что обусловлено сочетанием более высокой урожайности и большей площади уборки. Ожидается, что производство масличных семян, в основном семян подсолнечника, вырастет на 28 % в течение прогнозируемого периода, что почти на 10 % выше среднего мирового показателя. Это должно привести к значительному увеличению производства растительного масла и белкового шрота – на 22 и 30 % соответственно. Ожидается, что рост производства мяса птицы составит 11 % в течение предстоящего десятилетия, что несколько ниже ожидаемого глобального роста в 16 %. К концу прогнозируемого периода в РФ будет произведено достаточное количество мяса птицы для обеспечения внутреннего рынка. Производство свинины увеличится на 17 %, что значительно выше ожидаемого среднего мирового показателя. Производство молока, как ожидается, останется стабильным в течение ближайшего десятилетия, а производство других молочных продуктов увеличится незначительно [9].

Согласно «Сельскохозяйственному прогнозу ОЭСР-ФАО на 2017–2026 гг.», к 2026 г. Индия станет крупнейшим в мире производителем молока. В этом регионе и во всем мире на Индию (15 млн тонн) к тому времени также будет приходиться наибольший рост производства пшеницы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. На этот регион будет приходиться 46 % дополнительного производства пшеницы. Население Индии вырастет с 1,3 млрд до 1,5 млрд человек, т.е. почти на 150 млн человек. Индия должна обогнать Китай и по прогнозам к 2026 г. станет самой густонаселенной страной в мире [10].

Китай будет и впредь играть важную роль в повышении глобального спроса на многие сырьевые товары, хотя внутреннее потребление в большин-

стве случаев будет расти более медленными темпами, чем в прошлом десятилетии. Коэффициенты использования запасов как хлопка, так и кукурузы в государственном секторе, согласно прогнозам, будут снижаться в течение прогнозируемого периода. Принятый в Китае «Закон об охране окружающей среды» в сочетании со структурными преобразованиями на китайском рынке животноводства приведет к созданию более крупных и коммерчески ориентированных предприятий. Ожидается, что это позволит снизить негативное воздействие животноводческого сектора на окружающую среду. Самообеспеченность пшеницей и рисом будет оставаться приоритетом. Тем не менее ожидается, что общее потребление калорий перейдет от зерновых к рациону питания, в котором все большее предпочтение будет отдаваться рыбе, сахару, молочным продуктам, мясным и растительным маслам.

Что касается долгосрочных прогнозов, то, по мнению экспертов, Южная Африка имеет все возможности стать крупным экспортером продовольствия, а сельскохозяйственный сектор может стать существенным вкладом в местную экономику в ближайшие 10 лет. Рост ожидается в большинстве подсекторов южноафриканского сельского хозяйства, при этом наибольший рост ожидается в секторе птицеводства, желтой кукурузы, пшеницы и сои в связи с изменением потребительских предпочтений. Тем не менее изменение климата по-прежнему вызывает беспокойство и диверсификация культур является ключевым фактором [5].

Несмотря на то что страны БРИКС не говорят за весь развивающийся мир, они являются одними из драйверов глобального экономического развития. Все они призваны решать задачу обеспечения населения планеты в условиях дефицита ресурсов. В то же время все пять стран полностью отличаются друг от друга по своим базовым условиям и проблемам, с которыми они сталкиваются.

Таким образом, страны БРИКС, среди которых Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, улучшили свои показатели в области сельского хозяйства. Это говорит в первую очередь о том, что все эти страны объединяет развивающийся агропромышленный комплекс, который оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие всех этих стран. Важно отметить, что дальнейшее улучшение сотрудничества стран БРИКС в исследуемой отрасли может оказать положительное влияние на решение глобальной продовольственной проблемы.

Библиографический список

1. **Ren, Yufeng.** Development and Prospect of Food Security Cooperation in the BRICS Countries / Yufeng Ren, Zhemin Li, Yuting Wang, Tianyu Zhang // MDPI. – 2020. – URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/5/2125/htm> (дата обращения: 20.09.2020).
2. China's No 1 central document prioritizes poverty relief, improving rural weak links // The state council the people's republic of China. – 2020. – 5 Feb. – URL: http://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202002/05/content_WS5e3ab667c6d0a585c76ca7c0.html (дата обращения: 19.09.2020).
3. **Камилов, М. К.** Агропромышленный комплекс России и Китая: сравнительный анализ / М. К. Камилов, З. М. Камилова, П. Д. Камилова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2016. – № 10. – С. 19–28.

4. Brazil Agriculture Sector Report 2020–2024. – 2020. – April. – URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5026426/brazil-agriculture-sectorreport2020-2024#pos-6> (дата обращения: 21.09.2020).
5. South Africa's farm economy to recover in 2020. – URL: <https://www.hera-ldlive.co.za/agrilive/2020-03-16-sou> (дата обращения: 20.09.2020).
6. Показатели импорта и экспорта с/х продукции в странах БРИКС и ведущих странах мира. – URL: <http://www.fao.org/fao-stat/ru/#data/TI> (дата обращения: 26.09.2020).
7. **Кравченко, В.** Рынок мяса в России: итоги 2019 г. и перспективы / В. Кравченко. – 2019. – URL: <http://specagro.ru/news/202003/gynok-myasa-v-rossii-itogi-2019-g-i-perspektivy> (дата обращения: 26.09.2020).
8. **Калайда, П.** Мировой рынок кукурузы в 2019/20 МГ: в условиях снижения производства / П. Калайда // АПК-Информ. – 2019. – URL: <https://www.apk-inform.com/ru/exclusive/topic/1506102> (дата обращения: 26.09.2020).
9. Unleashing the Power of Digital on Farms in Russia // The World Bank. – 2018. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/russia/publicati> (дата обращения: 20.09.2020).
10. India Will Become Largest Milk Producer in 2026. – URL: <https://www.bestcurrentaffairs.com/india-will-become-largest-milk-producer-2026/> (дата обращения: 20.05.2020).

References

1. Ren Yufeng, Li Zhemin, Wang Yuting, Zhang Tianyu. *Development and Prospect of Food Security Cooperation in the BRICS Countries*. MDPI. 2020. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/5/2125/htm> (accessed 20.09.2020).
2. *China's No 1 central document prioritizes poverty relief, improving rural weak links*. The state council the people's republic of China. 2020, 5 Feb. Available at: http://english.www.gov.cn/policies/latestreleases/202002/05/content_WS5e3ab667c6d0a585c76ca7c0.html (accessed 19.09.2020).
3. Kamilov M. K., Kamilova Z. M., Kamilova P. D. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional issues of economic transformation]. 2016, no. 10, pp. 19–28. [In Russian]
4. *Brazil Agriculture Sector Report 2020–2024*. 2020, April. Available at: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5026426/brazil-agriculture-sectorreport2020-2024#pos-6> (accessed 21.09.2020).
5. *South Africa's farm economy to recover in 2020*. Available at: <https://www.hera-ldlive.co.za/agrilive/2020-03-16-sou> (accessed 20.09.2020).
6. *Pokazateli importa i eksporta s/kh produktsii v stranakh BRIKS i vedushchikh stranakh mira* [Indicators of import and export of agricultural products in the BRICS countries and the leading countries of the world]. Available at: <http://www.fao.org/fao-stat/ru/#data/TI> (accessed 26.09.2020). [In Russian]
7. Kravchenko V. *Rynok myasa v Rossii: itogi 2019 g. i perspektivy* [Meat market in Russia: results of 2019 and prospects]. 2019. Available at: <http://specagro.ru/news/202003/gynok-myasa-v-rossii-itogi-2019-g-i-perspektivy> (accessed 26.09.2020). [In Russian]
8. Kalayda P. *Mirovoy rynek kukuruzy v 2019/20 MG: v usloviyakh snizheniya proizvodstva* [World corn market in 2019/20 MY: in conditions of declining production]. APK-Inform. 2019. Available at: <https://www.apk-inform.com/ru/exclusive/topic/1506102> (accessed 26.09.2020). [In Russian]
9. *Unleashing the Power of Digital on Farms in Russia*. The World Bank. 2018. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/russia/publicati> (accessed 20.09.2020).
10. *India Will Become Largest Milk Producer in 2026*. Available at: <https://www.bestcurrentaffairs.com/india-will-become-largest-milk-producer-2026/> (accessed 20.05.2020).

Сальникова Ольга Владимировна

старший преподаватель, кафедра
экономической теории и международных
отношений, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: sova_newm@mail.ru

Sal'nikova Ol'ga Vladimirovna

Senior lecturer, sub-department
of economic theory and international
relations, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Рожкова Лилия Валерьевна

доктор социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономической
теории и международных отношений,
Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

E-mail: mamaeva_lv@mail.ru

Rozhkova Liliya Valer'evna

Doctor of sociological sciences, associate
professor, head of the sub-department
of economic theory and international
relations, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Сальникова, О. В. Основные направления развития агропромышленно-го комплекса стран БРИКС / О. В. Сальникова, Л. В. Рожкова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 159–168. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-15.

В. М. Володин, В. В. Бондаренко, М. А. Танина, В. А. Юдина

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ИНТЕГРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА ЭКОНОМИКУ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья посвящена вопросам изучения взаимодействия региональной системы высшего образования и социально-экономических трендов развития региональных экономик. Предмет исследования – высшие учебные заведения, выступающие в качестве элемента системы региональных институтов развития. В статье описан новый метод оценки влияния результатов образовательной и научно-исследовательской деятельности показателей образовательных организаций на культурный и социально-экономический уровень регионального развития, основанный на регрессионных моделях оценки влияния показателей объема научных исследований и разработок на уровень валового регионального продукта региона, позволяющий спрогнозировать тенденции развития региональной экономики, а также классифицировать региональные системы высшего образования в зависимости от силы их воздействия: драйверы регионального развития; системы высшего образования с высоким уровнем влияния; системы высшего образования с умеренным уровнем влияния; системы высшего образования с низким уровнем влияния.

Материалы и методы. С помощью методов системного анализа, экспертных оценок, статистического ранжирования, регрессионно-корреляционного анализа были определены показатели научной деятельности вузов, в наибольшей степени влияющие на величину валового регионального продукта, объем налогов и сборов, уплаченных в бюджеты всех уровней, и внешнеторговый оборот.

Результаты. Основными результатами исследования являются разработанные авторами показатели, отражающие эффективность деятельности вузов как элемента системы региональных институтов развития, методика оценки влияния данных показателей на культурный и социально-экономический уровень регионального развития.

Выводы. Полученные научные результаты могут быть использованы руководством вузов, органами государственной власти при формировании стратегии развития системы высшего образования, разработке методик оценки эффективности региональных образовательных систем.

Ключевые слова: региональное высшее учебное заведение, когнитивный потенциал, региональные институты развития, экономика знаний.

V. M. Volodin, V. V. Bondarenko, M. A. Tanina, V. A. Yudina

THE ANALYSIS OF UNIVERSITIES' INTEGRATIVE ACTIVITIES ON THE ECONOMY OF REGIONAL ENTERPRISES

Abstract.

Background. The article is devoted to the issues of studying the interaction of the regional higher education system and socio-economic trends in the development of regional economies. The subject of the research is higher education institutions that act as an element of the system of regional development institutions. The article describes a new method for assessing the impact of the results of educational and research activities of indicators of educational organizations on the cultural and socio-economic level of regional development, based on regression models for assessing the impact of indicators of the volume of research and development on the level of the gross regional product of the region, which makes it possible to predict trends in the development of the regional economy, as well as to classify regional systems of higher education depending on the strength of their impact: drivers of regional development; higher education systems with a high level of influence; moderately influential higher education systems; systems of higher education with a low level of influence.

Materials and methods. Using methods of system analysis, expert assessments, statistical ranking, regression-correlation analysis, indicators of scientific activity of universities were determined, which most affect the value of gross regional product, the amount of taxes and fees paid to budgets of all levels and foreign trade turnover.

Results. The key results of the study are indicators developed by the authors, reflecting the effectiveness of universities as an element of the system of regional development institutions, a methodology for assessing the impact of these indicators on the cultural and socio-economic level of regional development.

Conclusions. The obtained scientific results can be used by the management of higher education institutions, state authorities in the formation of a strategy for the development of the higher education system, the development of methods for assessing the effectiveness of regional educational systems.

Keywords: regional higher education institution, cognitive potential, regional development institutions, knowledge economy.

Одной из важных научных проблем является разработка методики анализа влияния интегративной образовательной и научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений на социально-экономическую составляющую регионального развития. В соответствии с мировыми трендами система образования оказывает существенное воздействие на конкурентоспособность и эффективность национальных экономик. В условиях инновационной экономики ключевым становится когнитивный ресурс, центром формирования которого выступают вузы. Весомая доля интеллектуального потенциала национальной экономики сосредотачивается в сфере науки высших учебных заведений, которые формируют и развивают знания в разных сферах.

Именно система высшего образования на современном этапе социально-экономического развития обладает способностью привлекать и развивать талантливую молодежь, формировать новые знания и разрабатывать механизмы их внедрения в реальном секторе экономики региона, становится основным инструментом развития экономики знаний. При этом вузы являются

генератором инновационного развития региона, центром трансляции передового опыта для территориальной образовательной системы [1, с. 1098]. Региональные высшие учебные заведения оказывают значимое влияние на уровень социально-экономических показателей регионального развития:

- качество кадрового обеспечения регионального и российского рынка труда;
- рост наукоемкого и инновационного потенциала региона;
- реализация национальных проектов;
- рост инвестиционной привлекательности территорий;
- реализация политики «мягкой» силы путем привлечения зарубежных студентов для обучения в отечественных вузах.

Различные формы сотрудничества вузов и реального сектора экономики оказывают положительное интегративное влияние и на социально-экономическую составляющую регионального развития [2, с. 32].

В передовой мировой практике на данный момент на уровне территорий сформировались модели сотрудничества между вузами и реальным сектором экономики:

- 1) совместная разработка и реализация исследовательских и научных проектов [3, с. 1098];
- 2) академическая мобильность;
- 3) разработка совместных образовательных программ;
- 4) в виде студенческой мобильности, которая реализуется в рамках обучения, организации и проведения стажировок и практик с целью получения опыта и повышения конкурентоспособности на рынке труда [4, с. 595].

В качестве удачного и эффективного примера сотрудничества высшего образования и реального сектора экономики в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) можно привести опыт формирования научно-производственных кластеров [5, с. 10]. К примеру, в США сформирована и эффективно работает целостная конкурентоспособная кластерная модель, ориентированная на партнерство и коммерциализацию НИОКР. При этом вузам, входящим в данную модель, государство оказывает финансовую поддержку [6, с. 170].

Еще одним примером сотрудничества вузов и реального сектора экономики в сфере НИОКР являются центры трансфера технологий в Китае.

С целью выявить и оценить роль вузов в области регионального развития в развитых странах используются разные системы и модели показателей, которые дают возможность оценить вклад вузов в социально-экономическое, культурное и инновационное развитие региона [7, с. 3]. По мнению зарубежных исследователей Б. Кларка, Д. Годдарда и П. Чаттертона, Г. Ицковица, Л. Ейдесдорфа, Д. Кэффри и Х. Исаакс, региональный вуз выступает в качестве элемента стратегического регионального развития.

Следовательно, в развитых странах региональная система высшего образования является одним из ключевых элементов регионального развития, социально-экономической системы и способствует эффективному формированию и развитию человеческого капитала региона.

В научном исследовании использовался системный подход, представляющий собой методологию исследования объектов как систем. В качестве ключевого элемента системы региональных институтов развития рассмотре-

ны высшие учебные заведения. Также использовались методы системного, сравнительного, статистического анализа, анкетирования и экспертного опроса.

С целью выявления взаимозависимости и направления влияния научно-исследовательской деятельности высших учебных заведений на социально-экономические показатели регионального развития авторами исследования был проведен анализ с применением экспертного опроса с целью выявления ключевых показателей оценки эффективности деятельности вузов как ключевого инновационного элемента системы региональных институтов развития.

Для достижения поставленных целей применены методы статистического анализа, ранжирования, позволившие выявить ключевые показатели регионального развития, зависящие от интегративной деятельности вузов как элемента системы региональных институтов развития. Также авторами проведен корреляционно-регрессионный анализ влияния показателей деятельности высших учебных заведений в сфере научных исследований и разработок на уровень валового регионального продукта региона. Значимость линейного коэффициента корреляции проверялась на основе расчета t -критерия Стьюдента.

В качестве обоснованной выборочной совокупности был принят входящий в Приволжский федеральный округ Пензенский регион, поскольку данная территория имеет достаточное количество высших учебных заведений – 4 крупных университета, 5 научно-исследовательских институтов, а также 6 филиалов вузов г. Москвы.

В Пензенском регионе функционируют научно-исследовательские институты следующего профиля:

- ОАО «Научно-исследовательский и проектно-технологический институт химического машиностроения»; ОАО «НИИ «Контрольприбор»» (разработка высококачественного оборудования для предприятий переработки и транспортировки нефти и газа, химического производства, нефтехимической, пищевой, энергетической отраслей промышленности);

- «НИИФИ и ВТ» – филиал АО «НИИФИ» (исследования, разработка и изготовление радиоэлектронной аппаратуры различного назначения, средств вычислительной техники для АСУ и специализированных комплексов управления);

- АО «Научно-исследовательский институт электронно-механических приборов» (спектральный анализ химического состава, фрезерные и гравировальные работы);

- АО «Пензенский научно-исследовательский электротехнический институт» (разработка и производство техники криптографической защиты информации, телекоммуникационного оборудования для сетей специальной связи министерств и ведомств, финансово-кредитных структур, предприятий и организаций).

В высших учебных заведениях региона проводятся научные исследования и разработки в области технических, естественных, гуманитарных, общественных и других научных знаний. Значительное количество научных исследований пользуется поддержкой всероссийских и региональных фондов, некоторые проекты реализуются совместно с АО «Корпорация развития Пензенской области» [8]. На протяжении трех последних лет вузы региона явля-

ются эффективными по результатам государственного мониторинга, проводимым Министерством науки и образования Российской Федерации.

Оценка влияния вузов на социально-экономическую и культурную составляющую может способствовать типологизации региональных систем высшего образования: драйверы регионального развития; системы высшего образования с высоким уровнем влияния; системы высшего образования с умеренным уровнем влияния; системы высшего образования с низким уровнем влияния. Роль человеческого капитала нашла отражение в национальных проектах и региональных программах.

Данное ранжирование показывает степень вклада региональных систем высшего образования в конкретную социально-экономическую ситуацию в регионе. При этом системы высшего образования в регионах вносят разный вклад в местную экономику, что связано с влиянием различных факторов: географическими, историческими, социальными и пр.

Региональная система высшего образования способствует эффективно-му развитию региона за счет оказания услуг, которые способствуют развитию культурной, социальной и экономической сфер:

1) удовлетворение потребностей жителей территории в услугах вузов, открытие новых специальностей и направлений, обучение, подготовка и переподготовка, обучение зарубежных специалистов, стажеров, аспирантов, которые прибывают из других государств для повышения квалификации или приобретения последипломного образования;

2) услуги в финансово-экономической и инноваторской производственной сферах (инженерные и опытные разработки, фундаментальные, прикладные, мониторинговые исследования, научно-исследовательская работа студентов, патентование и охрана интеллектуальной собственности, консалтинговая деятельность);

3) международное сотрудничество с иностранными преподавателями, направляемыми для работы в учебные заведения из зарубежных стран, тиражирование результатов научных исследований, образовательных программ;

4) развитие международных связей (экспорт образования и привлечение иностранных абитуриентов, реализация мультинациональных проектов, прием международных официальных делегаций с целью налаживания связей и партнерских отношений);

5) формирование социально-культурного развития региона (вклад вузов как крупных работодателей, вклад в общественно-культурное развитие населения, приобщение жителей к культурному наследию и творчеству, патриотическое воспитание молодежи, участие сотрудников и студентов в программах здравоохранения, волонтерства).

Проведенный анализ дает возможность делать вывод о том, что на уровне субъекта России выделяются последующие главные группы стейкхолдеров по отношению к университету: местные органы власти; учреждения среднего образования, а также остальные университеты, которые находятся в регионе; крупные промышленные компании; компании среднего и малого бизнеса, присутствующие на рынке труда; гражданское общество.

Реализация научной, инновационной и предпринимательской функций системы высшего образования, по мнению авторов статьи, позволяет вузам занять ведущее место в системе региональных институтов развития и сформировать научно-образовательный кластер (рис. 1).

Рис. 1. Система региональных институтов развития

С целью выявления взаимозависимости и направления влияния высших учебных заведений на социально-экономические показатели регионального развития с учетом отечественных практик авторами статьи было проведено исследование с применением экспертного опроса, сравнительного, статистического, корреляционно-регрессионного анализа, что позволило выявить ключевые показатели оценки влияния деятельности вузов на социально-экономическую составляющую регионального развития, отраженные на рис. 2.

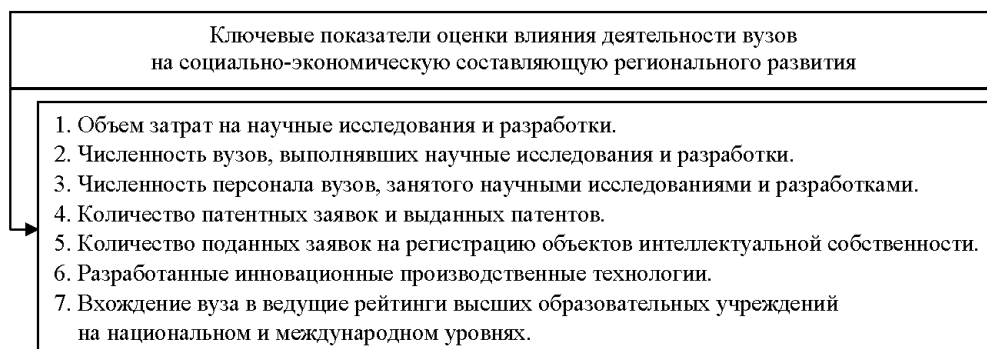

Рис. 2. Ключевые показатели оценки влияния деятельности вузов на социально-экономическую составляющую регионального развития

Интегративная деятельность высших учебных заведений играет большую роль в экономике региона и оказывает значительное влияние на социально-экономическую составляющую регионального развития. При этом вузы выступают в качестве крупнейших добросовестных налогоплательщиков региона в бюджеты и фонды всех уровней путем открытия и реализации актуальных образовательных программ, обоснования контрольных цифр приема,

осуществления набора студентов на бюджетные места, что способствует росту поступлений федеральных средств в регион за счет субсидирования.

Доля внебюджетных доходов вузов может составлять до 80 % от общей величины доходной части бюджета. За счет данных средств университеты участвуют в экономической деятельности региона через непосредственные закупки товаров и услуг, стимулируя хозяйственную деятельность многих региональных предприятий. Также значительная часть вузов выступает в роли научных центров и формирует систему малых инновационных предприятий, являющихся полноценными хозяйствующими субъектами и налоговыми агентами, обеспечивая реализацию наукоемкой продукции.

При обеспечении уровня оплаты труда для профессорско-преподавательского состава на уровне не менее чем 200 % от среднего уровня оплаты труда по региону вузы реализуют финансовую поддержку региональной экономики через стимулирование потребительского спроса и являются эталоном повышенных социальных обязательств.

Вместе с вышеназванным результаты анализа статистических показателей деятельности вузов, а также данные о мировых и национальных рейтингах университетов позволяют сделать вывод о том, что сложившаяся демографическая ситуация и государственная политика в сфере образования в нашей стране в настоящее время не позволяют назвать условия для развития российских вузов максимально легкими.

Развитая система высшего образования, вхождение университетов в мировые и международные рейтинги являются важными факторами привлечения студентов в конкретный город и регион, что обеспечивает приток новых потребителей и способствует улучшению демографической и экономической ситуации.

Увеличение количества иностранных студентов, обучающихся в региональных вузах, создает дополнительный финансовый эффект для региональной экономики в виде оплаты за обучение по основным и дополнительным образовательным программам и текущих затрат, которые несут студенты в период учебной деятельности.

Научная деятельность высших учебных заведений как ключевого элемента в системе региональных институтов развития содействует решению принципиальных социокультурных и экономико-финансовых задач, инновационному развитию регионов. Поэтому целесообразно выявить главные характеристики развития экономики и социального сектора регионов, на которые оказывает воздействие деятельность вузов.

В качестве задачи исследования стояла цель выявления совокупности индикаторов регионального развития, подверженных влиянию деятельности вузов в области научных исследований, разработок и инноваций. При этом важнейшим показателем регионального развития, прямо и косвенно зависящего от деятельности вузов, следует считать валовой региональный продукт (ВРП). С целью выявления влияния ключевых показателей оценки эффективности деятельности вузов на показатель ВРП авторами был проведен корреляционно-регрессионный анализ социально-экономических показателей региона (на примере Пензенской области).

В табл. 1 представлены результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости размера ВРП Пензенского региона от объема затрат на научные исследования и разработки.

Таблица 1

Корреляционно-регрессионный анализ зависимости ВРП
от объема затрат на научные исследования и разработки [9]

Год	Объем затрат на научные исследования и разработки, млн руб. x	ВРП Пензенского региона, млрд руб. y	x^2	xy	y^2	$\bar{y}_x$
2013	3539,5	270,4	12 527 777,1	957 070,0	73 116,2	313,5
2014	3518,5	297,7	12 379 594,5	1 047 447,0	88 625,3	311,6
2015	3645,2	326,1	13 287 483,0	1 188 699,7	106 341,2	322,9
2016	3793,6	362,5	14 391 401,0	1 375 180,0	131 406,3	336,1
2017	3962,0	378,6	15 697 444,0	1 500 013,2	143 338,0	351,1
Сумма	18 458,7	1635,3	68 283 699,6	6 068 409,9	542 826,9	1641,5
Средняя величина	3691,7	327,1	13 656 739,9	1 213 682,0	108 565,4	327,1
Квадрат средней	13 628 980,8	106 968,2	186 506 545 463 428,0	1 473 023 936 420,5	11 786 440 431,8	1 213 104,1

Далее для определения коэффициента корреляции (r) рассчитаем несколько промежуточных величин по формулам, представленным ниже [9, с. 298]:

$$\sigma_x = \sqrt{\overline{x^2} - (\bar{x})^2}, \quad (1)$$

$$\sigma_y = \sqrt{\overline{y^2} - (\bar{y})^2}, \quad (2)$$

$$r = \frac{\overline{xy} - \bar{x}\bar{y}}{\sigma_x \sigma_y}, \quad (3)$$

$$a_1 = \frac{n \sum xy - \sum x \sum y}{n \sum x^2 - (\sum x)^2}, \quad (4)$$

$$a_0 = \bar{y} - a_1 \bar{x}, \quad (5)$$

$$\bar{y}_x = a_0 + a_1 x, \quad (6)$$

$$t_{\text{расч}} = \frac{r \sqrt{n-2}}{\sqrt{1-r^2}}. \quad (7)$$

При этом $t_{\text{расч}}$ (t -критерий Стьюдента) должно быть больше $t_{\text{табличн}} = 2,1604$ [9, с. 458], только в этом случае полученный коэффициент корреляции r является значимым.

В соответствии с представленными формулами (1–7) получаем следующие значения промежуточных величин: $\sigma_x = 166,611$, $\sigma_y = 39,964$, $r = 0,94$, $a_1 = 0,089$, $a_0 = -1,54$, $\bar{y}_x = -1,54 + 0,089x$, $t_{\text{расч}} = 9,947 > t_{\text{табличн}}$, следовательно, рассчитанный коэффициент корреляции r является значимым и значимой является связь переменных x и y . В табл. 2 представлена интерпретация значений коэффициента корреляции.

Таблица 2
Интерпретация значений коэффициента корреляции [10, с. 286]

Значение коэффициента корреляции r	Интерпретация, характеризующая тесноту связи
$0 < r \leq 0,2$	Очень слабая прямая корреляционная зависимость
$0,2 < r \leq 0,5$	Слабая прямая корреляционная зависимость
$0,5 < r \leq 0,7$	Средняя прямая корреляционная зависимость
$0,7 < r \leq 0,9$	Сильная прямая корреляционная зависимость
$-0,2 \leq r < 0$	Очень слабая обратная корреляционная зависимость
$-0,5 \leq r < -0,2$	Слабая обратная корреляционная зависимость
$-0,7 \leq r < -0,5$	Средняя обратная корреляционная зависимость
$-0,9 \leq r < -0,7$	Сильная обратная корреляционная зависимость

В соответствии с данными табл. 3 найденное значение коэффициента корреляции $r = 0,94$ соответствует сильной прямой корреляционной зависимости размера ВРП Пензенской области от объема затрат на научные исследования и разработки. Полученный результат позволяет сделать вывод о том, что объем затрат на научные исследования и разработки оказывает прямое влияние на размер получаемого валового регионального продукта.

В исследовании был проведен корреляционно-регрессионный анализ зависимости размера ВРП Пензенского региона от численности вузов, выполняющих научные исследования и разработки (см. табл. 3).

В соответствии с расчетами получаем значения промежуточных величин: $\sigma_x = 1,327$, $\sigma_y = 39,964$, $r = 0,95$, $a_1 = 71,46$, $a_0 = 26,93$, $\overline{y_x} = 26,93 + 71,46x$, $t_{\text{расч}} = 10,97 > t_{\text{табличн}}$, следовательно, рассчитанный коэффициент корреляции r является значимым и значимой является связь переменных x и y .

В ведущих пензенских университетах создана эффективная инновационная инфраструктура, включающая в себя центры трансфера технологий, инновационно-аналитические отделы, студенческие научно-производственные бизнес-инкубаторы и управление организационно-методического обеспечения НИОКР. При этом центры трансфера технологий способствуют интеграции науки и промышленности региона.

Важным фактором в инновационной деятельности вузов является кадровый потенциал. В табл. 4 представлены результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости размера ВРП от численности персонала вузов, занятого научными исследованиями и разработками.

На основе расчетов в табл. 4 можно рассчитать значения промежуточных величин: $\sigma_x = 0,207$, $\sigma_y = 39,964$, $r = 0,827$, $a_1 = 471,377$, $a_0 = 31,978$, $\overline{y_x} = 31,978 + 471,377x$, $t_{\text{расч}} = 5,307 > t_{\text{табличн}}$, следовательно, полученный коэффициент корреляции r является значимым.

Высшие образовательные учреждения, НИИ оказывают существенное воздействие на уровень развития региона, так как проводят комплексные и системные фундаментальные и прикладные исследования и разработки для государственных и частных заказчиков, а также делают проекты на базе грантов, которые выделяются российскими и зарубежными фондами, оказывают гражданам и организациям научно-образовательные и консультационные услуги. При всем этом результативная деятельность НИИ и вузов способствует:

- реализации научно-исследовательских, экспертно-аналитических и других работ для государственных и муниципальных заказчиков, административных органов и местного самоуправления, а также коммерческих организаций;

- реализации интернационального научного взаимодействия, участию в коллективных исследовательских работах с российскими и зарубежными партнерами, проведению всероссийских и международных конференций, заседаний, симпозиумов в целях интеграции в мировую науку и образование и продвижения собственной научной продукции;

- формированию привлекательного инвестиционного и предпринимательского климата, благоприятного имиджа региона.

Таблица 3

Корреляционно-регрессионный анализ зависимости размера ВРП от численности вузов, выполняющих научные исследования и разработки

Год	Численность вузов, выполняющих научные исследования и разработки, ед. x	ВРП Пензенской области, млрд руб. y	x^2	xy	y^2	$\overline{y_x}$
2013	2	270,4	4,0	540,8	73 116,2	169,8
2014	4	297,7	16,0	1190,8	88 625,3	312,8
2015	4	326,1	16,0	1304,4	106 341,2	312,8
2016	5	362,5	25,0	1812,5	131 406,3	384,2
2017	6	378,6	36,0	2271,6	143 338,0	455,7
Сумма	21,0	1635,3	97,0	7120,1	542 826,9	1527,6
Средняя величина	4,2	327,1	19,4	1424,0	108 565,4	327,1
Квадрат средней	17,6	106 968,2	376,4	2 027 833,0	11 786 440 431,8	1287,5

Таблица 4

Корреляционно-регрессионный анализ зависимости размера ВРП Пензенского региона от численности персонала вузов, занятого научными исследованиями и разработками

Год	Численность персонала вузов, занятого научными исследованиями и разработками, тыс. чел. x	ВРП Пензенской области, млрд руб. y	x^2	xy	y^2	$\overline{y_x}$
2013	0,22	270,4	0,0	59,5	73 116,2	135,7
2014	0,68	297,7	0,5	202,4	88 625,3	9,5
2015	0,69	326,1	0,5	225,0	106 341,2	9,9
2016	0,75	362,5	0,6	271,9	131 406,3	12,3
2017	0,79	378,6	0,6	299,1	143 338,0	14,0
Сумма	3,1	1635,3	2,2	1057,9	542 826,9	110,6
Средняя величина	0,6	327,1	0,4	211,6	108 565,4	7,2
Квадрат средней	0,4	106 968,2	0,2	44 766,3	11 786 440 431,8	-2,4

По результатам выполненных расчетов можно сделать вывод о том, что социально-экономическое развитие региона во многом зависит от численности и качества работы персонала вузов, занятого научными исследованиями и разработками. При этом вузы являются центрами трансляции культурного наследия, научно-исследовательскими центрами, формируют малые инновационные предприятия, пользуются грантовой поддержкой различных научных фондов и аккумулируют значительные средства в сфере научных исследований и разработок.

Полученные результаты выполненного исследования позволяют сделать вывод об интегративном вкладе высших учебных заведений как драйвера экономического развития региона, заключающемся в следующих аспектах:

- мультипликационный эффект экономико-финансового развития (налоговые отчисления высших учебных заведений в местный бюджет, доходы, приобретенные от прибывающих, в том числе из-за границы, студентов, педагогов);

- университеты готовят для рынка труда профессиональных специалистов, оплата труда которых выше, чем у тех, кто не имеет высшего образования, что способствует получению более высокого налогового дохода региона и уровня потребления части жителей;

- инновационные трансформации и развитие (создание новых технологий и знаний, коммерциализация новаций, количество лицензий, патентов);

- для государства в сфере экспорта образования и рейтинга отечественных вузов значимым является число цитирований и публикаций российских ученых в российских и международных базах научного цитирования.

Результаты выполненного корреляционно-регрессионного анализа влияния показателей оценки эффективности деятельности вузов как ключевого элемента системы региональных институтов развития на размер ВРП Пензенского региона представлены в табл. 5.

На базе проведенного анализа можно прийти к выводу о том, что показатели оценки воздействия интегративной деятельности высших учебных заведений на социально-экономическую составляющую развития региона оказывают прямое воздействие на уровень валового регионального продукта.

На основе проведенного исследования было выявлено, что результаты интегративной деятельности вузов оказывают прямое влияние на социально-экономическую и культурную составляющую регионального развития. При этом высшие учебные заведения являются крупными и добросовестными налогоплательщиками; способствуют росту поступлений федеральных средств в регион за счет субсидирования; выступают заказчиком и потребителем товаров и услуг, стимулируя хозяйственную деятельность региональных предприятий; являются научно-исследовательскими центрами; создают инновационные предприятия, стимулируя тем самым налоговые поступления в региональный бюджет и рост ВРП; способствуют финансовому развитию региональной экономики через стимулирование потребительского спроса (в том числе за счет привлечения иностранного контингента), выплаты высокой (по региону) заработной платы профессорско-преподавательскому составу.

Таблица 5

Сводные результаты корреляционно-регрессионного анализа влияния интегративной деятельности вузов на показатели регионального развития

Социально-экономические показатели развития Пензенской области (X – фактор влияния)	ВРП Пензенской области, млрд руб. (Y – зависимый фактор)			
	Коэффициент корреляции r	Характеристика связи	Значимость по t -критерию Стьюдента	Уравнение регрессии $Y = A_0 + A_1 X$
1. Объем затрат на научные исследования и разработки, млн руб.	0,94	Сильная прямая ($0,7 < r \leq 0,9$)	Значимый $t_{\text{расч}} (9,947) > t_{\text{табл}} (2,1604)$	$\overline{y_x} = -1,54 + 0,089x$
2. Численность вузов, выполнявших научные исследования и разработки, ед.	0,95	Сильная прямая ($0,7 < r \leq 0,9$)	Значимый $t_{\text{расч}} (10,97) > t_{\text{табл}} (2,1604)$	$\overline{y_x} = 26,93 + 71,46x$
3. Численность персонала вузов, занятого научными исследованиями и разработками, тыс. чел.	0,827	Сильная прямая ($0,7 < r \leq 0,9$)	Значимый $t_{\text{расч}} (5,307) > t_{\text{табл}} (2,1604)$	$\overline{y_x} = 31,978 + 471,377x$

Таким образом, формирование и реализация интегративной деятельности региональных вузов как элемента системы регионального развития дает возможность повышать показатели экономической эффективности региона и обеспечивать достижение значительных социально-экономических результатов: рост численности малых и средних предприятий; рост валового регионального продукта; индексов промышленного производства субъекта федерации; рост объемов инвестиций в региональную экономику; повышение качества здравоохранения, уровня жизни, занятости и среднедушевых доходов жителей региона и, как следствие, рост доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации.

Библиографический список

1. Роль региональных институтов развития в повышении инновационного потенциала субъектов Российской Федерации / В. В. Бондаренко, Р. Р. Чакаев, О. Н. Лескина, В. А. Юдина, Т. В. Харитоновна, М. А. Танина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2019. – Т. 15, вып. 6. – С. 1097–1114.
2. Балацкий, Е. В. Эффективность институционального развития России: альтернативная оценка / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // Terra Economicus. – 2015. – Т. 13, № 4. – С. 31–51.
3. Sterlacchini, A. R&D, higher education and regional growth: Uneven linkages among European regions / A. Sterlacchini // Research Policy. – 2015. – Vol. 37. – P. 1096–1100.
4. Shields, Robin. The sustainability of international higher education: Student mobility and global climate change / Robin Shields // Journal of Cleaner Production. – 2019. – Vol. 217. – P. 594–602.
5. Татаркин, А. И. Региональные институты развития как факторы экономического роста / А. И. Татаркин, С. Н. Котлярова // Экономика региона. – 2013. – № 3 (35). – С. 9–18.
6. Yao, Y. Does higher education expansion enhance productivity? / Y. Yao // Journal of Macroeconomics. – 2019. – Vol. 59. – P. 169–194.
7. Бондаренко, В. В. Разработка системы показателей эффективности региональных институтов развития / В. В. Бондаренко, В. А. Юдина, Т. В. Харитоновна // Russian Journal of Management. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 3.
8. АО «Корпорация развития Пензенской области». – URL: <http://krpo.ru/> (дата обращения: 24.03.2020).
9. Федеральная служба государственной статистики РФ. – URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 24.03.2020).
10. Теория статистики : учебник / под ред. Г. Л. Громыко. – Москва : ИНФРА-М, 2015. – 476 с.

References

1. Bondarenko V. V., Chakaev R. R., Leskina O. N., Yudina V. A., Kharitonova T. V., Tanina M. A. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security]. 2019, vol. 15, iss. 6, pp. 1097–1114. [In Russian]
2. Balatskiy E. V., Ekimova N. A. *Terra Economicus*. 2015, vol. 13, no. 4, pp. 31–51.
3. Sterlacchini A. *Research Policy*. 2015, vol. 37, pp. 1096–1100.
4. Shields Robin. *Journal of Cleaner Production*. 2019, vol. 217, pp. 594–602.
5. Tatarkin A. I., Kotlyarova S. N. *Ekonomika regiona* [Economy of the region]. 2013, no. 3 (35), pp. 9–18. [In Russian]
6. Yao Y. *Journal of Macroeconomics*. 2019, vol. 59, pp. 169–194.

7. Bondarenko V. V., Yudina V. A., Kharitonova T. V. *Russian Journal of Management*. 2018, vol. 6, no. 1, p. 3.
 8. АО «Korporatsiya razvitiya Penzenskoy oblasti» [Penza Region Development Corporation JSC]. Available at: <http://krpo.ru/> (accessed 24.03.2020). [In Russian]
 9. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki RF* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 24.03.2020). [In Russian]
 10. *Teoriya statistiki: uchebnik* [Statistical theory: textbook]. Ed. by G. L. Gromyko. Moscow: INFRA-M, 2015, 476 p. [In Russian]
-

Володин Виктор Михайлович

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента и экономической
безопасности, директор Института
экономики и управления, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: 7volodin7@mail.ru

Volodin Viktor Mikhaylovich

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management and
economic security, director of the Institute
of Economics and Management, Penza
State University (40 Krasnaya street,
Penza, Russia)

Бондаренко Владимир Викторович

доктор экономических наук, профессор,
кафедра менеджмента, информатики
и общегуманитарных наук, директор,
Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации (Пензенский филиал)
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33 Б)

E-mail: vvbondarenko@fa.ru

Bondarenko Vladimir Viktorovich

Doctor of economic sciences, professor,
sub-department of management, informatics
and humanities, Director, Financial
University under the Government
of the Russian Federation (Penza branch)
(33 B Kalinina street, Penza, Russia)

Танина Мария Алексеевна

кандидат экономических наук, доцент,
кафедра менеджмента, информатики
и общегуманитарных наук, Финансовый
университет при Правительстве
Российской Федерации (Пензенский
филиал) (Россия, г. Пенза,
ул. Калинина, 33 Б)

E-mail: margo10@inbox.ru

Tanina Mariya Alekseevna

Candidate of economic sciences, associate
professor, sub-department of management,
informatics and humanities, Financial
University under the Government
of the Russian Federation (Penza branch)
(33 B Kalinina street, Penza, Russia)

Юдина Вера Александровна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой менеджмента,
информатики и общегуманитарных наук,
Финансовый университет
при Правительстве Российской
Федерации (Пензенский филиал)
(Россия, г. Пенза, ул. Калинина, 33 Б)

E-mail: vayudina@fa.ru

Yudina Vera Aleksandrovna

Candidate of economic sciences, associate
professor, head of the sub-department of
management, informatics and humanities,
Financial University under the Government
of the Russian Federation (Penza branch)
(33 B Kalinina street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Володин, В. М. Анализ влияния интегративной деятельности высших учебных заведений на экономику предприятий региона / В. М. Володин, В. В. Бондаренко, М. А. Танина, В. А. Юдина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 169–185. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-4-16.

Уважаемые читатели!

Для гарантированного и своевременного получения журнала **«Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки»** рекомендуем вам оформить подписку.

Журнал выходит 4 раза в год по тематике:

- ***социология***
- ***экономика***
- ***право***

Стоимость одного номера журнала – 500 руб. 00 коп.

Для оформления подписки через редакцию необходимо заполнить и отправить заявку в редакцию журнала: тел./факс (841-2) 36-84-87; E-mail: VolgaVuz@mail.ru

Подписку можно оформить по объединенному каталогу «Пресса России», тематические разделы: «Законодательство и право», «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов», «Экономика. Статистика». Подписной индекс – 36949.

ЗАЯВКА

Прошу оформить подписку на журнал «Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки» на 20__ г.

№ 1 – _____ шт., № 2 – _____ шт., № 3 – _____ шт., № 4 – _____ шт.

Наименование организации (полное) _____

ИНН _____ КПП _____

Почтовый индекс _____

Республика, край, область _____

Город (населенный пункт) _____

Улица _____ Дом _____

Корпус _____ Офис _____

ФИО ответственного _____

Должность _____

Тел. _____ Факс _____ E-mail _____

Руководитель предприятия _____

(подпись)

(ФИО)

Дата «____» _____ 20__ г.